

НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НОМЕР 1 (133) 2026

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:

Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц

с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)

Симченко Н.А. (Санкт-Петербург, Россия)

Ёлкину О. С. (Санкт-Петербург, Россия)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Кузнецов А.В. (Москва, Россия)

Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)

Научные консультанты журнала

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: +7(910) 665-08-12

Сайт: www.theoreticaleconomy.ru

e-mail: markinmi@ystu.ru

Содержание

Теоретическая экономика

№ 1 | 2026

www.theoreticaleconomy.ru

Рубрика главного редактора

- 4 Гордеев Валерий Александрович
Теоретическая экономика: начиная второе 15-летие общения с читателями журнала

Актуальные проблемы теоретической экономики

- 13 Колодий-Тяжов Леонид Анатольевич, Егорова Марина Германовна
Творчество и труд как два экономических атрибута человеческой деятельности

Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект

- 29 Паромов Алексей Юрьевич, Елкина Ольга Сергеевна
Экономические санкции как катализатор структурных изменений: оценка эффективности импортозамещения на основе интегрального индекса
- 45 Шевченко Светлана Алексеевна, Морозова Ирина Анатольевна, Кузьмина Екатерина Валериевна
Интеллектуализация реального сектора экономики: современные тенденции, вызовы, решения
- 61 Кирильчук Светлана Петровна, Наливайченко Екатерина Владимировна, Нестеренко Юрий Юрьевич
Инновационные стратегии в цифровой трансформации фирмы: институционально-правовые аспекты управления платформами, активами данных и кросс-отраслевыми инновациями
- 76 Райхлина Анна Владимировна
Концепция технологического лидерства и научно-технологическая политика региона в цифровой экономике

Современные проблемы мировой экономики

- 92 Володина Анастасия Олеговна, Траченко Марина Борисовна, Стародубцева Елена Борисовна
Фондовые биржи стран АТР: взаимозависимость доходности фондовых индексов
- 107 Чурилова Ирина Геннадьевна, Матризаев Бахадыр Джуманиязович
Исследование взаимосвязи роста производительности труда и изменения возрастного распределения населения в странах постиндустриального мира: тенденции и прогноз
- 107 Ашимова Жанна Рахимовна, Абитов Жанай Зулкарнаинович, Абитова Диана Зулкарнаиновна, Уристебек Амина Мухтаровна
Макроэкономические факторы промышленного роста в Республике Казахстан: анализ взаимосвязей и тенденций
- 92 Шустров Максим Андреевич
Города в мировой экономике и международных отношениях: прошлое, настоящее и будущее

Творчество молодых исследователей

- 126 Головчанская Елена Эдуардовна, Радько Мария Александровна
Современный рынок фитнес-индустрии в России: от производства фитнес-услуг к достижению целей стратегического развития
- 139 Кузнецов Алексей Владимирович, Аразгелдиев Гуйчгелди Аразгелди оглы, Син Владислав Дмитриевич
Особенности вклада Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Нового банка развития в устойчивое развитие
- 150 АПавлова Ксения Алексеевна, Шехова Наталия Владимировна
Совершенствование финансовой безопасности организации (на примере АО «Россельхозбанк»)

Теоретическая экономия: начиная второе 15-летие общения с читателями журнала

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор

Главный редактор журнала «Теоретическая экономика» г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Аннотация. В этой рубрике дается обзор материалов, представленных в 1-м (133-м) номере нашего журнала. Данный номер начинает второе 15-летие общения с читателями нашего сетевого издания: утром 1 января 2011 года вышел его первый номер. Журнал сразу же заявил тогда о выдвижении концепции теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях. И в течение полутора десятилетий, общаясь с читателями, редколлегия и авторы, по мнению главного редактора, настойчиво и последовательно занимались разработкой и развитием выдвинутой нами концепции. По мнению редактора, публикации данного номера предлагают идеи по дальнейшему развитию выдвинутой нами концепции. То есть продолжают то дело, которое мы осуществляем на страницах нашего сетевого издания теперь уже на протяжении более полутора десятилетий. Показано в этой рубрике, в чем же это развитие заключается на примере каждой представленной в данном номере работы. Редактором отмечено, что оно проявляется, хотя и в неодинаковой степени, как в выступлениях уже известных читателям, так и новых авторов. Главное внимание в содержании предлагаемого номера традиционно уделено, во-первых, актуальным проблемам теоретической экономии, которые исследуются кандидатом экономических наук, доцентом Л.А. Колодий-Тяжовым из Костромского государственного университета. Во-вторых, теоретическим аспектам новой индустриализации, которые рассматриваются в работах А.Ю. Паромова и О.С. Елкиной из Санкт-Петербурга из Москвы, С.А. Шевченко и её соавторами из Волгограда, С.П. Кирильчук и её соавторов из Симферополя. В-третьих, обращено внимание на современные проблемы мировой экономики, которые рассматриваются в статьях А.О. Володиной и других из Москвы, А.В. Кузнецова тоже из Москвы, И.Г. Чуриковой и Б.Д. Матризаева из подмосковного города Подольска, Ж. Ашимовой и её соавторов из Казахстана и Германии. В-четвертых, уделено внимание творчеству молодых исследователей на примере работы Е.Э. Головчанской и М.А. Радько из Москвы.

Ключевые слова: теоретическая экономия, теоретические аспекты новой индустриализации, современные проблемы мировой экономики, творчество молодых исследователей, новый парадигмальный мейнстрим в социально-экономических исследованиях, дальнейшее развитие нашей концепции как нового мейнстрима, начиная второе 15-летие общения с читателями журнала

JEL codes: A13; A14

Для цитирования: Гордеев, В.А. Теоретическая экономия: начиная второе 15-летие общения с читателями журнала / В.А. Гордеев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2026 - №01. - С.4-13. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 31.01.2026)

Здравствуйте, уважаемый читатель!

Предлагаем Вашему вниманию очередной, 1-й (133-й), номер нашего журнала. Правда, он не только очередной, но и начинающий второе 15-летие нашего общения с читателями. Как мы сообщали ранее, утром 1 января 2011 года вышел его первый номер. Журнал сразу же заявил тогда о выдвижении концепции теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях. И теперь уже в течение более полутора десятилетий, общаясь с читателями, на мой взгляд, редколлегия и авторы настойчиво и последовательно занимались разработкой и развитием выдвинутой нами концепции.

Содержимое этого номера, на наш взгляд, предлагает материалы к развитию нашей концепции теоретической экономии, которое мы осуществляем на страницах нашего издания вот уже свыше полутора десятилетий. Тем самым материалы этого номера, считаем, являются логическим продолжением предыдущих в исследовании современных социально-экономических проблем с позиции разрабатываемой в журнале концепции. Думаем, что такой подход характеризует публикуемые и в этом номере работы. Причем не только хорошо известных Вам, уважаемый читатель, но и новых авторов.

Прежде всего традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «Актуальные проблемы теоретической экономии». Здесь помещена статья под названием «Творчество и труд как два экономических атрибута человеческой деятельности». Её подготовил Колодий-Тяжов Леонид Анатольевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры технологии художественной обработки материалов, художественного проектирования, искусств и технического сервиса Костромского государственного университета (г. Кострома, Российская Федерация). Автор статьи, как мне известно, является также председателем Костромской областной организации союза художников РФ, что, думаю, небезынтересно читателю в плане рассмотрения творчества в его статье. Соавтором Леонида Анатольевича выступает Егорова Марина Германовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент тех же кафедры и университета. В научной литературе, отмечают они, как в экономических, так и в общественно-гуманитарных источниках, труд и творчество зачастую не разделяются, а там, где используются эти понятия обособленно друг от друга, не раскрывается их имманентное содержание, тем более содержание экономическое. Не возникает постановки вопроса, к какому родовому понятию они относятся. Таковым родовым понятием, очевидно, выступает человеческая деятельность вообще как совокупность осознанных действий различных органов индивида, нацеленных на достижение какого-либо результата. Причём главнейшим органом человеческий действий является разум, его более или менее эффективное функционирование. В этой связи вспоминаются трактовка Ф. Энгельсом смысла теоретических рассуждений и Г.В.Ф. Гегеля о взаимной связи таких философских категорий, как «разумное» и «действительное». Напомним эту связь в интерпретации Ф. Энгельса: «Всё действительное – разумно, всё разумное – действительно»; особенно в человеческом обществе. Интересен вопрос: существует или отсутствует непреодолимая стена между трудом и творчеством или они взаимодействуют друг с другом? Рассматривая динамику человеческих отношений, приходишь к выводу, что и труд, и творчество при определённых условиях переходят друг в друга: творчество насыщается трудовыми признаками и превращается в творческий труд, а индивидуальный труд зачастую принимает черты трудового творчества. Диалектика этих понятий в динамике, по возможности, раскрыта в настоящей статье.

Далее в рубрике «Новая индустриализация ...» Вашему вниманию предлагается четыре работы. Во-первых, статья под названием «Экономические санкции как катализатор структурных изменений: оценка эффективности импортозамещения на основе интегрального индекса». Её прислали двое авторов из Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация): Паромов Алексей Юрьевич, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, и Елкина Ольга Сергеевна, доктор экономических наук, профессор. В условиях трансформации экономических санкций из инструмента экстраординарной политики в постоянный элемент международных отношений, отмечают они, проблема импортозависимости приобретает критический характер. Данное исследование ставит своей целью не только подтвердить тезис о санкциях как катализаторе структурных перестроек, но и предложить комплексный инструмент для оценки их действительной эффективности, а также эффективности проводимой политики импортозамещения. Для этого в исследовании разработан и апробирован интегральный индекс технологического суверенитета и конкурентоспособности, объединяющий ключевые показатели

локализации, несырьевого экспорта и инновационной активности. На основе эмпирических исследований выявлены оптимальные весовые значения каждого из компонентов интегрального индекса. Анализ данных по экономике России за период с 2014 по 2024 год с применением данного индекса позволил получить конкретные результаты. Они свидетельствуют о значительной адаптивной эффективности политики импортозамещения, выраженной в устойчивом росте индекса. Однако результаты также выявили системный дисбаланс: тактические успехи в замещении импорта и наращивании традиционного экспорта пока не подкреплены адекватным прорывом в области создания собственных конкурентоспособных технологий. Таким образом, санкции создали необходимое окно возможностей, но для перехода к модели устойчивого технологического роста требуется кардинальная переориентация приоритетов в сторону генерации инноваций и высокотехнологичного экспорта.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья «Исследование влияния ключевых доминант новой индустриализации на технологический суверенитет государства». Её прислали трое авторов из ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», (г. Волгоград, Российская Федерация): Шевченко Светлана Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент; Морозова Ирина Анатольевна, доктор экономических наук, профессор; Кузьмина Екатерина Валериевна, кандидат экономических наук, доцент. В их научной статье рассматриваются вопросы достижения технологического суверенитета как важного стратегического ориентира России в условиях внешних вызовов (глобализации, трендов технологического развития, санкционного давления). Технологический суверенитет - способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства. Данное исследование уточняет и дополняет научные знания в области достижения технологического суверенитета государства. Цель исследования – выявить влияние процессов новой индустриализации на достижение технологического суверенитета государства. В исследовании использованы методы научного познания: анализ и синтез, моделирование, контент-анализ, которые позволили выявить основные направления влияния процессов новой индустриализации на технологический суверенитет государства. Методической основой исследования являются нормативные документы Российской Федерации в сфере технологического развития, а также научные результаты отечественных и зарубежных авторов в области технологического суверенитета государства и новой индустриализации. В процессе исследования уточнены основные компоненты технологического суверенитета государства (способность к независимости, национальный контроль, стратегическая автономия, институциональная поддержка и другие) и факторы его достижения (национальный контроль за созданием и использованием критических и сквозных технологий, международная интеграция с дружественными странами, научно-кадровый потенциал, развитие институциональной среды и другие). В работе структурировано понятие новой индустриализации на пять ключевых доминант (технологическая, структурная, инновационная, производственная и кадровая), что явилось основой для выявления основных направлений влияния процессов новой индустриализации на технологический суверенитет государства (формирование технологической независимости, укрепление научно-кадровой основы, обеспечение стратегической автономии, повышение конкурентоспособности и развитие институциональной поддержки). Новая индустриализация формирует системную основу для достижения технологического суверенитета России, что требует координации усилий государства, бизнеса и научного сообщества в следующих направлениях: создание замкнутых производственных циклов, развитие кадрового потенциала и укрепление международного сотрудничества с «дружественными» странами. Результаты исследования могут быть использованы при разработке эффективной промышленной и научно-технической политики в регионах для достижения технологического суверенитета России. Направление будущих исследований в изучении условий осуществления новой индустриализации

для достижения технологического суверенитета государства.

В-третьих, в этой рубрике представлена статья под названием «Инновационные стратегии в цифровой трансформации фирмы: институционально-правовые аспекты управления платформами, активами данных и кросс-отраслевыми инновациями». Её подготовили трое авторов из Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», (г. Симферополь, Российская Федерация): Кирильчук Светлана Петровна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики предприятия; Наливайченко Екатерина Владимировна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятия; Нестеренко Юрий Юрьевич, аспирант кафедры экономики предприятия. Актуальность исследования обусловлена тем, что в эпоху цифровой экономики инновации смещаются из сферы создания отдельных продуктов в область проектирования целых бизнес-моделей, экосистем и институциональных форматов. Особую значимость приобретает анализ инновационных стратегий, которые позволяют фирмам не просто внедрять технологии, а кардинально менять логику создания ценности, переосмысливая природу актива, структуру издержек и отраслевые границы. Целью исследования является раскрытие роли и механизмов инноваций бизнес-моделей и управления в процессе цифровой трансформации фирмы, с акцентом на возникающие институциональные и правовые вызовы. Для достижения цели решаются задачи: проанализировать инновационный потенциал платформенных моделей и экосистем как драйверов роста; исследовать данные как инновационный актив, порождающий новые экономические эффекты и источники конкурентного преимущества; оценить, как инновации в структуре издержек и отраслевая конвергенция переопределяют стратегическое пространство для фирмы; выявить правовые барьеры и стимулы для институциональных инноваций в цифровой среде. Методология включает институциональный подход, сравнительный анализ и моделирование, что позволяет исследовать цифровую трансформацию как процесс системных инноваций. Результаты показывают, что ключевыми инновационными драйверами современной фирмы являются: 1) переход к платформенной логике, где инновация заключается в проектировании сетевых эффектов и правил взаимодействия; 2) превращение данных в инновационный актив с возрастающей отдачей, требующий инновационных подходов к управлению и монетизации; 3) радикальная инновация в структуре издержек, позволяющая беспрецедентно масштабировать бизнес. Выявлено, что успех инновационных стратегий зависит от способности фирмы преодолевать институциональные и правовые барьеры, связанные с монополизацией, защитой данных и устаревшим отраслевым регулированием. Практическая значимость заключается в разработке рекомендаций по формированию инновационных стратегий, адаптированных к новой цифровой реальности, и предложений по модернизации правового поля для стимулирования прорывных инноваций в экономике.

В-четвертых, в этой рубрике публикуется статья «Концепция технологического лидерства и научно-технологическая политика региона в цифровой экономике». Её представила Райхлина Анна Владимировна, кандидат экономических наук, доцент ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Ярославский филиал, (г. Ярославль, Российская Федерация). В статье анализируется теоретическое и нормативное содержание понятия «технологическое лидерство», а также сущность технологической политики государства, нацеленной на достижение технологического лидерства, представленная в правовых актах Российской Федерации. Цель исследования – выявить направления научно-технологической политики субъектов РФ по достижению национальной цели технологического лидерства. Гипотеза исследования заключается в том, что ввиду стратегического значения технологического лидерства для развития государства в цифровой экономике, концептуализация данной цели и ее декомпозиция по сферам ответственности участников осуществляется из единого центра принятия решений и носит главным образом директивный характер. На примере Ярославской

области как региона с развитой диверсифицированной промышленностью показано, что научно-технологическая политика субъектов РФ по достижению национальной цели технологического лидерства строится преимущественно в русле реализации национальных проектов, обеспечения технологической независимости и формирования новых рынков по сформулированным Правительством РФ направлениям. Теоретическим фундаментом исследования послужила научная литература отечественных и зарубежных авторов, посвященная различным аспектам достижения технологического лидерства. Для обоснования выводов в исследовании использовались фактологические данные из доступных интернет-источников, а также положения нормативных документов, регламентирующих технологическое развитие и построение цифровой экономики в РФ. Для достижения поставленной цели применялись методы теоретического познания – сбор и анализ информации, формализация, аналогия; эмпирического исследования – сравнение и описание; общелогические методы – синтез, обобщение, классификация и структуризация. Методологическую основу исследования составляет системный подход, рассматривающий объект по принципам целостности и взаимосвязанности образующих его элементов, и с точки зрения которого не только объект, но и сам процесс исследования выступает как сложная система, задача которой — структуризация различных уровней изучения объекта. Полученные результаты могут быть использованы для концептуализации технологического лидерства как нового востребованного направления современной экономической науки.

Затем в рубрике «Современные проблемы мировой экономики» Вашему вниманию предлагаем четыре работы. Во-первых, публикуется статья, которую представили трое авторов из Москвы: Володина Анастасия Олеговна, кандидат экономических наук из ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»; Стародубцева Елена Борисовна, доктор экономических наук, профессор ФГБОУ «Финансовый университет при Правительстве РФ»; Траченко Марина Борисовна, доктор экономических наук, профессор ФГБОУ ВО «Государственный университет управления». Статья называется «Фондовые биржи стран АТР: взаимозависимость доходности фондовых индексов». Всестороннее изучение феномена развития Азиатско-Тихоокеанского региона, отмечают авторы, обусловлено значительными результатами, которые демонстрируют страны этого региона последние десятилетия. Особый интерес инвесторов всех континентов сопряжен с развитием фондового рынка АТР, которому в статье дана всесторонняя характеристика, включая историю развития, основные особенности, отраслевую и страновую структуру индексов, динамику капитализации в разрезе бирж этого региона. Цель проведенного исследования состоит в проверке гипотезы о взаимном влиянии бирж АТР и сравнительном анализе статистической значимости взаимного влияния бирж как внутри региона, так и связи с другими регионами. Объектом исследования выступают биржи девятнадцати стран Азиатско-Тихоокеанского региона, предметом – взаимозависимость доходности бирж. Анализируемые данные доходности индексов Азиатско-Тихоокеанского региона соответствуют критериям стационарности. На основе проведенного статистического анализа в статье были получены результаты, свидетельствующие о сильной связи лишь в 2022 г. и только между некоторыми фондовыми рынками внутри Азиатско-Тихоокеанского региона. В основном наблюдалась слабая зависимость как внутри Азиатско-Тихоокеанского региона, так и с фондовыми индексами стран других регионов. Результаты корреляционного анализа за период 2022–2024 гг. показали, что уровень взаимосвязи фондовых индексов снизился как внутри АТР, так и с фондовыми индексами стран других регионов, что отражает процесс регионализации фондовых рынков. Полученные результаты могут быть использованы в принятии инвестиционных решений широким кругом акторов. В дальнейшем целесообразно провести исследование причинно-следственных связей выявленных зависимостей, систематизировать и выявить наиболее существенные факторы, влияющие на взаимозависимость доходности фондовых индексов.

Во-вторых, продолжает эту рубрику работа, которую представили двое исследователей из подмосковного города Подольск, доценты Российского государственного университета туризма

и сервиса: Чурилова Ирина Геннадьевна, кандидат педагогических наук, и Матризаев Бахадыр Джуманиязович, кандидат экономических наук. Название их статьи – «Исследование отдельных демографических факторов и их влияния на управление трудовым потенциалом через призму человеческого капитала - макроэкономические и финансовые последствия: сравнительный анализ развитых и развивающихся стран». В статье рассматриваются результаты теоретико-методологического и эмпирического исследования макроэкономических и финансовых последствий отдельных демографических синдромов постиндустриального мира и их влияния на управление трудовым потенциалом в отдельных странах через призму человеческого капитала. В частности, в статье рассматриваются состояние и перспективы старения населения и вызванное им снижение доли рабочей силы и их влияние на макроэкономическую динамику и финансовую устойчивость в странах постиндустриального мира, характеризующимися самыми высокими темпами старения населения в мире. В то время как в других отдельных исследованиях фокус внимания был направлен на общую тенденцию снижения доли труда в ВВП, оценка макроэкономических и финансовых последствий такой тенденции остаётся недостаточно изученным. В этих целях в статье основываясь на количественной модели общего равновесия жизненного цикла проводится количественный анализ влияния снижения доли труда на макроэкономические переменные и реформы системы социального обеспечения. В частности, исследование основывается на модели пересекающихся поколений, параметры которой адаптированы к отдельным странам постиндустриального мира, при этом моделируя влияние различных институтов человеческого капитала, таких как медицинское страхование и пенсионное обеспечение и др. Эмпирические данные, показывают, что снижение доли труда может быть возмещено сочетанием соответствующего макроэкономического управления и институциональными реформами, что в конечном счёте может способствовать восстановлению макрофинансовой устойчивости в странах характеризующихся старением населения и высоким уровнем государственного долга.

В-третьих, статья Жанны Ашимовой и её трех соавторов из Казахстана и Германии под названием «Макроэкономические факторы промышленного роста в республике Казахстан: анализ взаимосвязей и тенденций». В условиях нестабильной внешнеэкономической конъюнктуры, геополитических вызовов и продолжающихся структурных преобразований в экономике Казахстана всесторонний анализ факторов, определяющих промышленный рост и устойчивость производственного сектора, отмечают авторы, имеет особое значение. Целью исследования является выявление характера, направленности и силы взаимосвязей между промышленным производством и ключевыми макроэкономическими детерминантами, что позволяет нам определить приоритетные направления промышленной политики. Эмпирическая база исследования основана на официальных статистических данных за 2000-2024 годы, что обеспечивает репрезентативность и достоверность выводов. Методологический подход основан на корреляционном и трендовом анализе, а также SWOT- и PEST-диагностике, что позволило охватить как количественные, так и качественные аспекты влияния инвестиционной, экспортной, трудовой и институциональной составляющих на динамику промышленности. Результаты исследования показали, что наибольшее положительное влияние на промышленное производство оказывают государственные субсидии (коэффициент корреляции 0,7592), уровень заработной платы (0,7126), валовой выпуск товаров и услуг (0,6587) и валовое накопление (0,6552). Чистый экспорт имеет умеренную положительную корреляцию (0,6463), в то время как инвестиции в основной капитал демонстрируют слабую текущую корреляцию (0,092), что указывает на вероятный отложенный эффект. SWOT-анализ выявил сильные стороны отрасли, включая богатую ресурсную базу и значительную государственную поддержку, а также слабые стороны, связанные с зависимостью от ресурсов и технологическим отставанием. PEST-анализ подтвердил высокую чувствительность промышленного сектора к нестабильности цен и валютных курсов. Сделан вывод о необходимости комплексного применения инвестиционных, фискальных и институциональных инструментов, направленных на стимулирование устойчивой

индустриализации, ускорение технологического обновления и укрепление международной конкурентоспособности казахстанской промышленности.

Завершает рубрику, статья Максима Шустрова (Аспирант РЭУ им. Г.В. Плеханова) под названием «Города в мировой экономике и международных отношениях: прошлое, настоящее и будущее». Актуальность темы, подчеркивает автор, обусловлена глубокими трансформациями мирового порядка на фоне геополитической напряженности, где города все чаще выступают в роли значимых негосударственных акторов, что, однако, слабо отражено в современной академической литературе. Целью работы является выявление генезиса городской теории и ее критическое переосмысление в условиях новой реальности. Методологическую базу исследования составил анализ классических и современных урбанистических концепций, а также ключевых мегатрендов, зафиксированных в авторитетных аналитических докладах. В результате исследования автором четко прослежена эволюция теоретической мысли от концепции «мирового города» к «глобальному городу» С. Сассен, драйвером которого выступила глобализация. Анализ текущих процессов фрагментации мировой экономики позволил сделать вывод о необходимости пересмотра существующих теорий. Итогом работы стала авторская концепция «макрорегионального города», которая, в отличие от предыдущих моделей, учитывает современные тенденции деглобализации, многополярность мира и цивилизационные разломы, предлагая политически нейтральный и универсальный инструмент для анализа роли городов в формирующемся миропорядке.

Далее, в рубрике «Творчество молодых исследователей» представляем Вашему вниманию статью, которую прислали из Москвы Головчанская Елена Эдуардовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Общий и проектный менеджмент», ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», и Радько Мария Александровна, студентка этого вуза. Название их работы – «Современный рынок фитнес-индустрии в России: от производства фитнес-услуг к достижению целей стратегического развития». В современных экономических условиях фитнес-индустрия, отмечают авторы, стремительно трансформируется из узкоспециализированной сферы в мощную социально-экономическую отрасль, интегрирующую государственные приоритеты, технологические инновации и новые модели потребительского поведения. Несмотря на значительный рост рынка фитнес-услуг в России (объем рынка за первое полугодие 2025 года составил 150,5 млрд рублей, рост на 23,9% в годовом исчислении), остаются недостаточно изученными механизмы адаптации отрасли к вызовам цифровизации, региональной экспансии и изменениям в форматах потребления. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа современных трендов и выработки стратегических ориентиров для повышения конкурентоспособности фитнес-компаний в условиях насыщенного рынка и растущих ожиданий клиентов. Целью работы является комплексный анализ тенденций развития производства услуг в фитнес-индустрии России и определение путей совершенствования деятельности компаний. Методологическая база исследования основана на анализе статистических данных и нормативных документов. В результате исследования выявлены ключевые тренды: переход к рекуррентным моделям оплаты (65,3% клубов в 2025 году), рост популярности автоматизированных фитнес-пространств 24/7, региональная экспансия с акцентом на сегмент среднего и эконом-класса, а также внедрение CRM-систем и искусственного интеллекта для персонализации услуг и повышения клиентской лояльности. Особое внимание уделено цифровизации клиентского пути, управлению загрузкой залов и оптимизации маркетинговых стратегий через программы лояльности и онлайн-форматы. Научная новизна представленного исследования заключается в комплексном анализе трансформации производства услуг в российской фитнес-индустрии в период 2024-2025 гг., рассматриваемой как модель экономики впечатлений и подписочной экономики в условиях пост-пандемийных изменений и структурных сдвигов рынка. В отличие от предыдущих работ, фокусирующихся на маркетинговых механизмах или общих трендах, данное исследование выявляет и систематизирует специфические драйверы и барьеры роста, возникающие на стыке

государственной политики, потребительского поведения и технологической адаптации.

Во-вторых, в этой рубрике помещена статья «Особенности вклада Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Нового банка развития в устойчивое развитие». Её написали член редколлегии нашего журнала Кузнецов Алексей Владимирович, доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор Кафедры мировой экономики и мировых финансов Факультета международных экономических отношений, Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, (г. Москва, Российская Федерация), и двое обучающихся на этом факультете указанного вуза: Аразгелдиев Гуйчгелди Аразгелди оглы и Син Владислав Дмитриевич. В статье проводится выборочная оценка влияния Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития (НБР) на экономическое и социальное развитие развивающихся стран. На основе эмпирических данных и анализа проектов банков проверяется гипотеза о том, что несмотря на декларируемые цели по содействию Целям устойчивого развития ООН, их деятельность в основном воспроизводит структурные зависимости экономик стран-реципиентов. С использованием критерия “реальное развитие” (рост автономии, снижение зависимости, создание высокотехнологичных производств) показан минимальный вклад анализируемых проектов в структурные изменения. Реализация инфраструктурных проектов увеличивает размер задолженности без оздоровительной для экономики диверсификации структуры экспорта или локализации технологий. Проведенный анализ позволил выделить ряд взаимосвязанных причин, объясняющих геополитическую подоплеку интересов новых банков развития и провести сопоставление их деятельности с политикой традиционных многосторонних финансовых институтов. Теоретическая значимость исследования состоит в разработке и апробации системы критериев “реального развития”, которая выходит за рамки традиционных количественных метрик, таких как объемы финансирования или номинальный рост ВВП. Разработанная методика, интегрирующая экономические, социальные, технологические и финансовые индикаторы, позволяет проводить более нюансированную оценку эффективности кредитования по линии многосторонних финансовых институтов. Предложены рекомендации повышения эффективности АБИИ и НБР в финансировании проектов в развивающихся странах и направления дальнейших исследований рассматриваемой проблематики. Сделан вывод, что реальные сдвиги в расстановке сил в глобальной экономике зависят от способности новых банков развития сбалансировать свои геополитические амбиции с удовлетворением реальных потребностей развивающихся стран.

В этой рубрике также помещена статья под названием «Совершенствование финансовой безопасности организации (на примере АО «Россельхозбанк»)». Её прислали авторы из ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация): Павлова Ксения Алексеевна, студент, и Шехова Наталия Владимировна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности. Исследование посвящено актуальной проблеме, касающейся путей повышения финансовой безопасности организаций. От того, насколько грамотно каждая организация оценивает свои угрозы и риски, гибко реагирует на внешние и внутренние изменения, своевременно предотвращает и (или) минимизирует ущерб от реализации негативных событий зависит устойчивость ее развития, стабильность результатов и перспективы ее роста. Все это влияет на уровень финансовой безопасности любого хозяйствующего субъекта. Так или иначе, каждая организация привлекает средства для создания, существования, дальнейшего расширения масштабов деятельности. В связи с этим особую важность представляет необходимость всестороннего анализа и оценки финансовой устойчивости коммерческих банков, эффективное управление финансовыми ресурсами и денежными потоками, выявление уязвимых мест и путей повышения финансовой безопасности банков. Целью статьи является разработка стратегических рекомендаций по повышению уровня финансовой безопасности коммерческих банков (на примере АО «Россельхозбанк»). Для достижения цели были решены следующие задачи: оценка уровня финансовой безопасности

АО «Россельхозбанк»; выявление вызовов, угроз и рисков финансовой безопасности АО «Россельхозбанк»; разработка и оценка эффективности стратегических мероприятий обеспечения финансовой безопасности АО «Россельхозбанк». Результаты исследования: внедрение системы автоматического принятия решений по заявкам клиентов на кредитные продукты в коммерческий банк, по предварительным оценкам и прогнозам, позволит снизить затраты на фонд оплаты труда, существенно сократить время принятия решения по заявке, увеличить конверсию в выдачу кредитного продукта, а также снизить долю просроченной задолженности. Вышеуказанные результаты, в отдельности и в совокупности, позволят повысить уровень финансовой устойчивости, а следовательно, уровень финансовой безопасности коммерческого банка. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы финансовыми аналитиками, банковскими агентами, представителями кредитных организаций, а также научными исследователями финансового сектора экономики.

Далее в рубрике «Рецензии, отклики» Вашему вниманию предлагается мой материал под названием «Размышляя над выступлением Ладислава Жака в Твери». Статья посвящена моим размышлениям о выступлении члена редколлегии нашего журнала Ладислава Жака (г. Прага, Республика Чехия) на V Международной научно-практической конференции «Социально-экономическая траектория развития России: категорический императив бытия во времени и пространстве», состоявшейся в Тверском государственном университете (г. Тверь, Российская Федерация) 5-6 декабря 2025 года. В этом выступлении я нахожу ряд положений, заслуживающих внимания и осмысления в русле дальнейшего развития сегодня концепции теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях, которым мы занимаемся в нашем журнале вот уже более полутора десятилетий. Данная статья посвящена характеристике основного содержания таких положений выступления Л. Жака как важному средству, по моему мнению, в осмыслении теоретической экономики. Особое внимание уделено роли положений и выводов Л. Жака по вопросу о том, каким образом Человек, его интересы и мировоззрение трансформируются в условиях глобальных изменений — технологических, экономических и цивилизационных..., а также об идее А.В. Бузгалина, что «главный критерий общественного прогресса — это прогресс Человека». Методология данной работы основана, естественно, на выдвинутой нами концепции теоретической экономики. Научная новизна работы заключается в выявлении вклада положений рассматриваемого выступления Ладислава Жака в развитие этой концепции.

Таково основное содержание материалов 1-го (133-го) номера. Как видите, они, достойно начинают второе 15-летие общения с читателями нашего сетевого издания, представляя идеи к дальнейшему развитию выдвинутой нами полтора десятилетия назад в журнале концепции теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях. Таким образом, считаю, материалы этого номера предстают логичным продолжением всех предыдущих номеров нашего издания.

В заключение позвольте высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением В.А. Гордеев

Theoretical economy: starting the second 15 years of communication with the journal's readers

Valery A. Gordeev

Doctor of Economics, Professor

Chief editor of the journal «Theoretical Economy», Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: vgordeev@rambler.ru

Abstract. This section provides an overview of the materials presented in Issue 1 (Issue 133) of our journal. This issue begins the second 15 years of communication with readers of our online publication: the first issue was published on the morning of January 1, 2011. The journal immediately announced the concept of theoretical economics as a new paradigmatic mainstream in socioeconomic research. And over the course of a decade and a half, communicating with readers, the editorial board and authors, according to the editor-in-chief, have persistently and consistently developed and advanced this concept. In the editor's opinion, the publications in this issue offer ideas for the further development of this concept. In other words, they continue the work we have been doing on the pages of our online publication for over a decade and a half. This section illustrates this development through the example of each work presented in this issue. The editor notes that this is evident, albeit to varying degrees, in both the contributions of well-known authors and new ones. The focus of this issue is traditionally, first, on current issues in theoretical economics, explored by L.A. Kolodiy-Tyazhov, PhD in Economics and Associate Professor at Kostroma State University. Second, on the theoretical aspects of the new industrialization, examined in the works of A.Yu. Paromov and O.S. Elkina from St. Petersburg and Moscow, S.A. Shevchenko and her co-authors from Volgograd, and S.P. Kirilchuk and her co-authors from Simferopol. Third, attention is drawn to contemporary issues in the global economy, explored in articles by A.O. Volodina and others from Moscow, A.V. Kuznetsov, also from Moscow, I.G. Churikova, and B.D. Matrizaeva from Podolsk, Moscow Region, and Zh. Ashimova and her co-authors from Kazakhstan and Germany are featured. Fourth, attention is given to the work of young researchers, using the example of E.E. Golovchanskaya and M.A. Radko from Moscow.

Keywords: theoretical economy, theoretical aspects of the new industrialization, contemporary problems of the global economy, work of young researchers, new paradigmatic mainstream in socioeconomic research, further development of our concept as a new mainstream, beginning the second 15 years of communication with the journal's readers

Творчество и труд как два экономических атрибута человеческой деятельности

Колодий-Тяжов Леонид Анатольевич

Кандидат экономических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет», г. Кострома, Российская Федерация

E-mail: kolodiy-tyajow@yandex.ru

Егорова Марина Германовна

Кандидат экономических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет», г. Кострома, Российская Федерация

E-mail: marinaegorova1967@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

действительное, разумное, человеческая деятельность, разум, осознанность, неосознанность, труд, работа, стоимость, потребительная стоимость, товар, индивидуальное творчество, социально-значимое творчество, динамика, диалектика услуга, заказ

АННОТАЦИЯ

В научной литературе, как в экономических, так и в общественно-гуманитарных источниках труд и творчество зачастую не разделяются, а там, где используются эти понятия обособленно друг от друга, не раскрывается их имманентное содержание, тем более содержание экономическое. Не возникает постановки вопроса, к какому родовому понятию они относятся. Таковым родовым понятием, очевидно, выступает человеческая деятельность вообще, как совокупность осознанных действий различных органов индивида, нацеленных на достижение какого-либо результата. Причём главным органом человеческих действий является разум, его более или менее эффективное функционирование. В этой связи вспоминаются трактовка Ф. Энгельсом смысла теоретических рассуждений и Г. В. Ф. Гегеля о взаимной связи таких философских категорий, как «разумное» и «действительное». Напомним эту связь в интерпретации Ф. Энгельса: «Всё действительное – разумно, всё разумное – действительно» [1]; особенно в человеческом обществе, в котором всё создано разумом, но далеко не всё разумно, хотя и действительно. Разум лежит в основе человеческой деятельности. Вне его этой деятельности не существует, хотя индивид может осуществлять её неосознанно, неразумно или, во всяком случае, осознавать её действительные последствия с запозданием, причём с запозданием значительным. Нельзя забывать, что человеческая деятельность многоаспектна, разнопланова, но всегда проявляется в созидании чего-либо или кого-либо. В обществе выделяются две основные группы человеческой созидательной деятельности: труд и творчество. Интересен вопрос: существует ли непреодолимая стена между трудом и творчеством или они взаимодействуют друг с другом? Рассматривая динамику человеческих отношений, приходишь к выводу, что и труд, и творчество при определённых условиях переходят друг в друга: творчество насыщается трудовыми признаками и превращается в творческий труд, а индивидуальный труд зачастую принимает черты трудового творчества.

JEL codes: J24; O31; Z11; D91; M54

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-1-14-27>

Для цитирования: Колодий-Тяжов, Л.А. Творчество и труд как два экономических атрибута человеческой деятельности / Л.А. Колодий-Тяжов, М.Г. Егорова. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 1. – С.14-27. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 31.01.2026)

Введение

Различаются две основных формы творческой деятельности: индивидуальное творчество и социальное творчество как индивидуальная, но социально значимая человеческая деятельность. Первая состоит в созидании индивида как человека и человека как индивида, в созидании себя самого для включения своих индивидуальных способностей в социально-значимые для себя отношения, в созидании себя как общественного индивида, как определенного типа личности социального и

экономического человека. Вне общества и его воздействия на человека индивидуальное творчество абстрактно, но вполне действительно. С момента своего рождения человек уже находится в обществе, но обладает неповторимой индивидуальностью, оригинальностью и даже креативностью, которые существуют пока в его биологической природе, предполагающей наличие социума. Воздействия на биологический субстрат новорожденного, общество начинает приносить в него своё, приобщать индивида к социальной среде существования, что в определённой мере начинает противостоять его биологической природе и обуславливает столкновение, пусть не заметное, двух начал человека: биологического и социального. Единство и борьба противоположностей в возникающем человеке как индивиде и как личности приводят либо к развитию индивидуального творчества, либо к подавлению его биологически обусловленных начал. Индивидуальное творчество свести к нулю вряд ли возможно, но включить его в социальную действительность органично можно и нужно.

Социальное творчество – высшая экономическая форма как индивидуальной созидательной деятельности, так и человеческой деятельности вообще. Социальное творчество – это созидание других, как себя самого, независимо от того, будут ли объектом индивидуальной производственной деятельности люди, вещи или непосредственно отношения. Для индивида процесс социального творчества является формой выражения себя в другом, которому он полностью готов отдать себя, лишь бы удовлетворить свою потребность как в созидательной деятельности вообще, так и в ее разнообразных конкретных видах и формах. Зачастую не задумываясь о том, что из этого можно извлечь не только наслаждение, но и определенную экономическую выгоду, принимающую форму ренты за свои оригинально-уникальные способности к такому творчеству (даже ренты – абсолютной) [2] и в таком творчестве, человек занят творческой деятельностью, как говорится, без остатка, без умысла об экономической выгоде, хотя на уровне подсознания выгода существует в абстрактной форме всегда.

Если исходить из понимания Б. М. Генкина, что «в любом виде деятельности человека можно выделить две компоненты. Первая из них характеризует труд (заметим, деятельность ещё не труд – авторы), выполняемы по заданной технологии, инструкции, схеме, когда исполнитель работы не вносит в неё никаких элементов новизны, собственного творчества. Такой труд будем называть регламентированным или а-трудом. Вторая компонента характеризует труд, направленный на создание новых материальных, интеллектуальных и духовных благ, а также новых методов производства. Этот вид труда будем называть новационным, творческим или b-трудом» [3].

Заметим, что существуют различия в трактовке понятий «создание» и «созидание», которым Б. М. Генкин не придаёт значения. Труд, между тем, создаёт, а творчество – созидает. Труд для себя как исполнителя может нести новации, но труд для других может таковых и не иметь. В первом случае мы будем иметь дело не с творчеством или творческим трудом, а с трудовым творчеством, которое несёт в себе возможность извлечение скрытой рента. Примеров трудового творчества в различных отраслях и сферах экономики бесчисленное множество, но рента, в традиционном её понимании, не выделяется в нём, ибо вписана в общие результаты производственной деятельности, в которой присутствует трудовое творчество. На производстве трудовое творчество проявляется в рационализации и изобретательстве. Их достижения экономически могут поощряться и принимать форму премии как явной ренты. Или не замечаться руководством и производственным коллективом. В таком случае стремление к трудовому творчеству в человеке угасает, но возникает в нём нечто другое, негативное – оппортунистическое поведение, что несёт возможность значительного ущерба для предприятия.

Рента от трудового творчества как форма определённой выгоды по своему характеру относительна и непродолжительна. Однако ее характер резко изменяется, если процесс индивидуального трудового творчества в данной общественной среде имеет особое отношение, вызывает особый интерес со стороны других людей в их подавляющем большинстве или пользуется особым, нарастающим спросом и в этом смысле обладает не только экономической редкостью, но и

социально обусловленной уникальностью. С этих позиций творчество, по И. И. Чангли, предстает как «...деятельность, несущая в себе элементы прогрессивной новизны, проявляющаяся как в создании качественно новых материальных и духовных ценностей, так и в более совершенном использовании трудовых функций» [4].

Далее И. И. Чангли пишет, что творчество «...осуществляется со знанием дела, целеустремленно, вдохновенно;» в нем «... все более полно проявляются способности человека. Эта деятельность, себя критикующая и себя совершенствующая, доставляющая глубокое удовлетворение как трудящемуся, так и тем, кому предназначены плоды труда.» [Там же], а не плоды творчества (Авторы) Заметим, что всякое творчество не только не может быть ограничено каким-то конкретным видом труда, пусть даже самого богатого содержания, а изначально противостоит любой преднамеренно заданному виду человеческой деятельности, потому что сам индивид должен не столько выбирать, сколько выполнять этот вид, но и в нужный момент его заменить на другой, также его самостоятельно созидая, в чем применительно к деятельности и заключается истинная свобода людей, которая лишь компенсируется действием закона перемены труда. [5] Некоторые исследователи выделяют «свободный труд». [6] Заметим, что «свободного труды» не существует, труд – это прежде всего вынужденная необходимость.

Начнём с диалектики творчества и труд. В творческой деятельности всякое последующее полезное свойство постигается большими усилиями человека, чем предшествующее. Ведь всякое «... доказуемое и выводное основывается на недоказуемом и самоочевидном». [7] Человеческое (в данном случае - индивидуальное) творчество постепенно трансформируется в процесс творческого труда. В нём главной доминантой являются заданные из вне, со стороны членов общества как заказчиков, во-первых, цель и действия ее достижения, а, во-вторых, – персональные качества исполнителя творческого труда. Все характеристики творческого труда присущи адекватному состоянию трудового потенциала на определенном этапе его движения. Творческий труд как человеческая деятельность вообще действительно соединяет в себе три основные функции, а труд как специфически-конкретная форма деятельности большей частью характеризуется теми признаками, которые предписаны человеку и ей, как бы извне, сложившейся системой общественного и единичного разделения труда, независимо от индивидуальных особенностей людей. В рамках разделения и закрепления труда все его основные функции соотносятся между собой по-разному, так что в одних конкретных видах производственной деятельности преобладает физическая, в других – сенсорная, а в-третьих – интеллектуальная функции.

В настоящее время в индустриально развитых странах на основе тотальной компьютеризации, программирования и цифровизации происходит крупномасштабная автоматизация, роботизация, и механизация многих производственных процессов, что К. Маркс связывал с исторической миссией капитализма и с заменой труда (очевидно, элементарно простого, ручного или физического) работой машин. Рассмотрим один из его подходов к характеристике труда в посткапиталистическом обществе. Итак, он писал: «...историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда... потребности будут развиты настолько, что сам прибавочный труд, труд за пределами абсолютно необходимого для жизни, станет всеобщей потребностью, проистекающей из самих индивидуальных потребностей людей...». [8]

Конечно, труд, тем более труд простой или частичный, ручной, физический ни в прошлом, не в настоящем, ни в далёком будущем вряд ли сможет превратиться в индивидуальную потребность людей. Труд становится мнимой или квази – потребностью, как только превращается в работу человека. Ведь он, выполняя процесс труда на протяжении многих лет в рамках одного и того же рабочего места, начинает применять индивидуальные способности без особого осознания своих действий, то есть автоматически, по привычке или по шаблону как рутину. [9] Труд, будучи работой, утрачивает к себе первоначальный человеческий интерес и выхолащивает в каждом индивиде его природный дар и естественные потребности к непрерывному и постоянно нарастающему познанию

мира в его разнообразии и привлекательности, к креативному и всестороннему развитию личности.

Человеческое мышление к трудовой деятельности и в трудовой деятельности стимулирует новые мысли как эмпирические знания. Они уже кем-то воплощены в применяемых средствах производства, кем-то уже открыты, кем-то материализованы, кем-то усвоены на предшествующих этапах исторического развития общества. Иначе говоря, материализованы в средствах производства и изначально воплощены в изобретениях и в конструкторских проектах, но до конца ещё не познаны человеком в процессе изучения природы и общества. Для человечества эти знания не новы. Но для человека, ограничивающего свой круг деятельности рамками данного вида труда или его разновидности, поначалу знания о применяемых им средствах производства вносят в его мышления определённую новизну. Она со временем превращается в простой интеллектуально-трудовой стандарт и начинает противостоять естественному процессу развития разума и мышления человека, консервируя его набором постоянно повторяющихся знаний, за незначительным отклонением, и разворачивает этот процесс мышления вспять.

По мере нарастания трудового стажа частичный труд формирует в человеке профессиональный консерватизм, доходящий в процессе работы до квалификационного кретинизма. А это значит, что человек не в состоянии перейти на другое место работы, где трудовой процесс имеет иное содержание, более сложное, интеллектуально насыщенное. В таком случае в обществе эта проблема решается двояким образом: во-первых, при коренной модернизации производства наёмные работники, наделённые профессиональным консерватизмом, перерастающим в квалификационный кретинизм, подлежат увольнению и пополняют ряды безработных, а во-вторых, трудящиеся предприятий противостоят технической модернизации производства и требуют от руководства сохранения существующих рабочих мест.

Труда как целостного процесса никогда не существовало даже на заре человеческого общества, когда действовало естественное, половозрастное разделение производственной и иной человеческой деятельности. Её отехничивание усиливало разделение деятельности людей, делало её во многом искусственным, специализированным процессом и превращало в частичный, элементарно простой или, во всяком случае, несложный ручной, физический труд как ограниченный в пространстве и во времени (регламентированный) вид производственной, материально-вещественной деятельности. Именно вид этой деятельности как труд, как частичную производственную деятельность, институционально-экономически привязанную к определённой технике или к одной и той же технологии, ещё Г. Гегель называл абстрактным процессом [10], не вызывающим у исполнителя особого интереса и обеспечивающим не всестороннее, а однобокое развитие личности.

Труд, тем более частичный, как единичное физическое действие или незначительный набор таких единичных действий, не требующих особого осмысливания или обдумывания, только и может быть абстрактным процессом. Он создаёт лишь частичку потребительной стоимости и частичку стоимости товара, который ещё не обладает своей завершёностью, полнотой экономического блага и объёмной стоимостью. А значит, частичный труд, как труд индивидуальный, товаром в полном смысле этого слова признать нельзя. Конкретность частичного труда, как единичного действия, есть штришок, есть абстракт, упрощённость, возведённая в «Капитале» К. Маркса до уровня абсолюта, до некой полноценности в трактовке конкретного труда [11], а не в качестве «внутренней пустоты», как у Гегеля. [12] Постоянная повторяемость элементарно простых человеческих действий в процессе частичного труда в течение рабочего дня не придаёт ему и создаваемой вещи конкретной целостности, равно как и сама вещь в этом процессе не возникает как конкретная потребительная стоимость. И, очевидно, вещь как потребительная стоимость и стоимость индивидуальным трудом не создаётся. Хотя она и обладает однозначной нужностью либо для производительного потребления, либо для потребительного производства с последующим превращением в полную готовность или завешенную полезность, готовую к окончательному применению и использованию на рынке в качестве полноценного товара или экономического блага.

Труд как частичная производственная деятельность, не говоря о разнообразии видов человеческой деятельности вообще, порождает в каждой личности мнимую индивидуальную потребность, противостоящую его универсальной природе и всяким технико-технологическим либо социально-экономическим новациям. При однобоком развитии человека его потребности ограничены настолько, что всякая новая потребность в нём возникает с большой психической напряжённостью и носит весьма упрощённый характер. С годами трудящийся человек, а точнее сказать наёмный рабочий, особо ни на что не претендует и ограничивается удовлетворением весьма небольшого набора своих сравнительно скромных потребностей. Этот набор можно назвать жизненным или потребительским стандартом рабочих, простых людей и в современной России находит своё отражение в МРОТ. В человеке потребительским стандартом формируется и постепенно складывается, превращаясь в потребительскую привычку.

В этой связи вспоминаются слова К. Маркса о том, что «...меня определяют и насилуют мои собственные потребности, насилие надо мной совершает не нечто чужое, а лишь моя собственная природа (лучше сказать, натура – Автор) являющаяся совокупностью потребностей и влечений (иначе говоря, мой интерес, выступающий во всеобщей рефлексированной форме)». [13] Напомним также слова Ф. Энгельса: «Экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы». [14] Как идёт возвышение потребностей, проистекает ни от кадровых рабочих, чьи потребности находятся, как бы, в застывшем состоянии, а от усиленного воздействия на них внешних факторов (к примеру, неведомых импортных товаров) и расширения социально-экономической среды их жизнедеятельности. Аналогичный пример приводит В. И. Ленин, подчёркивая значимость расширения рынка как фактора, способствующего возрастанию потребностей. [15]

Потребности определяют и насилуют человека тогда, когда, с одной стороны, их удовлетворение экономически и фактически резко ограничено, набор этих благ незначителен, весьма прост и даже примитивен. С другой стороны, когда люди в своём распоряжении имеют изобилие экономических благ и проживают в богатстве, к которому эти люди начинают привыкать и попадают от него в психофизиологическую зависимость, называемую потребительским стандартом, и именно так выстраивают свою жизнь. Общество в лице государства, зная какой набор потребительских благ ежедневно требуется трудящемуся населению, разрабатывает и применяет на каждом данном этапе своего исторического развития потребительский стандарт и закрепляет его в формальных нормах. Общество каждый раз вынуждено изобретать способы, во-первых, безвозмездного присвоения материальных благ без непосредственного участия труда в их производстве. А, во-вторых, более лёгкого и эффективного изготовления, приспособления или производственного присвоения необходимых вещей и в первую очередь предметов повседневного потребления каждого человека, пользующихся массовым или всеобщим спросом и столь же массовым, поточным производством. Такие предметы принимают форму товара, который, по выражению В. И. Ленина, образует массовидное тело.

Человеческая деятельность, ограниченная в пространстве небольшим набором профессиональных знаний, рабочим местом, и длительны сроком своего осуществления, образует, ничто иное, как самый труд. В экономических отношениях все разнообразное сочетание трудовых функций учесть невозможно. Поэтому люди от этого абстрагируются, фиксируя в каждом данном виде труда именно то общее, что объединяет его с другими видами трудовой деятельности и что является в них доминантой. В условиях работы машин такой доминантой служит непосредственно интеллектуальная, мыслительно-познавательная функция, которой подчинена сенсорная. Все развитие техники свидетельствует не столько о возрастании доли физической функции в процессе труда, сколько о высвобождении людей от неё. Это высвобождение, в конечном счете, сводится к тому, чтобы любой вид труда, даже самого сложного интеллектуального содержания, не был бы раз и навсегда данным делом каждого конкретного человека, не был бы раз и навсегда

закреплен за ним обществом, а был бы мимолетным процессом в его жизнедеятельности и был бы ему предназначен и подчинен, что превращает его в творческий процесс и делает по отношению к нему человека свободным. В экономической практике следует опираться на закон перемены труда. Для этого необходим расчёт экономически целесообразных сроков работы каждого трудящегося на рабочем месте. [16] При общественном разделении и закреплении труда любой его отдельный вид с самого начала обременен и может быть сведен к абстрактной единице рабочего времени, которая и подлежит учету и оплате.

Методическая база исследования

Рассмотрим, в контексте исследований Костромских экономистов [17, 18], как происходит эта трансформация с позиций индивидуального трудового потенциала, памятуя о том, что каждое новое полезное свойство любой вещи или предмета распознаётся человеком большими усилиями и количество распознаваемых полезных свойств данной вещи или предмета становится всё меньше и меньше, а человеческих усилий – всё больше и больше. Для наглядности и упрощения изложения материала, обозначим полезные свойства символом U , а усилия человека символом L и предположим, что с убыванием U каждый раз на единицу, L возрастает также на единицу. Очевидно, что мы имеем дело с предельными величинами. [19]

Заметим, усилия – это не энергетическая затрата труда, выступающего в той или иной конкретной форме, а безотносительно ее – энергетическое напряжение реализуемых сил человека, вызываемое самим процессом познания. Поэтому это напряжение не может срастись с тем или иным полезным свойством, как, например, срастаются у Маркса абстрактная форма труда и стоимость со своим вещественным носителем в виде потребительной стоимости, без которой ни стоимость, не абстрактный труд как экономические категории товарного производства существовать не могут. Но это напряжение именно в силу указанных обстоятельств нельзя отнести и к интенсивности, которую в отличие от существующих точек зрения А. И. Анчишкин считает «скоростью протекания соответствующих механических, физических, химических и биологических процессов...». [20]

Применительно к технике и технологии производства термин «полезные свойства» так же используется А. И. Анчишкиным. Так, в частности, он пишет: «Воздействуя на конкретный труд, научные знания трансформируются в более развитые или принципиально новые полезные свойства средств производства, что определяет рост общественного богатства.» [Там же]. Здесь речь идет о материализации знаний не в человека, а от человека, что является обратным процессом по отношению к трудовому потенциалу. Мы абстрагируемся от масштаба единицы усилий и единицы полезных свойств, полагая, что каждый человек руководствуется своим индивидуальным масштабом, подобно тому, как каждый индивид осмысленно использует свой масштаб единицы труда и единицы его интенсивности, а, стало быть, и восполнения.

Видимо, эти категории не могут быть расчетными и подлежат определению, но нет сомнения в том, что они непременно учитываются людьми в экономических отношениях. Этот неопровержимый факт пытаются опровергнуть исследователи, старательно соединяющие ординалистский и кардиналистский подходы в теории потребительского поведения, хотя в марксистской экономической теории эта проблема была блестяще решена применительно к определению влияния интенсивности труда на индивидуальную и общественную стоимость товара и на производительную силу труда. Л. Я. Спектор считает, что интенсивность является качественным признаком труда и непосредственному расчету не подлежит. [21]

А.И. Тяжов разработал модель динамики изменений предельных величин в сопоставлении общих количеств полезных свойств и их трудоёмкости. [22] С некоторыми изменениями, рассмотрим, как этот исследователь представил динамику изменений U и L в её следующих показателях и соответствующих расчетах: общим количеством полезных свойств и усилий (TU и TL), общей отдачей предельных усилий (TU/ML) и ее обратной величиной – предельной трудоёмкостью общей полезности (ML/TU), общей трудоёмкостью предельной полезности (TL/MU) и, соответственно,

предельной отдачей общих усилий (MU/TL), общей полезностью усилий (TU/TL) и общей трудоемкостью полезных свойств (TL/TU) [5]. Составим следующую таблицу:

Таблица 1 – Динамика изменений полезных свойств вещей (предметов) и человеческих усилий в гипотетических данных

MU ед.	ML ед.	TU ед.	TL ед.	TU/ML	ML/TU	TL/MU	MU/TL	TU/TL	TL/TU
10	0	10	0	0,0	0,00	0,0	0,0	0,0	0,00
9	1	19	1	19,0	0,05	0,1	9,0	19,0	0,05
8	2	27	3	13,5	0,07	0,4	2,7	9,0	0,10
7	3	34	6	10,1	0,09	0,9	1,2	5,7	0,20
6	4	40	10	10,0	0,10	1,1	0,6	4,0	0,25
5	5	45	15	9,0	0,11	3,0	0,3	3,0	0,30
4	6	49	21	8,2	0,12	5,2	0,2	2,3	0,40
3	7	52	28	7,4	0,13	9,3	0,11	1,8	0,50
2	8	54	36	6,8	0,15	18,0	0,06	1,5	0,70
1	9	55	45	6,1	0,16	45,0	0,02	1,2	0,80
0	10	55	55	5,5	0,18	0,0	0,00	1,0	1,00
-10,0	+10,0	+5,5	+55,0	-3,4	+3,6	+450,0	-450,0	-19,0	+20,0

Примечание: (-) - понижение от исходного до конечного пункта; раз;

(+) - повышение от конечного до исходного пункта; раз;

(=) -шестая строчка сверху или седьмая строчка снизу - величина равновесия.

Источник: Тяжов А. И. Индивидуальный трудовой потенциал и политико-экономическая концепция человеческих способностей. Научное издание. – Кострома. Издательство Костромского госуниверситета им. Н. А. Некрасова. 1999. – С.151 / - 319 с. [22]

Уместно напомнить, что гипотетические данные всегда воображаемы и условны. [23] Для понимания их роли в научных исследованиях и изысканиях приведем слова классика советской психологии С. Л. Рубинштейна: «Воображение тем более плодотворно и ценно, чем более, уходя от действительности, оно отражает, однако, ее существенные стороны, самые важные свойства. В своих высших творческих формах воображение отрывается от действительности, чтобы глубже в нее проникнуть». [24] А. Маршалл замечает: «Творческое воображение служит главным двигателем в научной работе...» [25] О. Тоффлер считает, что уже сегодня на этапе транзитивного общества не «информация, а воображение» становится преобладающим фактором экономического развития. [26]

Вернёмся к таблице 1. Изменения MU и ML имеют противоположную направленность, характеризуясь, однако, равными темпами и абсолютными величинами. Но общее количество полезных свойств и общая масса усилий резко возрастают. Правда, темпы роста TL во многом превосходят темпы роста TU. Основной причиной такого расхождения в темпах роста является не столько изменение показателей предельной полезности, сколько изменения показателей общей массы человеческих усилий. Каждая дополнительная единица полезных свойств требует все возрастающую массу усилий, а каждая его последующая единица приносит меньше полезных свойств, чем предыдущая. Первый процесс по темпам намного опережает процесс второй, имея противоположную направленность. В результате разрыв между ними нарастает с ускорением.

Эти процессы происходят вследствие взаимодействия двух взаимодополняющих явлений, с одной стороны, нарастания общей трудоемкости предельной полезности, с другой стороны, снижения общей отдачи предельных усилий. С позиций нашего исследования эту пару явлений можно трактовать в качестве соответствующих экономических законов. Нельзя не заметить, что действие первого закона намного опережает действие закона второго. Отсюда, нарастание общей трудоемкости предельной полезности происходит большими темпами, чем снижение общей

отдачи предельных усилий. Поэтому первый процесс далеко уходит вперед. Действие этих законов сохраняет свою силу и тогда, когда предельная полезность возрастает в тех же пропорциях, что и количество усилий.

Основные результаты исследования

1. Возникает вопрос: что же стоит за действием этих законов? В общем плане ответ на этот вопрос таков. Первоначально полезные свойства лежат на поверхности так, что для их обнаружения человеку вовсе не требуется прибегать к усилиям. В этой связи справедливо положение Ж. Дююи о том, что «человеческая деятельность разнообразила предметы, служащие для удовлетворения тех же потребностей». [27] Однако впоследствии ситуация изменяется, и чем дальше, тем больше. Обратимся к данным двух первых колонок таблицы 1. Сокращение полезных свойств с 10 до 9 единиц сопровождается усилиями, равными единице, с 9 до 8 единиц, соответственно, – двум единицам и т.д. «Золотая середина» устанавливается тогда, когда количество единиц полезных свойств начинает совпадать с количеством единиц человеческих усилий, то есть в нашем примере, $MU = ML = 5$. Очевидно, эту золотую середину можно отнести к величине предельного равновесия, или просто равновесия.

2. Опираясь на данные таблицы 1, произведем расчет определенных показателей и поместим их в таблицу 2, из которой явственно следует, что сорок единиц полезных свойств до величины равновесия были раскрыты вчетверо меньшими усилиями, чем десять единиц полезных свойств после величины равновесия. В целом каждая дополнительная единица полезных свойств была подкреплена дополнительной единицей человеческих усилий и, стало быть, между этими показателями был достигнут паритет. Как и величина равновесия, паритет означает, что каждой единице полезных свойств соответствует единица человеческих усилий.

Таблица 2 – Соотношение полезных свойств вещей (предметов) и человеческих усилий

Показатели	Сумма до величины равновесия	$MU = ML$	Сумма после величины равновесия	U и L, в целом
U	40(MU)/130(TU)	5/45	10/265	55/440
L	10(ML)/20(TL)	5/15	40/185	55/220

Источник: Тяжов А. И. *Индивидуальный трудовой потенциал и политико-экономическая концепция человеческих способностей*. Научное издание. – Кострома. Издательство Костромского госуниверситета им. Н. А. Некрасова. 1999. – С.151 / - 319 с. [22]

Но воплощенные в полезном свойстве усилия придают ему, согласно учению К. Маркса, стоимостную форму, даже если это полезное свойство находится в голове человека, не отчуждается от него в виде самостоятельно существующего предмета (вещи). Но в равной мере можно утверждать и обратное: стоимость единицы человеческих усилий определяется единицей полезных свойств. Так, У. Джевонс в свое время писал о том, что «...его (труда - авторы) ценность должна определяться ценностью продукта, а не ценность продукта ценностью труда». [28] Конечно, чисто логически можно исключить и то, и другое. Однако за этими утверждениями скрывается нечто большее.

3. Возвратимся к нашим законам. Первый закон – нарастания общей трудоемкости предельной полезности можно истолковать следующим образом: всякая последующая единица полезных свойств приводит в движение гораздо большую массу усилий, чем предыдущая. Это ни что иное как закон движения самих усилий в процессе раскрытия человеком полезных свойств. В нем каждое новое полезное свойство образует первопричину, источник, субстанцию нарастающей массы усилий и в этом своем значении лежит в основе образования стоимости последних. Человек находится в состоянии изнурительного поиска всякого нового полезного свойства. Не появившееся на свет, оно довлеет над человеком в виде неотложной необходимости, неотвратимой возможности, реальной потенции, предстоящее раскрытие которой пробуждает в нем дремлющие силы и способности,

приводит их в движение и превращает творческую деятельность в труд.

Вряд ли можно проводить разделение творчества и труда вследствие того, будто бы первый процесс образует мотивационную характеристику труда, сам труд – инновационную составляющую человеческой деятельности, а работа сводит все лишь к личной экономической выгоде. Любая форма человеческой деятельности также мотивационно психологична, как и экономична. Говорить о том, что одна форма деятельности имеет отношение к экономической стороне дела, другая – к физиологической, третья – к психологической, четвертая – к технической некорректно. Очевидно, источники индивидуального развития кроются в свободном, необременительном соприкосновении человека с действительностью, а в процессе производства – с работой машин как исторически определенной, вещественной формой его материального бытия.

Само творчество берет свое начало из этих источников, принимая, прежде всего, внутреннюю направленность на человека, на его индивидуальное развитие. Всякое приращение в нем можно с полным правом отнести к предельной полезности творчества. Усилия сами по себе имеют для новых полезных свойств свою полезность. Ее следует рассматривать в четырех взаимосвязанных ипостасях: в качестве субстанции, источника, реально складывающейся потенции творчества и труда; в качестве их самих; в качестве определенного приращения в индивидуальном развитии человека; в качестве готового результата - вновь обретенного полезного свойства.

4. Итак, каждое новое полезное свойство является не только потенциально первопричиной, но и неотъемлемым результатом человеческих усилий (труда), которые вследствие этого обретают полезность. Поэтому принимая стоимостную форму, человеческие усилия, между тем, всякий раз сбрасывают ее с себя. То же самое можно сказать и о стоимостной форме предельной полезности, несмотря на возрастание ее трудоемкости ускоренными темпами. Очевидно, это непосредственно связано с многовариантным характером предельной полезности, который придает ей абсолютное, а трудоемкости – относительное значение для человека. В общем плане это значение может быть истолковано так: людей в большей степени увлекают (интересуют) процессы познания и поиска новых полезных свойств первоначально как идеальных результатов, нежели возникающие при этом затраты своих усилий. Такова естественная природа человека, как творца. А человеческая деятельность, раскрепощенная от ограниченных профессиональных знаний и от длительного закрепления институционально-экономически за рабочим местом как определенным набором техники и технологией её использования, относится к творчеству, которое по сути своей всегда устремлено к расширению индивидуальной свободы в непрерывном развитии познавательных сил и креативно-творческих способностей.

Каждый человек видит или находит в рассмотренных выше процессах особую, специфическую для себя ценность. Он наделяется в творческой деятельности способностями не только полнее чувствовать, но и в гораздо большей степени – мыслить. Эти постоянно нарастающие в процессе общения человека, в нашем примере, с работой машин мыслительные способности образуют всеобщее свойство деятельности вообще, независимо от ее конкретного содержания, и входят в состав базовых способностей. Только благодаря им, деятельность и творчество обретают подлинную человеческую ценность. Они, как и мыслительные процессы, образуют идеальную форму материального бытия человека, выделяя его из всех остальных живых существ и одновременно соединяя с себе подобными.

Закон нарастания трудоемкости предельной полезности не сводится к своей экономической значимости. Он характеризует родовые особенности людей, их изначально данную, социальную сущность, вне и независимо от того, объединены ли они совместными условиями жизнедеятельности (проживания) или же каждый из них существует в отдельности. Смысл социальной сущности человека наиболее полно раскрывается тогда, когда он поступает как существо мыслящее.

5. Творчество и труд, тем не менее, имеют противоположную направленность. В чистом виде творчество сочетает в себе многообразие креативно-деятельных функций и предполагает

свободное развитие человека как творца. Творчество, ограниченное рамками той или иной профессии и экономически закреплённое обществом за человеком (регламентированное), переходит из разряда индивидуального творчества в творчество социально и экономически значимое, имеющее тенденцию к постоянному повторению входящих в него деятельных функций. Такое творчество следует именовать «творческим трудом». Примеров творческого труда бесчисленное множество. Творческий труд таких профессионалов как певцы, артисты, музыканты, художники, врачи, преподаватели, исследователи, конструктора, повара, швеи, земледельцы и т.д. Постоянно повторяясь в пределах определённой профессии, творческий труд выполняется по шаблону, по инерции и трансформируется в трудовое творчество, которым охвачены многие работники, начинающие впервые выполнять труд как процесс в его конкретном и абстрактном виде, находя своё материальное воплощение в производимых вещах и иных предметах. Взять, к примеру, трудовое творчество начинающего станочника, занятого не только производительным трудом, но и совершенствованием своего рабочего места. Труд, выполняемый только по шаблону без особого осознания или автоматически, превращается в работу.

Некоторые экономисты считают, что экономика представляет собой творческую деятельность. [29] Творчество, по мнению О. И. Лозиной и других, выражается в создании новых технологий, кардинально меняющих мир человека. По нашему мнению, вряд ли можно свести экономику к творческой деятельности, а саму таковую деятельность ограничить рамками создания новых технологий, то есть к тому процессу, который может предшествовать экономической деятельности людей.

В настоящее время человек в течение жизни несколько раз меняет место работы и даже профессию или трудится неполный рабочий день, часто переходя с одной работы на другую в течение суток. Уже сегодня во многих индустриально развитых странах работающее общество по-научному относится к процессу прогрессирующего воспроизводства, своего воспроизводства во всё возрастающем изобилии. А это значит, что в скором будущем, по К. Марксу, прекратится такой труд, при котором человек сам же будет делать, что он может заставить вещи делать для себя, для человека. [8] Иными словами, за человека будут работать и производить вещи (материальные блага, и не только) машины и автоматы.

В таком случае труд как главная производительная сила общества, как массовидное социально-экономическое явление, как фактор материального производства товаров, но не услуг, исчезнет. В полностью автоматизированном и роботизированном производстве с программно-числовым управлением работа машин штампует запрограммированные объёмы материальных благ, удовлетворяющие разнообразные производственные, личные и общественные потребности людей и фирм. В этих условиях все виды частичного, ручного труда материально воплощены в работающих средствах производства, которые уже не нуждаются в физических усилиях человека, в его рабочей силе и выводят её за пределы непосредственно-вещного производства. В нём исчезают такие феномены, как капитал и труд, воплощаемый в товаре, сам товар, а вместе с ним стоимость и потребительная стоимость и далее характер распределения жизненных благ между людьми.

Крупный капитал деперсонифицируется, обезличивается и превращается в акционерные общества: акционерные компании и акционерные корпорации с частно-коллективным капиталом. Капитал без всяких революционных потрясений превращается в ресурсный фактор материального производства. Оно уже организуется, управляется и направляется в экономически выгодное русло особым классом или сословием общества под общим названием менеджеров. Их фундаментальным качеством и основополагающим признаком являются предпринимательские способности, которые сдаются фирмам в найм за определённую плату, называемую нормальной прибылью как суммой денег, удерживающих менеджера на данной фирме. Производительная сила труда заменяется первоначально на производительность всех факторов производства, а затем на производственную мощность машин, которая программируется на те объёмы производства материальных

(экономических) благ, что соответствуют платёжеспособному спросу и индивидуальным заказам населения. Возникают материально-технические и экономические предпосылки для планомерного развития общества, в котором творческой деятельности будет отведено ведущее место. Услуга как основополагающее начало займёт лидирующие позиции в экономической жизни общества.

И наконец, услуга и обслуживание имеют существенные различия. Услуга всегда индивидуальна, обслуживание – коллективно. Обслуживание может включать в себя ряд творческих процессов, персонифицированных в особо одарённых личностях, но может обходиться и без них. Взять к примеру деятельность обычных парикмахеров, в коллективе которых могут быть, а могут и не быть креативные личности, проявляющие творческий подход к клиенту. И взять творческую деятельность стилиста, оказывающую данному человеку персональную услугу, которая до неузнаваемости изменяет его внешность так, что многие люди с трудом узнают этого человека, наделённого изысканным образом. В услуге как творческом процессе создаются уникальные и неповторимые предметы или вещи.

Но трансформация творчества в труд не исчезает, как бы не изменялись производственные условия и экономические приоритеты общества.

Заключение

Обобщая изложенное, акцентируем внимание на наиболее значимых его положениях. Вся человеческая деятельность дифференцируется на творчество – творческий труд – трудовое творчество – труд (работу). Эти формы человеческой деятельности имеют отличительные особенности, которые были рассмотрены в настоящей статье и предполагают наличие определённой степени свободы: от неограниченной свободы в творчестве до ограниченной свободы в труде. Каждая форма человеческой деятельности имеет имманентное экономическое содержание: 1) творчество в экономических отношениях принимает вид услуги и зачастую рассчитана на определённый заказ; 2) труд (работа), создающий товар, обслуживает абстрактного покупателя как потребителя этого товара; 3) творческий труд создаёт услугу как товар, либо товар как услугу; 4) трудовое творчество носит индивидуальный характер и направлено на самого участника трудового процесса, проявляясь в его различных удобствах, зачастую используемых другими людьми, которые облачают их в премии или различные поощрения. Что касается индивидуального творчества, то сам процесс, зачастую и его результат, творцу приносят наслаждение. Там, где главенствуют в экономике либо в хозяйстве труд и работа, о свободном, всестороннем развитии трудящегося человека говорить не приходится.

Вообще творчество предполагает в первую очередь экономическую свободу. Поэтому не случайно представителями творческой деятельности были и до сих пор остаются состоятельные лица. Как обрели экономическую свободу, занятые творческой деятельностью индивиды, вопрос в настоящей статье остаётся открытым, хотя в известной степени понятным. Но свобода вообще не сводится к экономической свободе людей. В. И. Ленин отмечал: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». [30] Любая свобода в любом обществе ограничена для всех людей: их правами и обязанностями, ответственностью юридической и фактической. Но для человека, стремящегося к занятиям творческой деятельностью, особую роль играет его креативное и всестороннее развитие.

В этой связи возникает вопрос: при каких социальных и экономических условиях складывается и происходит процесс всестороннего развития человека? Ответ на данный вопрос в различных вариациях можно будет найти в следующих статьях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии /Собр. Соч. – 2 езд. – Т. 21.– С.269/ - 317 с.
2. Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. – М.: ИНФО-М, 2010. – 510 / - 823 с.
3. Генкин Б. М. Организация, нормирование и оплата труда на промышленных предприятиях. Учебник для вузов. – 3 –е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2005. – С.12 / - 431 с.
4. Чангли И. И. Труд. - М.: Центр социального прогнозирования, 2002 - С. 101/ - 542 с.
5. Костиченко В. М. Закон перемены труда. Вопросы теории и практики в условиях перехода к рыночной экономике / В. М. Костиченко. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. – 163 с.
6. Коваженков М. А. Труд и творчество в экономической жизни общества: проблема замещения. Известия ВолгГТУ]
7. Лосев А. Ф. Миф, число, сущность. - М.: Мысль, 1994. - С.18 / - 919 с.
8. Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 годов / Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч. –Т. 46, ч. I. – С. 280 / - 559 с.
9. Нельсон Ричард Р., Уинтер Сидней Дж. Эволюционная теория экономических изменений / Пер. с англ. – М.: Дело, 2002. – С.183-186, 476-477 / - 536 с.
10. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа Отв. ред. Е.П. Ситковский. Ред. Б.М. Кедров и др. М., «Мысль», 1977. – С. 343 / - 471 с.
11. Маркс К. Капитал / Маркс К. Энгельс Ф. Собр. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 51-55 / - 905 с.
12. Гегель. Кто мыслит абстрактно? / Работы разных лет. В двух томах. Т.1. Сост., общая ред. и вступит. статья А. В. Гулыгин. М., «Мысль», 1972. – С. 391 / - 668 с.]
13. Маркс К. Критика политической экономии / Маркс к., Энгельс Ф. - Т.46.- Ч.1. – С.192 / - 559 с.
14. Энгельс Ф. К жилищному вопросу / Маркс К., Энгельс Ф. - Т.18. – С.271/ - 806 с.
15. Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках / ПСС – Изд. 5. Т.1. – С. 101 / - 67-122.
16. Скаржинский М. И. и др. Трудовой потенциал социалистического общества / М. И. Скаржинский, И. Ю. Баландин, А. И. Тяжов. – М.: Экономика, 1987. – С. 87 / -102 с.
17. Инновационное развитие экономических систем: материалы международной конференции, посвящённой 80-летию КГТУ и 45-летию ИУЭФ. – Кострома: КГТУ, 2013. – 217.
18. Тяжов А. И., Бекенёва Л. А. Основы экономической теории трудовых рисков и методология их исследования в управлении промышленным предприятием. Монография / под редакцией доктора экономических наук профессор А.И. Тяжова. Кострома: издательство КГТУ, 2012. – С.46-53 / - 147 с.
19. Райсберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь – 2-е изд., исправ. – М.: ИНФРА-М, 1998. – С. 259 / - 479 с.
20. Анчишкин А. И. Наука, техника, экономика. - М.: Экономика, 1986. - С. 133, 85/- 384 с.
21. Спектор Л. Я. Функционирование рабочей силы при социализме. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. - С.111-129 / - 181 с.
22. Тяжов А. И. Индивидуальный трудовой потенциал и политико-экономическая концепция человеческих способностей. Научное издание. – Кострома. Издательство Костромского госуниверситета им. Н. А. Некрасова. 1999. – С. 151 / - 319 с.
23. Короленко Ц. П., Фролова Г. В. Чудо воображения (воображение в норме и патологии) - Новосибирск: Наука, 1975. - С.60 / - 210 с.
24. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб. Издательство «Питер», 2000. – 319 / - 712 с.
25. Маршалл А. Принципы политической экономии: В 3-х т. - М., 1993. - Т. III. - С.349 / - 352 с.
26. Toffler О. The Third Wave. - N-Y., 1980. - P. 351 / - 544 P.
27. Дюпюи Ж. О мере полезности гражданских сооружений / Вехи экономической мысли. Теория потребительского спроса и поведения. Т. I. Под ред. В.М. Гальперина. - СПб.: Экономическая школа,

2000. - С.46 / - 66 с.; - 380 с.

28. Jevons W. S. The Theory of Political Economy. London, 1924. - P. 16 / - 339 P.

29. Лозина О. И., Рогожникова В. Н. , Тутов Л. А. Модель творческого человека в современной экономике / Научные исследования экономического факультета: Электронный журнал, 2020. Том 12. Выпуск 4. Вопросы теории.

30. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература / ПСС. -5 изд. -Т. 12 – С.102 / - 99 – 105 с.

Creativity and labor as two economic attributes of human activity

Kolodiy-Tyazhov Leonid Anatolyevich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation
E-mail: kolodiy-tyajow@yandex.ru

Egorova Marina Germanovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation
E-mail: marinaegorova1967@yandex.ru

KEYWORDS

reality, reason, human activity, mind, awareness, unconsciousness, labor, work, value, consumer value, commodity, individual creativity, socially significant creativity, dynamics, dialectics, service, order

ABSTRACT

In scientific literature, both in economic and socio-humanitarian sources, labor and creativity are often not separated, and where these concepts are used separately from each other, their immanent content, especially their economic content, is not revealed. There is no question of what generic concept they belong to. This generic concept is obviously human activity in general, as a set of conscious actions of various individual organs aimed at achieving a certain result. Moreover, the most important organ of human action is the mind, and its more or less effective functioning. In this regard, we recall F. Engels' interpretation of the meaning of theoretical reasoning and G. W. F. Hegel's view on the relationship between such philosophical categories as «rational» and «actual». Let us recall this connection in F's interpretation. Engels: «Everything that is real is reasonable, everything that is reasonable is real» [1]; especially in human society, in which everything is created by reason, but not everything is reasonable, although it is true. Reason lies in the outcome of human activity. This activity does not exist outside of him, although an individual may carry it out unconsciously, unreasonably, or, in any case, realize its actual consequences belatedly, and with considerable delay. We should not forget that human activity is multifaceted and diverse, but it always manifests itself in the creation of something or someone. In society, there are two main groups of human creative activity: labor and creativity. The question is whether there is an insurmountable wall between labor and creativity, or whether they interact with each other. Considering the dynamics of human relations, one comes to the conclusion that both work and creativity transform into each other under certain conditions: creativity becomes saturated with labor characteristics and turns into creative work, and individual work often takes on the features of creative work. The dialectics of these concepts in their dynamic aspects are explored in this article.

Экономические санкции как катализатор структурных изменений: оценка эффективности импортозамещения на основе интегрального индекса

Паромов Алексей Юрьевич

Кандидат технических наук, доцент,

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: paromov-ay@ranepa.ru

Елкина Ольга Сергеевна

Доктор экономических наук, профессор,

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: elkina-os@ranepa.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экономические санкции, импортозамещение, эффективность политики импортозамещения, локализация, несырьевой экспорт, инновационная активность, индекс технологического суверенитета и конкурентоспособности

АННОТАЦИЯ

В условиях трансформации экономических санкций из инструмента экстраординарной политики в постоянный элемент международных отношений, проблема импортозависимости приобретает критический характер. Данное исследование ставит своей целью не только подтвердить тезис о санкциях как катализаторе структурных перестроек, но и предложить комплексный инструмент для оценки их действительной эффективности, а также эффективности проводимой политики импортозамещения. Для этого в исследовании разработан и апробирован интегральный индекс технологического суверенитета и конкурентоспособности, объединяющий ключевые показатели локализации, несырьевого экспорта и инновационной активности. Задачи исследования включают анализ влияния санкций на структурные изменения в экономике в 2014–2024 гг.; разработку методики оценки импортозамещения, учитывающей не только уровень локализации, но и динамику несырьевого экспорта и инновационного потенциала; выявление отраслевых диспропорций и «инновационного лага» в реализации текущей политики. На основе эмпирических исследований выявлены оптимальные весовые значения каждого из компонента интегрального индекса. Анализ данных по экономике России за период с 2014 по 2024 год с применением данного индекса позволил получить конкретные результаты. Они свидетельствуют о значительной адаптивной эффективности политики импортозамещения, выраженной в устойчивом росте индекса. Однако результаты также выявили системный дисбаланс: тактические успехи в замещении импорта и наращивании традиционного экспорта пока не подкреплены адекватным прорывом в области создания собственных конкурентоспособных технологий. Таким образом, санкции создали необходимое окно возможностей, но для перехода к модели устойчивого технологического роста требуется кардинальная переориентация приоритетов в сторону генерации инноваций и высокотехнологичного экспорта.

JEL codes: C43, C82, E27, E65

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-1-76-45>

Для цитирования: Паромов, А.Ю. Экономические санкции как катализатор структурных изменений: оценка эффективности импортозамещения на основе интегрального индекса / А.Ю. Паромов, О.С. Елкина. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 1. – С.76-45. – URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата публикации: 31.01.2026).

Введение

В современной реальности экономические санкции трансформировались из исключительной меры в инструмент повседневной политики [8, с.96]. Эта тенденция как правило создает системные риски для развития стран с высокой степенью импортозависимости, особенно в критических секторах экономики [4, с.78]. Целью данной работы является анализ санкционного давления как фактора, стимулирующего преодоление импортозависимости. Основной тезис заключается в том, что санкции, создавая краткосрочные вызовы, выступают мощным катализатором долгосрочных процессов импортозамещения, структурной перестройки экономики и усиления национального технологического суверенитета [3, с.24].

Масштабной иллюстрацией радикальной экономической перестройки в условиях внешнего давления является программа индустриализации в СССР в 1930-е годы [10, с.32]. В условиях технологического отставания от ведущих экономических стран, политической изоляции и постоянной угрозы военного конфликта, наша страна должна была найти быстрые и эффективные решения. Острая нехватка валюты и неформальная экономическая блокада, на фоне курса на построение самодостаточной экономики, определили ключевые цели: ликвидацию зависимости в тяжелой промышленности и приоритетное развитие военно-промышленного комплекса. На первый взгляд не однозначным, но эффективным механизмом импортозамещения стал активный импорт знаний и технологий, включавший заключение контрактов с западными компаниями (Ford, General Electric) для проектирования и строительства заводов «под ключ» [6, с.117]. Продемонстрировал свою эффективность метод «обратной разработки» (Reverse Engineering), включавший массовое копирование зарубежных образцов техники. Были созданы гигантские промышленные комбинаты (Магнитогорский металлургический комбинат - фирма Arthur G. McKee, Горьковский автомобильный завод - аналог металлургических комбинатов в Гэри, США) при технологической помощи западных фирм [25, с.178]. В итоге к концу 1930-х годов была создана мощная тяжелая и оборонная промышленность, обеспечившая высокую степень экономической самодостаточности и ставшая ключевым фактором в победе в Великой Отечественной войне. Однако программа имела значительные социальные издержки, привела к структурным диспропорциям (в ущерб легкой промышленности и сельскому хозяйству) и закрепила технологическое отставание на микроуровне из-за ориентации на копирование, а не на создание собственных инноваций.

Сегодня санкции выступают в роли некой «шоковой терапии», переводя абстрактные риски зависимости в конкретные угрозы, что делает бездействие неприемлемым. Необходимо, чтобы преодоление импортозависимости стало национальным приоритетом, комбинирование целевых государственных программ и механизмов поддержки (субсидии, льготные кредиты) позволит концентрировать ресурсы и стимулировать внутренние инвестиции. Уход иностранных конкурентов создает «окно возможностей» для местных производителей, а государственная поддержка и растущий внутренний спрос однозначно повышают рентабельность инвестиций в импортозамещение.

Статистические данные за период с 2014 по 2024 года свидетельствуют, о том, что процесс трансформации экономики под влиянием санкций сопровождался значительными издержками, такими как падение ВВП в 2015 (-2,0%), 2022 (-1,2%) и 2023 годах (-2,1% по старой методологии Росстата, с учетом пересчета — около -0,5%), а также всплесками инфляции (12,9% в 2015, 11,9% в 2022) [19]. Уход ряда иностранных компаний и временные сбои в поставках также оказали негативное влияние на экономическое развитие.

Однако санкции и выступили мощным катализатором долгосрочных структурных изменений. Эти изменения проявляются в ускоренной диверсификации, импортозамещении в ключевых отраслях, перестройке торговых и финансовых потоков и усилении акцента на технологическое развитие.

Наиболее впечатляющие результаты структурной адаптации демонстрирует

агропромышленный комплекс, который до 2014 года характеризовался значительной зависимостью от импорта. Санкции и контрсанкции 2014 года создали защищенный внутренний рынок и стимулы для инвестиций. Например, по данным Росстата, производство мяса скота и птицы выросло с 9,6 млн тонн в 2014 году до рекордных 16,7 млн тонн в 2023, то есть на 74%. Важнейшим индикатором качественного изменения стал рост экспортного потенциала. Сельскохозяйственный экспорт, по данным ФТС России [24], несмотря на логические сложности, превысил доходы от экспорта вооружений, что демонстрирует переход от импортозамещения к экспортноориентированной модели в отдельном секторе.

Ответом на ограничение доступа к технологиям и комплектующим стал форсированный рост обрабатывающих отраслей и усиление внимания к созданию собственных компетенций. После адаптационного спада 2015–2016 годов индекс обрабатывающих производств демонстрировал положительную динамику [20]. Доля отечественных лекарств на рынке в упаковках в 2024 году превысила 60%, что является прямым результатом программ локализации [11].

Выручка сектора информационных технологий, по оценкам АНО «Цифровая экономика», увеличилась с порядка 2,5 трлн руб. в 2014 году до примерно 6 трлн руб. в 2023 году. Доля отечественного программного обеспечения в госзакупках, согласно реестру Минцифры России, приближается к 100% [12].

Несмотря на низкую стартовую базу, производство металлообрабатывающего оборудования, как показывают данные Росстата, выросло с 17,8 млрд руб. в 2016 году до 49,5 млрд руб. в 2023, что отражает начало формирования критически важной для суверенитета индустриальной базы [21].

Согласно статистике ФТС, доля так называемых «недружественных» стран в российском товарообороте упала с около 60% в 2021 году до примерно 25% в 2023. Одновременно доля Азии выросла до 70%, а стран СНГ — до 15% [10]. Это свидетельствует о фундаментальной переориентации внешнеэкономических связей.

Ответом на технологические ограничения стало резкое увеличение государственных инвестиций в разработку и внедрение отечественных решений [17]. Активно внедряются собственные технологические платформы: СПФС (аналог SWIFT), операционные системы «Аврора» и ROSA Linux, системы автоматизированного проектирования КОМПАС-3D, процессоры «Эльбрус» и «Скиф». Их присутствие, согласно данным Минцифры, в госсекторе и критической информационной инфраструктуре стало массовым [12].

Накопленная статистика позволяет констатировать, что краткосрочные шоковые издержки постепенно трансформируются в долгосрочные структурные сдвиги. Инвестиционные процессы в условиях санкций неизбежно приводят к ускорению технологического развития. Необходимость создания в кратчайшие сроки аналогов недоступных технологий, будет стимулировать рост расходов на НИОКР и активизирует практику «обратной разработки» [23, с.64]. Технологическое развитие, должно сочетаться с диверсификацией внешнеэкономических связей, в том числе для снижения рисков появления новых зависимостей. Регионами поиска новых партнеров могут стать Азия, Ближний Восток, Латинская Америка, Африка [22, с.441]. Рост инвестиций, технологическое развитие и диверсификация внешнеэкономических связей формируют новых «национальных лидеров» или усиливают существующие крупные национальные компании, способные замещать ушедших иностранных игроков [18, с.218].

В результате, перед нами возникает задача, связанная с оценкой эффективности проводимой политики импортозамещения, которая должна быть направлена на ускорение технологического развития.

Целью нашего исследования является разработка и апробация комплексной методики оценки эффективности политики импортозамещения и структурной перестройки экономики под воздействием санкционного давления, основанной на интегральном индексе технологического суверенитета и конкурентоспособности (ИТСК), а также выявление ключевых закономерностей и

диспропорций в адаптации российского экономического комплекса в период 2014–2024 гг.

Задачи исследования заключались в анализе влияния экономических санкций на структурные изменения в экономике; разработке методики оценки эффективности политики импортозамещения, позволяющей оценить не только уровень локализации, но и стратегические результаты в области наращивания несырьевого сектора и инновационного потенциала на основе интегрального индекса (ИТСК); выявить на основе расчета ИТСК и отраслевого анализа системные диспропорции и «инновационный лаг» в текущей политике импортозамещения.

Основные результаты, полученные в исследовании следующие. Подтвержден тезис о санкциях как катализаторе структурных изменений. Разработан интегральный индекс ИТСК, включающий три взвешенные компоненты: доля локализации (L, вес 0.3), объем несырьевого неэнергетического экспорта (E, вес 0.4) и рост затрат на НИОКР/патенты (R, вес 0.3). Веса обоснованы эмпирически на основе данных РФ 2014–2023 гг. Расчет ИТСК для экономики РФ показал устойчивый рост с 0.105 в 2016 г. до 0.690 в 2023 г., что свидетельствует об общей эффективности политики в преодолении шоков. Санкции 2022 г. стали переломным моментом, ускорив адаптацию (скачок индекса). Выявлены структурные дисбалансы, связанные с тем, что рост локализации (L) опережает рост инновационного потенциала (R), что указывает на приоритет тактического замещения над стратегическим созданием технологий. Выявлено, что наиболее успешными оказались отрасли, демонстрирующие сильные результаты минимум по двум компонентам ИТСК (например, сельхозмашиностроение – L+E, IT-сектор – E+R). Отрасли с перекосом в одну компоненту (автопром – только L) показали меньшую устойчивость.

Методология исследования

Эффективная политика импортозамещения требует ее комплексной оценки, выходящей за рамки простого сокращения физического объема импорта. Это обусловлено системными рисками и институциональными ловушками, которые возникают при использовании упрощенных количественных индикаторов.

Современная экономическая критика одномерного подхода, фокусирующегося исключительно на доле локализованной продукции или снижении импортной зависимости по конкретной товарной позиции, заключается в том, что он принципиально не различает качественные результаты политики. Российский экономист Полтерович В.М. в своей концепции «институциональных ловушек» [16] и стадий модернизации прямо указывает на опасность «ловушки импортозамещения». Он отмечает, что политика, направленная лишь на вытеснение импорта за счет барьеров, без создания стимулов для освоения и создания передовых технологий, закономерно приводит к ситуации «импортозамещения без инноваций» или «псевдоимпортозамещения». В этом случае страна воспроизводит устаревшие технологические уклады, закрепляя отставание, а созданные производства остаются неконкурентоспособными и зависят от перманентной государственной поддержки. В результаты исследования Потеровича В.М. служат теоретическим предостережением против оценки успеха лишь по показателям локализации сборки.

Эта критика перекликается с более ранними фундаментальными исследованиями структурных проблем российской экономики, проведенными под руководством Ясина Е. Г. [14]. В этих работах детально анализируется зависимость страны от сырьевого экспорта как главное ограничение долгосрочного роста. Ясин Е.Г. и его соавторы обосновывали, что подлинное развитие требует не просто замещения импортных товаров, а кардинального повышения сложности и диверсификации экономики, ключевым индикатором которой выступает рост несырьевого, неэнергетического экспорта. Именно экспортная конкурентоспособность, а не способность насытить внутренний рынок, становится истинным критерием успеха промышленной политики.

Международное измерение этой логике придают исследования профессоров Идальго Ц. и Хаусманна Р.[1] из Гарвардского университета. Где эмпирически доказывается, что долгосрочный экономический рост и устойчивость к кризисам сильнее всего коррелируют не с объемом

ВВП или природными ресурсами, а со «сложностью» экономики. Эта сложность измеряется разнообразием и уникальностью производимых и, что критически важно, экспортируемых страной товаров, отражающих глубину накопленных знаний и компетенций. Таким образом, способность генерировать сложный несырьевой экспорт становится не просто экономическим, а стратегическим показателем, определяющим траекторию развития нации. Это напрямую увязывает оценку импортозамещения с теорией экономического роста.

В условиях глобального технологического соперничества игнорирование инновационной составляющей делает любую импортозамещающую политику заведомо недолговечной. Теории эндогенного роста, основанные на работах Пола Ромера [2], показывают, что долгосрочная динамика ВВП определяется внутренними инвестициями в исследования, разработки и человеческий капитал. Политика, которая замещает импорт, но не создает условий для генерации собственных технологических знаний, обрекает страну на перманентное «догоняющее развитие» и уязвимость к внешним шокам, связанным с ограничением доступа к иностранным ноу-хау. Поэтому такой показатель, как рост внутренних патентов и расходов на НИОКР, является не дополнительным, а обязательным элементом комплексной оценки, измеряющим, происходит ли накопление критического актива – технологического суверенитета.

Таким образом, комплексная оценка политики импортозамещения должна синтезировать эти взаимодополняющие теоретические подходы через интегральный индекс технологического суверенитета и конкурентоспособности (ИТСК). В этот индекс должны входить следующие компоненты.

Компонента L (локализация), которая должна фиксировать тактическое достижение – создание производственных мощностей. Она измеряет фактическую глубину создаваемых в стране производственно-технологических цепочек. Высокая локализация производства снижает уязвимость к санкциям и сбоям поставок. Этот компонент является базовым, но недостаточным показателем импортозамещения. Он должен вводиться в индекс как необходимая, но не единственная условие.

Компонента E (несырьевой экспорт) выступает стратегическим критерием рыночной состоятельности и сложности экономики, что согласуется с выводами Ясина, Идальго и Хаусманна. Данный компонент измеряет способность отечественных товаров с высокой добавленной стоимостью конкурировать на внешних рынках без ценовых преимуществ от природных ресурсов. Это прямой индикатор успешности импортозамещения. Если продукт конкурентоспособен глобально, значит, он качественный и эффективно произведен. Это по своей сути ключевой показатель перехода от защиты внутреннего рынка к экспортноориентированному росту. Включение его в индекс устраняет риск оценки «производства для склада».

Компонента R (инновации) обеспечивает долгосрочную динамику, предупреждая «ловушку импортозамещения», описанную Полтеровичем, и опирается на постулаты исследований Ромера и Лукаса. Данная компонента измеряет внутренний потенциал генерации знаний и технологий, а не только их адаптацию. Патенты — это формализованный результат инноваций, расходы на НИОКР - уже инвестиции в будущую способность. Это самый важный компонент с точки зрения долгосрочного суверенитета. Без роста НИОКР импортозамещение обречено на отставание. По сути, данный показатель измеряет динамику научно-технологического усиления.

Все вместе эти компоненты формируют сбалансированную систему показателей, где успех в одной области не может компенсировать провал в другой, что и делает индекс эффективным инструментом для оценки качества, а не только количества, проводимой политики импортозамещения и технологического суверенитета.

Индекс технологического суверенитета и конкурентоспособности должен рассчитываться следующим образом (1).

$$\text{ИТСК} = w_l \times g_l + w_e \times g_e + w_r \times g_r \quad (1)$$

где,

ИТСК – интегральный индекс технологического суверенитета и конкурентоспособности

g_l, g_e, g_r - нормированные значения показателей;

w_l, w_e, w_r - веса;

L = Доля локализации;

E = Объем несырьевого неэнергетического экспорта (ННЭ);

R = Рост внутренних патентов и НИОКР расходов;

$g_l = (L_i - L_0) / L_0$;

$g_e = (E_i - E_0) / E_0$;

$g_r = (R_i - R_0) / R_0$;

L_0, E_0, R_0 - базовые значения;

L_i, E_i, R_i - текущие значения.

Для расчета интегрированного индекса мы используем нормируемые приросты (g). Использование относительного прироста ($g = (I_i - I_0) / I_0$) вместо абсолютных значений позволяет нивелировать разницу в масштабах между отраслями (например, локализация в автомобилестроении и в станкостроении); оценивать именно динамику усилий и результатов относительно выбранной базовой точки (например, 2014 или 2021 год), что критически важно для оценки политики; агрегировать разнородные показатели в единый индекс.

Значение индекса технологического суверенитета и конкурентоспособности больше, чем 0.1 характеризует устойчивый рост движение экономики в сторону технологического суверенитета. Можно с высокой степенью вероятности предположить, что политика высокоэффективна за счет синергии между глубокой локализацией, международной конкурентоспособностью и ростом инновационного потенциала. Значения от 0 до 0.1 говорят о умеренном успехе, когда политика имеет положительный эффект, но рост неустойчив. Требуется корректировка мер поддержки, возможно, в отдельных отраслях (например, экспорт растет, но падают инвестиции в НИОКР). Нулевое значение индекса можно интерпретировать как стагнацию, при которой политика не дает ни положительного, ни отрицательного эффекта в целом. Существует риск «замораживания» ситуации на достигнутом уровне простой сборки. При отрицательных значениях имеет место регресс, т.е. политика неэффективна или дает обратный результат. Наблюдается деградация производственной цепочки, снижение экспортного потенциала и/или «утечка умов». Требуется кардинальный пересмотр подходов.

Предложенный критерий охватывает тактику, стратегию и долгосрочную перспективу, а веса не позволяют добиться «красивых» цифр за счет одного показателя в ущерб другим. Рост локализации в автомобилестроении (двигатели, трансмиссии), станкостроении (контроллеры ЧПУ) и IT-секторе (отечественные ОС и офисные пакеты) иллюстрируют тактический успех, а рост экспорта зерна, удобрений и высокотехнологичной продукции демонстрирует стратегический успех. Основным индикатором успеха является не просто производство «для себя», а создание конкурентоспособного на мировом рынке продукта (ННЭ). Все показатели могут быть количественно оценены на основе доступной статистики.

При планировании и реализации политики движения экономики в сторону технологического суверенитета необходимо учитывать, то, что изоляция может привести к созданию неконкурентоспособной продукции по завышенным ценам, а ослабление глобальной конкуренции может снизить стимулы для повышения качества продукции и эффективности производства и привести к консервированию нежизнеспособных предприятий.

Результаты исследования

Для подтверждения правомерности выбранных компонентов и их весов мы провели

статистическое исследование, результаты которого представлены в Таблице 1.

Проанализируем, как динамика каждого компонента коррелировала с успешностью отраслей в период санкционного давления. Базовый год (0) — 2014, текущий (i) — 2023. (Таблица 1)

Таблица 1 – Динамика компонентов индекса и успешность отраслей в период санкционного давления

Отрасль	Динамика локализации (g _l)	Динамика ННЭ экспорта (g _e)	Динамика НИОКР/патенты (g _r)	Успешность/устойчивость отрасли (2014-2023)	Комментарий
Сельхозмашиностроение	Высокая (+) (Сборочная → глубокая локализация)	Высокая (+) (Рост экспорта в СНГ, Африку)	Средняя/Низкая (Адаптация, а не прорывные разработки)	Очень высокая (Лидер импортозамещения и экспорта)	Достиг успеха через L+E. Недостаток НИОКР может стать барьером в будущем.
Информационные технологии и программное обеспечение	Условная («Локализация» компетенций)	Очень высокая (+) (Рост экспорта услуг, продукты)	Очень высокая (+) (Взрывной рост патентов, собственного ПО)	Чрезвычайно высокая (Наиболее динамичный сектор)	Достиг успеха через E+R. «Легковесная» локализация компенсируется высочайшей динамикой НИОКР.
Фармацевтика	Высокая (+) (Рост производства)	Низкая/ Отрицательная (Экспорт сложен, доминирует внутренний рынок)	Средняя (+) (Рост трат, но мало оригинальных патентов)	Умеренная (Зависит от госзаказа, валюты)	Успех по L без E делает отрасль уязвимой к снижению внутреннего спроса.
Автомобильная промышленность (до 2022)	Высокая (+) (По старым моделям)	Средняя/Низкая (Ориентация на внутренний рынок)	Очень низкая (Сборка, минимум разработок)	Низкая (кризис 2022)	Схема только L без серьезных E и R оказалась неустойчивой при разрыве цепочек.
Станкостроение	Низкая (с низкой базы)	Очень низкая	Высокая (+) (Госинвестиции, спецпрограммы)	Неопределенная/ будущая	Вклады в R пока не дали отдачи в L и E. Оценка будет позже.

Источник: составлено авторами

Результаты, представленные в Таблице 1 демонстрируют тот факт, что наиболее устойчивые и успешные отрасли демонстрируют сильные результаты минимум по двум из трех компонентов, причем экспорт (E) почти всегда присутствует. Отрасли с перекосом в одну компоненту (Автопром - только L, Фармацевтика - L+R без E) оказались менее устойчивыми или зависимыми от господдержки. Следовательно, в индексе должен быть присвоен максимальный веса экспорту, как ключевому маркеру успеха. Веса L и R должны быть равны, так как оба критически важны, но недостаточны по отдельности.

Эмпирическое обоснование весов ИТСК на основе официальных данных РФ (2014-2023)

Оценка компонента L (доля локализации производства). Данные по локализации не сводятся в единую статистику, поэтому в Таблице 2 приведены оценки по ключевым отраслям

Таблица 2 – Компонента L (Доля локализации производства)

Отрасль / Продукция	L_0 (2014 г.)	L_1 (2023 г.)	g_l (Относительный прирост)	Источник (данные и методика оценки)
1. Легковые автомобили (средняя доля по рынку)	35%	70%	+1.00 (рост в 2 раза)	Минпромторг России. Отчеты о реализации СПИК 2.0. Цифра 2023 — оценка с учетом ухода иностр. брендов и роста доли АвтоВАЗа (до 80% на его моделях) ¹ .
2. Сельхозтехника (комбайны, тракторы)	60%	85%	+0.41 (рост на 40%)	Ассоциация «Росагромаш». Итоги 2023 года и планы. Консервативная оценка по основным видам техники.
3. Лекарственные средства (в упаковках на рынке)	28%	62%	+1.21 (рост в 2.2 раза)	Минпромторг России. Фарма-2023. Стратегия развития фармацевтической промышленности. Данные по доле в упаковках.
4. Оборудование для ТЭК (насосы, элементы обвязки)	40%	65%	+0.63 (рост на 63%)	Отчеты лидеров рынка («Газпром», «ТМК», «Силловые машины») и аналитика Центра отраслевой экспертизы РСПП. Оценка по госзаказу и крупным проектам.

Источник: составлено авторами

Средневзвешенный отраслевой прирост g_l (оценка): +0.80 (рост на 80%). Веса присвоены исходя из вклада отраслей в промпроизводство.

Таблица 3 – Компонента E (Несырьевой неэнергетический экспорт, ННЭ)

Показатель	E_0 (2014 г.)	E_e (2023 г.)	g_e (Относительный прирост)	Примечание и ссылка на источник
1. Общий объем ННЭ (товары)	84.3	147.2	+0.74 (рост на 74%)	Банк России, Платежный баланс РФ, ННЭ определен как экспорт товаров без топлива, черных и цветных металлов (в базовой форме).
2. Высокотехнологичный экспорт (ТН ВЭД 84-85, 87-90)	15.0	19.5	+0.30 (рост на 30%)	ФТС России. Статистика внешней торговли. Агрегация данных по выбранным группам. Рост значительно ниже общего ННЭ.

¹ Денис Мантуров: пока работаем не благодаря, а вопреки санкциям, курсу рубля <https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/3f1eba55-07db-4098-ba9d-f8ee3300417c>

Показатель	E_0 (2014 г.)	E_e (2023 г.)	g_e (Относительный прирост)	Примечание и ссылка на источник
3. Экспорт услуг (IT-сектор)	4.1 (2015*)	9.8	+1.39 (рост в 2.4 раза)	Банк России. *Базовый год — 2015, т.к. до 2015 IT-услуги не выделялись отдельно. Наиболее динамичная компонента. Данные за 2023, Таблица 6.2 — строка «Услуги в области информационных технологий».

Источник: составлено авторами

Данные в млрд долларов США. Источник: Банк России (платежный баланс) и ФТС России (таможенная статистика).

Как мы видим в таблице 4, общий g_e высок (+0.75), но за ним стоит структурный перекоп. Рост обеспечен в основном АПК и химией (удобрения). g_e для высокотехнологичных товаров существенно ниже (+0.30), что подтверждает необходимость отдельного учета этого показателя в весах.

Таблица 4 – Компонента R (Затраты на НИОКР и патенты)

Показатель	R_0 (2014 г.)	R_1 (2023 г.)	g_r (Относительный прирост)	Примечание и ссылка на источник
1. Внутренние затраты на исследования и разработки, млрд руб.	847.5	1,550.0	+0.83 (рост на 83%)	Росстат. Данные в текущих ценах. Оценка 2023 г. на основе тренда и данных за 2022 г. (1 415 млрд руб.)
2. Внутренние затраты на исследования и разработки, % к ВВП	1.07%	1.10%	+0.03 (рост на 3%)	Тот же источник. Показывает стагнацию в относительном выражении.
3. Количество отечественных патентных заявок на изобретения (единиц)	41,419	52,582 (2022)	+0.27 (рост на 27%)	Роспатент (ФИПС). Ежегодные отчеты. Данные за 2023 могут быть близки к 2022. Рост есть, но умеренный.
4. Численность исследователей (тыс. чел.)	722.9	679.3 (2022)	-0.06 (снижение на 6%)	Росстат. Показатель демонстрирует негативную динамику кадрового потенциала.

Источник: составлено авторами

Для расчета индекса берется положительный показатель по затратам в рублях ($g_r = +0.83$), так как он отражает реальный объем финансовых вложений государства и бизнеса. Отрицательная динамика кадров и стагнация доли в ВВП являются критическими рисками, но не отменяют факта роста абсолютных инвестиций.

Рассчитаем ИТСК для экономики в целом, используя средние отраслевые g -показатели и три варианта весов.

Таблица 5 – Количественный вывод для обоснования весов

Весовая схема	g_l	g_e	g_r	Расчет ИТСК	Результат
1. Предлагаемая (0.3 / 0.4 / 0.3)	+0.80	+0.75	+0.83	$0.3 \times 0.80 + 0.4 \times 0.75 + 0.3 \times 0.83 = 0.789$	Высокий
2. Равные веса (0.33 / 0.33 / 0.33)	+0.80	+0.75	+0.83	$0.33 \times (0.80 + 0.75 + 0.83) \approx 0.785$	Высокий, но маскирует слабость E
3. Акцент на локализацию (0.5 / 0.3 / 0.2)	+0.80	+0.75	+0.83	$0.5 \times 0.80 + 0.3 \times 0.75 + 0.2 \times 0.83 = 0.791$	Высокий, но обманчивый

Источник: составлено авторами

Таким образом, мы можем сделать вывод, что должно быть следующее распределение весов: 0.3/0.4/0.3. Это можно обосновать следующим.

1. Высокий g_e (+0.75) — не самоцель, а результат. Данные показывают, что этот рост структурно слаб (мало высоких технологий). Присвоение ему максимального веса ($w_e=0.4$) в индексе заставляет систему стремиться не просто к росту ННЭ, а к его качественному улучшению, так как для роста индекса теперь важен именно этот компонент.

2. Высокий g_l (+0.80) — частичный успех. Он достигнут, но часто за счет госзаказа и протекционизма. Вес $w_l=0.3$ признает его важность как базиса, но не позволяет ему доминировать и создавать «иллюзию успеха» (как, например, в схеме 0.5/0.3/0.2).

3. Высокий g_r по затратам (+0.83) при стагнации в % ВВП — сигнал о формальном выполнении, но недостаточной интенсивности. Равный с локализацией вес ($w_r=0.3$) уравнивает в значимости финансовые вложения в будущее с текущим расширением производства.

Следовательно, предложенные веса (0.3 / 0.4 / 0.3) эмпирически обоснованы, поскольку соответствуют реальной динамике данных РФ (2014-2023), где все три компонента показали существенный рост. Корректируют структурные перекосы: максимальный вес у E стимулирует переход от сырьевого к технологическому экспорту, а равные веса у L и R балансируют текущее производство и будущие технологии. Делают индекс ИТСК не просто измерительным, а управленческим инструментом, направляющим политику на исправление выявленных дисбалансов (низкий уровень высоких технологий и экспорта, стагнация НИОКР в % ВВП).

В таблице 6 представлены результирующее обоснование компонентов интегрального индекса технологического суверенитета и конкурентоспособности.

Таблица 6 – Компоненты оценки эффективности политики импортозамещения

Показатель	Вес	Что измеряет	Интерпретация	Целевое значение / Метод расчета
1. Доля локализации (L)	0,3 — «Доля локализации» и «Рост внутренних патентов и расходов на НИОКР» одинаково важны, но на разных этапах. Локализация — это тактическая основа, а инновации — стратегический потенциал. Их равный вес подчеркивает необходимость баланса между решением текущих задач и инвестициями в будущее.	Процент стоимости конечного продукта, создаваемого внутри страны.	Тактический успех, отход от «отверточной сборки», глубина производственной цепочки.	> 50% для критических отраслей. Рассчитывается как: (Стоимость российских компонентов и работ / Себестоимость продукта) * 100%

Показатель	Вес	Что измеряет	Интерпретация	Целевое значение / Метод расчета
2. Объем несырьевого неэнергетического экспорта (ННЭ) – (Е)	0,4 — получает наибольший вес, так как является ключевым индикатором стратегического успеха. Реальный импортозамещение должно приводить к созданию продуктов, конкурентоспособных не только внутри страны, но и на внешнем рынке.	Стоимость экспорта за исключением сырья и энергоносителей.	Стратегический успех, конкурентоспособность экономики; свидетельство создания товаров, востребованных на внешнем рынке.	Стабильный рост на 10-15% в год (в долларовом выражении). Отражает реальную конкурентоспособность, а не только способность заместить импорт.
3. Рост внутренних патентов [11, с.43] и расходов на НИОКР [12, с.97] (R)	0,3 — «Доля локализации» и «Рост внутренних патентов и расходов на НИОКР» одинаково важны, но на разных этапах. Локализация — это тактическая основа, а инновации — стратегический потенциал [13, с.166]. Их равный вес подчеркивает необходимость баланса между решением текущих задач и инвестициями в будущее.	Инвестиции в исследования и разработки и количество патентов в критических отраслях.	Потенциал для долгосрочного роста, способность экономики к генерации собственных инноваций и созданию технологий следующего поколения.	Рост расходов на НИОКР > роста ВВП; Увеличение числа патентов в высокотехнологических отраслях (ИТ, фарма, микроэлектроника) на 5-10% в год.

Источник: составлено авторами

Расчет индекса ИТСК для экономики России (2014-2025 гг.)

В таблице 7 представлен расчет компонент индекса ИТСК за анализируемый период.

Таблица 7 – Расчет компонент индекса ИТСК (2014-2025 гг.)

Год	g_l (Локализация)	g_e (ННЭ, \$)	g_r (НИОКР, руб.)	Примечания и источники данных
2014	0.00 (база)	0.00 (база)	0.00 (база)	Базовые значения: $L_0, E_0 = \$84.3$ млрд, $R_0 = 847.5$ млрд руб.
2015	+0.15	-0.12	+0.01	Первый санкционный шок. Рост локализации в АПК, падение ННЭ из-за кризиса, стагнация НИОКР.
2016	+0.22	+0.03	+0.05	Адаптация. Начало роста в агро- и пищепроме. НИОКР поддерживается госпрограммами.
2017	+0.30	+0.12	+0.08	Ускорение локализации в фармацевтике и машиностроении по СПИК.
2018	+0.38	+0.25	+0.12	Пик роста ННЭ за счет АПК и химии. Увеличение затрат на производство новых продуктов.
2019	+0.45	+0.30	+0.15	Стабилизация. Дальнейший рост локализации, экспорта.

Год	g_l (Локализация)	g_e (ННЭ, \$)	g_r (НАОКР, руб.)	Примечания и источники данных
2020	+0.48	+0.28	+0.18	Пандемийный год. Сдерживание роста экспорта, но устойчивость локализации.
2021	+0.55	+0.45	+0.25	Довоенный пик. Высокие цены на сырье поддерживали ННЭ.
2022	+0.65	+0.55	+0.35	Шок 2022 г. Резкий рост локализации (автомобилестроение, информационные технологии), переориентация экспорта, скачок военных и гражданских технологически новых продуктов.
2023	+0.80	+0.75	+0.50	Консолидация. Рекордные показатели локализации в ряде отраслей, исторический максимум ННЭ, рост бюджета на технологический суверенитет.
2024 (прогноз)	+0.90	+0.65	+0.60	Ожидается замедление роста ННЭ из-за насыщения традиционных рынков и логистических ограничений. Фокус на НАОКР и углубление локализации в станкостроении и электронике.
2025 (прогноз)	+1.00	+0.70	+0.75	Прогноз основан на реализации нацпроектов. Рост ИТСК будет определяться способностью трансформировать рост НАОКР в новые экспортные продукты.

Источник: составлено авторами

Таблица 8 – Расчет интегрального индекса ИТСК по годам

Год	Расчет ИТСК	Значение ИТСК	Интерпретация
2015	$0.3 \times 0.15 + 0.4 \times (-0.12) + 0.3 \times 0.01$	0.000	Нулевой эффект. Положительная динамика локализации ($g_e = +0.15$) полностью нивелирована падением экспорта ($g_l = -0.12$). Санкции как чистый вызов.
2016	$0.3 \times 0.22 + 0.4 \times 0.03 + 0.3 \times 0.05$	0.105	Начало адаптации. Положительный вклад всех компонент, но уровень низкий.
2017	$0.3 \times 0.30 + 0.4 \times 0.12 + 0.3 \times 0.08$	0.162	Умеренный рост. Локализация становится основным драйвером.

Год	Расчет ИТСК	Значение ИТСК	Интерпретация
2018	$0.3 \times 0.38 + 0.4 \times 0.25 + 0.3 \times 0.12$	0.262	Ускорение. Экспорт (E) начинает вносить больший вклад, чем локализация (L), что является здоровым признаком.
2019	$0.3 \times 0.45 + 0.4 \times 0.30 + 0.3 \times 0.15$	0.300	Стабильное развитие. Сбалансированный рост по всем направлениям.
2020	$0.3 \times 0.48 + 0.4 \times 0.28 + 0.3 \times 0.18$	0.310	Устойчивость к кризису. Индекс практически не изменился, несмотря на пандемию, благодаря L и R.
2021	$0.3 \times 0.55 + 0.4 \times 0.45 + 0.3 \times 0.25$	0.420	Довоенный пик. Сильный рост экспорта дает максимальный вклад в индекс.
2022	$0.3 \times 0.65 + 0.4 \times 0.55 + 0.3 \times 0.35$	0.520	Скачок адаптации. Максимальный вклад экспорта и локализации. Санкции как катализатор.
2023	$0.3 \times 0.80 + 0.4 \times 0.75 + 0.3 \times 0.50$	0.690	Рекордное значение. Все компоненты вносят значимый вклад, особенно E и L. Экономика демонстрирует структурный ответ.
2024 (прогноз)	$0.3 \times 0.90 + 0.4 \times 0.65 + 0.3 \times 0.60$	0.710	Качественный переход. Рост индекса замедляется. Основной драйвер смещается с L к R. Критически важно, чтобы рост НИОКР (g _r) конвертировался в будущий экспорт.
2025 (прогноз)	$0.3 \times 1.00 + 0.4 \times 0.70 + 0.3 \times 0.75$	0.745	Консолидация тренда. Дальнейший рост зависит от способности экономики генерировать новые технологические продукты на экспорт.

Источник: составлено авторами

Выводы из исследования

1. Политика продемонстрировала высокую адаптивную эффективность, но неравномерную структурную. Устойчивый рост индекса ИТСК с 0.105 до 0.690 свидетельствует о высокой эффективности в преодолении шоков и быстрой перестройке экономики. Способность не только компенсировать потери 2015 года, но и выйти на рекордные значения к 2023 году подтверждает, что санкции действительно сыграли роль катализатора адаптации. Однако динамика компонент выявляет системную слабость. На протяжении всего периода (особенно в 2022-2023 гг.) рост локализации (L) опережал рост инновационного потенциала (R). Это указывает на эффективность в решении тактических задач (сборка, производство) при недостаточной эффективности в решении стратегической задачи – создании собственной технологической базы. Политика была более эффективна в «замещении», чем в «создании».

2. Переход от импортозамещения к экспортоориентированному росту состоялся лишь частично. Положительная динамика компоненты экспорта (E) с 2018 года и ее ведущий вклад в рост ИТСК – главное доказательство качественной эффективности. Экономика смогла не просто заместить импорт, но и нарастить несырьевой экспорт, что является признаком конкурентоспособности.

Рост E в значительной степени обеспечивался традиционными секторами (аграрный, химия), а не высокотехнологичными. Стратегическая неэффективность проявляется в том, что рекордный рост НИОКР (прогнозируемый $g_r = +0.75$ к 2025) пока не конвертируется в адекватный рост высокотехнологичного экспорта. Политика эффективна в диверсификации товарного экспорта, но не в переходе к экспорту технологий.

3. Санкции 2022 года стали переломным моментом, изменившим природу эффективности. Максимальные темпы роста локализации и переориентации торговых потоков были достигнуты в сжатые сроки. ИТСК зафиксировал этот скачок (с 0.42 до 0.69). Обнажились стратегические риски: Резкий рост показал высокую зависимость индекса от компоненты L . Прогнозное замедление роста ИТСК в 2024-2025 годах (с 0.69 до 0.745) прямо указывает на исчерпание экстенсивной модели эффективности, основанной на замещении и перетоке ресурсов. Дальнейший рост требует перехода к модели, основанной на инновациях (R), что является качественно более сложной задачей.

Исходя из полученных результатов мы можем предложить следующие рекомендации, вытекающие из анализа ИТСК.

Во-первых, необходима корректировка приоритетов. Поскольку вес R в индексе равен весу L (0.3), но его отдача запаздывает, политика должна предусматривать опережающее финансирование и стимулирование НИОКР с обязательным условием коммерциализации.

Должна осуществляться селективная поддержка экспорта. Акцент в компоненте E должен смещаться с поддержки объема ННЭ в целом на стимулирование удельного веса высокотехнологичных товаров и услуг в этой группе.

Необходим постоянный мониторинг «инновационного лага». Рассчитанный индекс ИТСК наглядно показывает разрыв между L и R . Задача политики – не дать этому лагу увеличиться, что требует интеграции программ локализации с программами развития НИОКР.

В целом, политика импортозамещения в России в 2014-2023 гг. доказала свою высокую эффективность как инструмент кризисной адаптации и обеспечения краткосрочной экономической устойчивости. Однако ее эффективность как инструмента долгосрочного технологического развития и построения суверенной конкурентоспособной экономики остается под вопросом. Рост индекса ИТСК в прогнозном периоде резко замедлится, если не будет преодолен ключевой структурный дисбаланс – отставание качества инноваций (и их экспортного потенциала) от темпов физической локализации. Таким образом, текущая политика эффективна для выживания, но ее будущая эффективность для развития зависит от кардинального усиления инновационной компоненты.

Заключение и дискуссия

Экономические санкции представляют собой сложный феномен, сочетающий вызовы и возможности. Негативные краткосрочные последствия очевидны, однако санкционное давление создает «окно возможностей» для глубокой структурной перестройки экономики, осуществить которую в стабильных условиях было бы политически и экономически сложно.

Мы должны использовать этот импульс для диверсификации экономики, стимулирования внутренних инноваций и наращивания несырьевого экспорта в долгосрочной перспективе. Однако этот путь сопряжен со значительными издержками и требует не только политической воли, но и стратегического планирования, направленного на минимизацию рисков технологической стагнации.

Проведенное исследование показало, что необходим переход от политики, ориентированной преимущественно на «замещение», к политике «создания». Это требует опережающего роста инвестиций в НИОКР не только в абсолютных цифрах, но и в % к ВВП, с жесткой привязкой финансирования к результатам коммерциализации и патентной активности.

Стимулирование экспорта должно смещаться с общего объема несырьевого экспорта на поддержку именно высокотехнологичных товаров и услуг (ИТ, микроэлектроника, наукоемкая фармацевтика). Целевые показатели по доле высоких технологий в ННЭ должны быть введены в систему оценки эффективности министерств и корпораций.

Индекс ИТСК должен стать инструментом регулярного мониторинга для органов государственного планирования. Устойчивое опережение роста компоненты L над R должно рассматриваться как сигнал к корректировке программ поддержки в пользу НИОКР и образовательных проектов в области инженерных кадров.

Без усиления инновационной компоненты существует опасность воспроизводства устаревших технологических укладов и создания неконкурентоспособных производств, перманентно зависящих от государственных субсидий и протекционизма. История индустриализации 1930-х годов демонстрирует как успехи, так и долгосрочные издержки подобной модели, выразившиеся в структурных диспропорциях и технологическом отставании на микроуровне.

Таким образом, эффективность санкций как катализатора в долгосрочной перспективе будет определяться не способностью экономики быстро заместить недостающий импорт, а ее способностью использовать вынужденную изоляцию для генерации собственных конкурентных технологий и их успешной интеграции в глобальные цепочки создания стоимости на новых условиях. Текущий импульс к изменениям создал историческое «окно возможностей», но его реализация требует смены парадигмы: от импортозамещения к технологическому лидерству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hausmann R., Hidalgo C.A., Bastos S., Coscia M., Simoes A. «The Atlas of Economic Complexity: Mapping Paths to Prosperity» MIT Press, - 2014 г. – 368 p. Hidalgo, C. A., & Hausmann, R. The building blocks of economic complexity // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2009. – Vol. 106, № 26. – P. 10570–10575. – URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.0900943106>
2. Hidalgo, C. A., Hausmann R. The building blocks of economic complexity // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2009. – Vol. 106, № 26. – P. 10570–10575. – URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.0900943106>
3. Kiselev, A. Trends and prospects for ensuring the Russian economy competitiveness in the context of economic and political sanctions / A. Kiselev, R. Kolesov // Journal of Regional and International Competitiveness. – 2024. – Vol. 5, No. 3. – P. 22-29. – DOI 10.52957/2782-1927-2024-5-3-22-29.
4. Uspayeva, M. G. State data security in the context of sanctions and economic pressure / M. G. Uspayeva, A. M. Gachaev // Management of Education: Theory and Practice. – 2023. – No. 6(64). – P. 76-85. – DOI 10.25726/w9269-5289-1129-g.
5. Богданов, В. В. Подходы европейских ученых к определению и оценке технологического суверенитета / В. В. Богданов // Экономика строительства. – 2024. – № 11. – С. 41-45.
6. Данилова, Е. Н. Как приобщали иностранных рабочих и специалистов к советской системе (первая половина 1930-х гг.) / Е. Н. Данилова // Клио. – 2015. – № 2(98). – С. 112-119.
7. Куличихина, А. Л. Подходы к оценке технологического суверенитета / А. Л. Куличихина // Вестник науки. – 2025. – Т. 4, № 5(86). – С. 162-169.
8. Масальский, М. Г. Экономические санкции. влияние экономических санкций на Российскую Федерацию / М. Г. Масальский // Экономика и социум. – 2022. – № 4-3(95). – С. 95-97.
9. Медведева, Н. В. Подходы к оценке достижения технологического суверенитета / Н. В. Медведева // Вопросы инновационной экономики. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 91-104. – DOI 10.18334/vines.14.1.120653.
10. Меерович, М. Г. СССР как мегапроект / М. Г. Меерович // Советский проект. 1917-1930-е гг.: этапы и механизмы реализации : Сборник научных трудов / ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». – Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2018. – С. 28-39.
11. Минпромторг России. Стратегия развития фармацевтической промышленности. Итоги 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/activity/opk/pharmaceutical/#> (презентации и отчеты в разделе).
12. Минцифры России. Доклад о реализации политики импортозамещения в сфере ИТ. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/importozameshchenie/>.
13. Минцифры России. Отчет о развитии ИТ-отрасли. Реестр отечественного ПО. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/statistic/>.
14. Модернизация экономики России. Кн. 1 : итоги и перспективы : в 2-х кн. / редактор Е. Г. Ясин. — Москва : Высшая школа экономики, 2003. — 296 с.. — ISBN 5-75980-207-0. URL: <https://library.cbr.ru/pdf-viewer/?id=67323>
15. Мызрова, О. А. Технологический суверенитет: методический подход к оценке / О. А. Мызрова, Т. В. Горячева // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. – 2024. – № 1(41). – С. 63-71.
16. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции. Вопросы экономики. 2008;(4):4-24. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-4-4-24>
17. Постановление Правительства РФ № 603 от 15.04.2023 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении

сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL <http://government.ru/docs/all/147043/>

18. Российские корпорации в новой реальности. Финансовые стратегии на пути к антихрупкости / А. Е. Абрамов, Р. Б. Алиев, А. Э. Анилов [и др.]. – Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2024. – 360 с. – ISBN 978-5-7598-4107-4. – DOI 10.17323/978-5-7598-4107-4.

19. Росстат. Индекс потребительских цен. Валовой внутренний продукт. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (официальные данные).

20. Росстат. Индексы промышленного производства. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/industries> (данные за 2023 г.).

21. Росстат. Промышленное производство в России. Статистический сборник. – М.: Росстат, 2023. – 259 с.

22. Скворцова В. А., Леонтьев А.М., Скворцов А.О. Внешнеэкономическое сотрудничество России с новыми партнерами по БРИКС в условиях антироссийских санкций / В. А. Скворцова, А. М. Леонтьев, А. О. Скворцов // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 6(179). – С. 438-442. – DOI 10.34925/EIP.2025.179.6.077.

23. Собиров, Б. Ш. Коллаборация бизнеса и науки как фактор реинжиниринга компании / Б. Ш. Собиров // Научное отражение. – 2020. – № 4(22). – С. 63-65.

24. ФТС России. Внешняя торговля Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg?ysclid=mj2yhdfj1440969027>

25. Шпотов, Б. М. Участие американских промышленных компаний в советской индустриализации, 1928-1933 гг / Б. М. Шпотов // Экономическая история: ежегодник. – 2005. – Т. 2005. – С. 172-196.

Economic Sanctions as a Catalyst for Structural Change: Assessing the Effectiveness of Import Substitution Based on the Integral Index

Paromov Aleksey Yurievich

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: paromov-ay@ranepa.ru

Elkina Olga Sergeevna

Doctor of Economic Sciences, Professor

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: elkina-os@ranepa.ru

KEYWORDS

economic sanctions, import substitution, effectiveness of import substitution policy, localization, non-resource exports, innovation activity, index of technological sovereignty and competitiveness

ABSTRACT

In the context of the transformation of economic sanctions from an instrument of extraordinary policy into a permanent element of international relations, the problem of import dependence is becoming critical. This study aims not only to confirm the thesis of sanctions as a catalyst for structural changes, but also to offer a comprehensive tool for assessing their actual effectiveness, as well as the effectiveness of the import substitution policy. For this purpose, the study developed and tested an integral index of technological sovereignty and competitiveness, combining key indicators of localization, non-primary exports and innovation activity. The objectives of the study include analyzing the impact of sanctions on structural changes in the economy in 2014-2024; developing a methodology for assessing import substitution that takes into account not only the level of localization, but also the dynamics of non-resource exports and innovation potential; identifying industry imbalances and the «innovation lag» in the implementation of current policy. Based on empirical studies, the optimal weight values of each component of the integral index have been identified. An analysis of data on the Russian economy for the period from 2014 to 2024 using this index allowed us to obtain specific results. They indicate a significant adaptive effectiveness of the import substitution policy, expressed in the steady growth of the index. However, the results also revealed a systemic imbalance: tactical successes in import substitution and increasing traditional exports have not yet been supported by an adequate breakthrough in creating their own competitive technologies. Thus, the sanctions have created the necessary window of opportunity, but the transition to a model of sustainable technological growth requires a fundamental reorientation of priorities towards generating innovation and high-tech exports.

Интеллектуализация реального сектора экономики: современные тенденции, вызовы, решения

Шевченко Светлана Алексеевна

Кандидат педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», г. Волгоград, Российская Федерация
E-mail: svetashv@mail.ru

Морозова Ирина Анатольевна

Доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», г. Волгоград, Российская Федерация
E-mail: morozovaira@list.ru

Кузьмина Екатерина Валериевна

Кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», г. Волгоград, Российская Федерация
E-mail: katerina993@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

наукоемкие технологии,
научно-кадровый потенциал,
отраслевая структура,
новая индустриализация,
стратегическая автономия,
промышленная политика,
международное
сотрудничество,
национальный контроль

АННОТАЦИЯ

В научной статье рассматриваются вопросы достижения технологического суверенитета как важного стратегического ориентира России в условиях внешних вызовов (глобализации, трендов технологического развития, санкционного давления). Цель исследования – выявить влияние процессов новой индустриализации на достижение технологического суверенитета государства. В исследовании использованы методы научного познания: анализ и синтез, моделирование, контент-анализ, которые позволили выявить основные направления влияния процессов новой индустриализации на технологический суверенитет государства. В процессе исследования уточнены основные компоненты технологического суверенитета государства (способность к независимости, национальный контроль, стратегическая автономия, институциональная поддержка и другие) и факторы его достижения (национальный контроль за созданием и использованием критических и сквозных технологий, международная интеграция с дружественными странами, научно-кадровый потенциал, развитие институциональной среды и другие). В работе структурировано понятие новой индустриализации на пять ключевых доминант (технологическая, структурная, инновационная, производственная и кадровая), что явилось основой для выявления основных направлений влияния процессов новой индустриализации на технологический суверенитет государства (формирование технологической независимости, укрепление научно-кадровой основы, обеспечение стратегической автономии, повышение конкурентоспособности и развитие институциональной поддержки). Новая индустриализация формирует системную основу для достижения технологического суверенитета России, что требует координации усилий государства, бизнеса и научного сообщества в следующих направлениях: создание замкнутых производственных циклов, развитие кадрового потенциала и укрепление международного сотрудничества с «дружественными» странами. Результаты исследования могут быть использованы при разработке эффективной промышленной и научно-технической политики в регионах для достижения технологического суверенитета России. Направление будущих исследований в изучении условий осуществления новой индустриализации для достижения технологического суверенитета государства.

JEL codes: O14, O19, O25, O32

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-1-46-60>

Для цитирования: Шевченко, С.А. Исследование влияния ключевых доминант новой индустриализации на

технологический суверенитет государства / С.А. Шевченко, И.А. Морозова, Е.В. Кузьмина. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 1. – С.47-60. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 31.01.2026)

Введение

В условиях глобализации, трендов технологического развития и усиления санкционного давления, проблема обеспечения технологического суверенитета России выдвигается в ряд стратегических приоритетов национальной безопасности и устойчивого развития. Выбор дальнейшего развития российской экономики на основе технологической политики по обеспечению технологического суверенитета является необходимостью для развития системообразующих отраслей промышленности [12].

На законодательном уровне в России технологический суверенитет определяется как:

– наличие в стране под национальным контролем: 1) критических технологий для обеспечения безопасности государства и 2) сквозных технологий межотраслевого назначения, обеспечивающих создание инновационных продуктов для развития экономики и формирования новых рынков для достижения собственных национальных целей развития с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами [10];

– способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства [23].

Одним из условий достижения технологического суверенитета является реализация политики новой индустриализации [9]. Новая индустриализация – процесс качественных изменений в экономике региона, характеризующийся: высоким уровнем развития производительных сил и производственных отношений, значительным ростом нормы предпринимательской прибыли, повышением материального уровня населения и укреплением обороноспособности страны. Возможности новой индустриализации способствуют обеспечению технологического суверенитета государства [5].

Основные подходы к понятию технологического суверенитета государства представлены в работах March C., Schieferdecker [38], Edler, Blind, Kroll, Schubert [35], А. Д. Тимофеевой [21], Г. А. Хмелевой [26], В.В. Лапаевой [11] и других авторов. В своих работах авторы рассматривают различные аспекты технологического суверенитета, акцентируя большее внимание на важности научных знаний в разработке новых технологий для повышения безопасности государства.

Вопросы теории новой индустриализации рассмотрены в работах В.А. Гордеева [14], Т. Н. Шушуновой [32], С.А. Шевченко и др. [29], М.А. Бережных и А. В. Харламова [2], В.А. Новикова [15] и других авторов.

Взаимосвязь процессов новой индустриализации и технологического суверенитета отражены в статьях Н.В. Шемякиной и А.А. Пономаренко [30], А.А. Кайгородцева [9], М.А. Бережных и А. В. Харламова [2], С. В. Шкодинского и других [31]. Внимание авторов сконцентрировано на создании новых высокотехнологичных секторов экономики и эффективного инновационного обновления ее традиционных секторов на основе активного использования цифровых технологий.

Анализ работ зарубежных и отечественных авторов показал, что возможности новой индустриализации в достижении технологического суверенитета государства изучены не достаточно. В частности не выявлены ключевые доминанты новой индустриализации в контексте достижения технологического суверенитета государства. В научных исследованиях не в полной мере изучены вопросы взаимосвязи новой индустриализации и технологического суверенитета.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью научного осмысления влияния новой индустриализации на достижение технологического суверенитета государства, что является важным для разработки эффективной государственной промышленной и научно-технической политики в современных условиях.

Цель исследования – выявить влияние процессов новой индустриализации на достижение

технологического суверенитета государства.

Для достижения поставленной цели в исследовании были сформулированы следующие задачи: 1) провести сравнительный анализ существующих подходов к определению сущности технологического суверенитета государства, уточнить его основные компоненты и факторы достижения; 2) определить ключевые доминанты новой индустриализации и раскрыть их содержание; 3) выявить основные направления влияния процессов новой индустриализации на достижение технологического суверенитета государства.

Методы исследования

На основе сравнительного анализа систематизированы подходы к определению понятия технологического суверенитета государства (технологический, экономический, интеграционный и другие) в целях уточнения основных компонентов технологического суверенитета государства. Использование методов анализа и синтеза позволило структурировать понятие новой индустриализации на пять доминант (технологическая, структурная, инновационная, производственная и кадровая). Контент-анализ научных источников и нормативных документов позволил выявить приоритеты государства в направлении достижения технологического суверенитета, а также пробелы в научных работах в направлении взаимосвязи новой индустриализации и технологического суверенитета. Метод моделирования был использован для разработки графической модели влияния ключевых доминант новой индустриализации на технологический суверенитет государства.

Основная часть

1. Технологический суверенитет государства: сущность понятия и основные компоненты.

В начале нашего исследования мы обратились к теоретическому опыту исследователей по вопросам технологического суверенитета государства.

В научной экономической литературе за последние годы наблюдается рост количества исследований в области технологического суверенитета государства. В частности в научных работах исследуются вопросы определения сущности понятия технологического суверенитета, факторов и условий его достижения, вопросы оценки уровня технологического суверенитета.

В научных работах сущность понятия технологического суверенитета рассматривается с позиции разных подходов (политического, технологического, экономического, когнитивного и других).

Сторонники политического подхода технологический суверенитет определяют как часть государственного суверенитета, основная характеристика которого независимость от других государств в создании и использовании перспективных технологий для обеспечения своей безопасности в мировом сообществе [21,38]. Авторы, которые придерживаются технологического подхода, рассматривают технологический суверенитет как способность страны самостоятельно создавать критические и сквозные технологии на основе научных знаний [21, 34]:

-для производства важнейших видов высокотехнологичной продукции в необходимом масштабе без зависимости от технологий, поставляемых извне [17, 26];

-для обеспечения безопасности государства, поддержки экономической конкурентоспособности государства на мировых рынках, решения социально-экономических задач в направлении достижения национальных интересов государства[35];

-для сохранения своей стратегической автономии посредством контроля над глобальными процессами технологического развития в международной геополитической и научно-технической среде[36,37].

С позиции экономического подхода технологический суверенитет определяется как составляющая экономического суверенитета [3], которая обеспечивает потребности мировой

системы России и проявляется в способности государства создавать добавленную стоимость при осуществлении различных видов экономической деятельности при условии возмещения импортных затрат поступлениями от реализации экспортной продукции [25]. Авторы данного подхода отмечают приоритетность инноваций и институциональных условий при беспрепятственном доступе к природным ресурсам и капиталу [34].

Г. А. Хмелева в своей работе акцентирует внимание на региональном аспекте, отмечая, что политика государства в достижении технологического суверенитета, должна опираться на конкурентные преимущества региона и отраслевые приоритеты. Важно сохранить устойчивость важнейших отраслей за счет активизации создания технологий для выпуска критически важной продукции [26].

Когнитивный подход к понятию технологического суверенитета основывается на важности научных знаний (включая фундаментальную и прикладную его составляющие) и необходимости кадрового потенциала для его достижения [11]. Эти две составляющие в совокупности представляют организационный каркас интеллектуального обеспечения технологической независимости [7]. Разработка прорывных технологий базируется на новых знаниях, источником которых является кадровый потенциал технологического развития: команды разработчиков, средние технологические компании и университеты [4,8].

М.Н. Петров и Я.С. Филиппов выделяют понятие когнитивного суверенитета как важной составляющей технологического суверенитета, определяя как способность государства создавать новые интеллектуальные продукты и проводить собственную независимую экспертизу будущих научных концепций [16].

Ряд авторов определяют технологический суверенитет государства с позиции интеграционного подхода, подчёркивая при этом значимость партнёрства с другими странами в направлении создания конкурентоспособных на внутреннем и мировом отраслевых рынках сбыта инновационных продуктов.

Технологический суверенитет государства предполагает:

- сильную переговорную позицию при выстраивании сотрудничества с другими странами с возможностью совершения зеркальных сделок (обмена одних технологий на другие) [20];
- использование технологических возможностей, созданных извне, посредством активизации надёжных партнёрств [34];
- соблюдение баланса между перенаправлением производства на базе импортной технологической базы и внедрением непосредственно собственных уникальных инновационных продуктов [12] для удовлетворения потребности промышленных организаций в технологиях собственного национального производства или созданных в кооперации с хозяйствующими субъектами дружественных государств [13].

В рамках институционального подхода авторы научных работ концентрируют внимание на роли институтов (организаций, государственных органов, научных и исследовательских организаций) в создании и поддержании технологического суверенитета. Технологический суверенитет подразумевает способность государства осуществлять автономное научно-техническое развитие и внедрение передовых инноваций, опираясь на независимую инфраструктуру, что включает не только создание собственной производственной базы и научных центров, но и формирование систем институциональной поддержки, направленных на разработку критически значимых технологий [6].

Государственные органы должны сохранять субъектность в проведении технологической и инновационной политики в целях встраивания государства в надёжную сеть международных отношений и партнёрств [35]. В условиях цифровой экономики, когда данные и информационные технологии становятся основными активами, институты влияют на развитие инноваций через регулирование и защиту интеллектуальной собственности, политику конфиденциальности

в направлении защиты данных, инвестиции в образование для увеличения количества квалифицированных специалистов для технологических отраслей промышленности, государственное финансирование исследований и разработок для поддержки исследований и разработок и другие [27].

Для укрепления технологического суверенитета государство должно осуществлять:

- ограничение потоков и снижение рисков зависимости от иностранных технологий;
- укрепление внутреннего научно-технологического потенциала посредством инновационной политики [37];
- определение критически важных перспективных технологий и осуществление их оценки [3], расширение и углубление международных связей в области научно-технологического развития.

Е.С. Янковская в своей работе доказывает важность формирования цифрового суверенитета, как части технологического суверенитета [33]. Возможность государства контролировать и управлять своей цифровой инфраструктурой, в том числе собственными технологиями позволят обеспечить информационную безопасность и конкурентоспособность национальных компаний [19]. Цифровизация положительно влияет на технологический суверенитет страны, что проявляется в развитии собственных цифровых технологий (программное обеспечение), создании инновационных IT-решений и развитии киберфизических систем; повышении конкурентоспособности национальных технологических компаний и стимулировании экономического роста территорий [31].

Идеологический подход к определению технологического суверенитета основывается на идеологии лидерства государства через овладение технологиями, стремление государств к развитию научно-технического потенциала и сохранению его в пределах своей территории [21]. Понятие технологического суверенитета является основой технационализма – направления, в рамках которого технологические инновации создают возможности для национальной безопасности, экономического процветания и социальной стабильности страны [24].

Таким образом, можно сделать вывод, что представленные выше подходы авторов не противоречат друг другу, а раскрывают различные аспекты понятия технологического суверенитета.

Анализ результатов научных исследований позволил нам уточнить основные компоненты технологического суверенитета государства, которые представлены на рисунке 1.

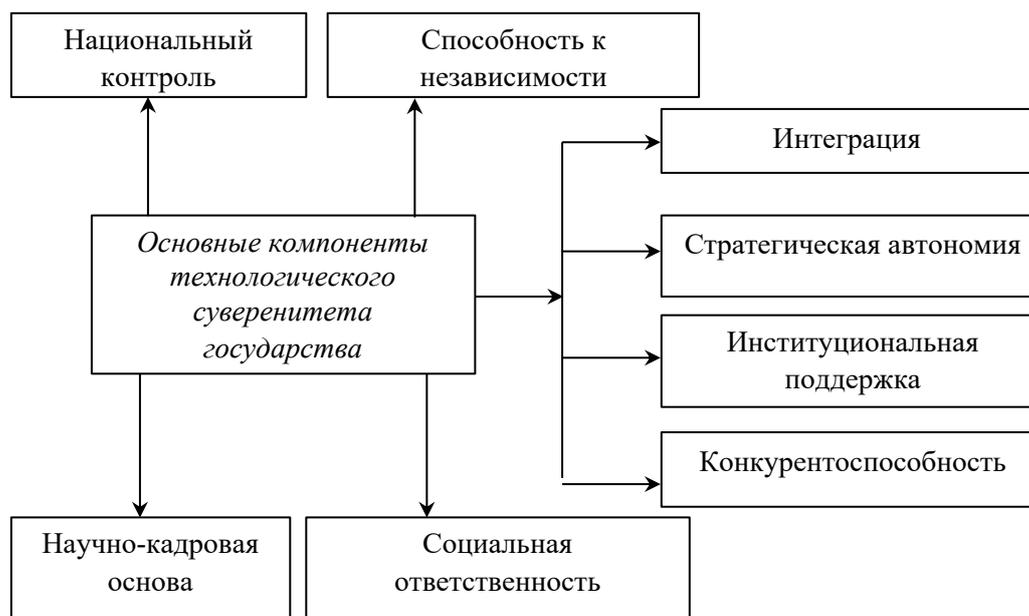

Рисунок 1 – Основные компоненты технологического суверенитета государства

Источник: составлено автором в соответствии с источниками [3;7;11;12;13; 16;17; 21;24;25;26; 34 и другие]

Способность к независимости как компонент технологического суверенитета государства

проявляется в: способности государства разрабатывать и внедрять собственные критические и сквозные технологии (технологическая независимость); развитии собственной технологической базы для создания высокотехнологичных производств (экономическая независимость); обеспечении безопасности информационных сетей (информационная независимость).

Национальный контроль как компонент технологического суверенитета государства заключается в способности государства обеспечивать оборону, безопасность и экономическую устойчивость посредством осуществления контроля над глобальными процессами технологического развития.

Интеграция как компонент технологического суверенитета государства проявляется в сотрудничестве государства с зарубежными партнерами в области создания и развития технологий для целей встраивания государства в надежную сеть международных отношений и партнерств.

Стратегическая автономия как компонент технологического суверенитета государства проявляется в стратегическом ориентире государства на технологическое развитие, что выражается в разработке и реализации долгосрочных стратегий технологического развития для сохранения своей автономии в международной геополитической и научно-технической среде.

Институциональная поддержка как компонент технологического суверенитета государства заключается в создании и развитии институтов (организаций, государственных органов, научных и исследовательских организаций) функции которых: регулирование и защита интеллектуальной собственности; реализация политики конфиденциальности в направлении защиты данных; инвестиции в образование для увеличения количества квалифицированных специалистов для технологических отраслей промышленности; финансовая поддержка исследований и разработок и другие.

Конкурентоспособность как компонент технологического суверенитета государства отражается: в достижении лидерства государства на мировых рынках за счет применения наукоемких технологий в направлении разработки инноваций для обеспечения высокого уровня качества продукции и услуг в соответствии с международными стандартами.

Социальная ответственность как компонент технологического суверенитета государства отражается в создании и развитии технологий, направленных на решение социальных проблем (поддержка малообеспеченных граждан, решение бытовых вопросов); в повышении качества жизни населения (предоставление гражданам продовольственной независимости и медицинской помощи, обеспечение транспортной доступности на всей территории); в защите окружающей среды.

Научно-кадровая основа как компонент технологического суверенитета государства проявляется в наличие кадрового потенциала (разработчики, университеты, исследовательские организации и другие) и базы научных знаний для разработки новых идей.

Таким образом, в рамках нашего исследования - технологический суверенитет государства - это его стратегическая способность обеспечивать национальную безопасность, экономическую устойчивость и глобальную конкурентоспособность через: контроль над критическими и сквозными технологиями; самостоятельное создание наукоемких решений в приоритетных сферах (производство, ИТ, транспорт и др.); развитие научно-кадрового потенциала; интеграцию в международные технологические цепочки на условиях взаимовыгодного партнерства; формирование институциональной среды (правовой, финансовой, образовательной), поддерживающей инновации.

К факторам достижения технологического суверенитета государства мы относим:

- формирование технологической независимости (наличие компетенций для разработки критических и сквозных технологий, создание собственной производственной базы для выпуска инновационной продукции и другие);
- укрепление национального контроля за созданием и использованием критических и сквозных технологий для обеспечения экономической стабильности;
- установление эффективной международной интеграции с дружественными странами для

обмена технологиями;

- обеспечение стратегической автономии посредством разработки долгосрочных стратегий технологического развития;
- создание научно-кадрового потенциала: развитие научных центров, подготовка инженеров, ученых, IT-специалистов;
- развитие институциональной среды через создание государственных институтов защиты интеллектуальной собственности, финансирования научных исследований, подготовки научных кадров.

2. Новая индустриализация: ключевые доминанты

В научных работах новая индустриализация рассматривается как процесс:

- модернизации экономики региона через радикальное технологическое обновление базовых отраслей на основе разработки и внедрения знаниеемких технологий [29];
- повышения конкурентоспособности экономики на основе формирования кластеров в регионах, которые позволяют повысить конкурентоспособность входящих в них предприятий, сократить издержки, внедрить инновации, усилить взаимоотношения между государством, наукой, бизнесом [14];
- создания новых высокотехнологичных секторов экономики и эффективного инновационного обновления ее традиционных секторов на основе активного использования цифровых технологий, обеспечения новых компетенций и повышения квалификации рабочих сил с целью обеспечения технологического суверенитета страны [22];
- формирования промышленного производства и отраслей нового технологического уклада с учетом ликвидации структурных диспропорций, повышения экономической безопасности страны в условиях внешних вызовов и борьбы за новое мироустройство и глобальной трансформации [32];
- трансформации промышленного сектора экономики на основе повышения доли наукоемкого производства, перехода к производству, основанному на цифровых технологиях с информационной обратной связью для поддержки принятия управленческих решений [18]. Новая индустриализация в регионе характеризуется:
 - развитием крупных промышленных производств и возрастанием роли промышленности как катализатора научно-технического прогресса;
 - предпринимательской активностью организаций промышленности в создании инновационных идей, касающихся инновационной промышленной продукции [29];
 - автоматизацией бизнес-процессов и внедрением искусственного интеллекта в производственные процессы промышленных для создания интеллектуальных систем, способных автоматизировать и улучшать ряд операций на производстве в направлении повышения производительности труда и конкурентоспособности региона [1];
 - кластеризацией промышленности и кооперацией производства с учетом интересов бизнес-структур, что позволит устранить региональные диспропорции и обеспечить равномерное распределение ресурсов, способствуя интеграции периферийных территорий в общенациональную экономическую систему [2];
 - наличием системы подготовки инновационных кадров, основной состав которых составляют специалисты с высшим техническим и управленческим образованием, труд которых характеризуется технической направленностью, наличием элементов творчества, имеющего определенную специфику, научно-обоснованным характером [14];
 - превращением научно-технического труда в доминирующую форму труда, что приводит к самореализации работника в творческом труде на первый план, а также обеспечивает получение важнейших социально-экономических результатов для достижения общенациональных целей развития [15].

На основе анализа понятия новой индустриализации с позиции разных авторов и её

характеристик мы выделили ключевые доминанты новой индустриализации и раскрыли их содержание (таблица 1). Под доминантой новой индустриализации в работе мы понимаем «фокусирующий компонент», который мотивирует остальные компоненты и обеспечивает интегрированность структуры.

Таблица 1 – Ключевые доминанты новой индустриализации

Доминанта	Содержание
Технологическая доминанта	Технологическое обновление: внедрение знаниеёмких и цифровых технологий; применение искусственного интеллекта для создания интеллектуальных систем, способных автоматизировать промышленное производство в направлении повышения производительности труда и конкурентоспособности региона
Структурная доминанта	Структурные преобразования: формирование региональных кластеров для кооперации «государство–наука–бизнес»; устранение региональных дисбалансов; рост наукоёмкого производства.
Инновационная доминанта	Создание системы для генерации и внедрения знаний: создание новых высокотехнологичных секторов экономики; стимулирование предпринимательской активности в создании инновационной продукции, кооперация «государство-наука – бизнес».
Производственная доминанта	Трансформация промышленного сектора: переход к наукоемкому производству с цифровой обратной связью, синхронизация технологических, социальных и управленческих сфер.
Кадровая доминанта	Кадровая трансформация: подготовка специалистов с техническим и управленческим образованием с акцентом на творческой самореализации работников

Источник: составлено автором в соответствии с источниками [1;2;14;15;18;22;29;32]

Взаимосвязь ключевых доминант новой индустриализации заключается в следующем: технологическая и производственная создают основу модернизации экономики, структурная и инновационная обеспечивают эффективную организацию процессов новой индустриализации. Кадровая доминанта осуществляет поддержку остальных компонентов через человеческий капитал.

3. Влияние ключевых доминант новой индустриализации на компоненты технологического суверенитета государства

Взаимосвязь новой индустриализации и технологического суверенитета государства изучалась в ряде научных работ.

В контексте технологического суверенитета новая индустриализация является фактором инновационного развития и способствует модернизации промышленного производства и развитию его новых высокотехнологичных отраслей, что прослеживается в направлении ежегодного возрастания доли хозяйствующих субъектов, осуществляющих инновационную деятельность [30]. Инновационная деятельность характеризуется: научностью (основа - научные знания и результаты научных исследований и разработок), технологической и технической новизной, практической применимостью в процессе производственной деятельности предприятий, процессностью технологического цикла, коммерческой результативностью (направлена на получение экономического эффекта в виде прибыли хозяйствующими субъектами) и социальной эффективностью (направлена на удовлетворение возрастающих общественных потребностей территории) [28].

А.А. Кайгородцев в своей работе делает вывод о необходимости осуществления новой индустриализации для обеспечения технологического суверенитета России. Автор полагает, что для

проведения новой индустриализации необходимо: переориентировать национальную экономику с внешнего на внутренний рынок; увеличить объемы инвестиций в реальный сектор экономики и повысить эффективность их использования; обеспечить высокие темпы роста объемов производства средств производства[9].

Новая индустриализация являясь стратегической основой высокотехнологичной экономики базируется на трёх ключевых компонентах, необходимых для реализации устойчивого промышленного роста: технологическом суверенитете, принципах Индустрии 4.0 и экологической модернизации. Технологический суверенитет - способность государства к автономному воспроизводству критически важных технологий. Использование принципов Индустрии 4.0 (цифровизации, автоматизации и роботизации производственных процессов, интеграции искусственного интеллекта и технологий больших данных) способствует радикальному изменению структуры промышленного производства, придаёт ему гибкость, масштабируемость и адаптируемость к изменениям внешней среды. Экологическая модернизация ориентирует развитие промышленного сектора на минимизацию углеродного следа и использование возобновляемых источников энергии и внедрение технологий замкнутого цикла [2].

С. В. Шкодинский и другие обосновывают в своей работе приоритеты цифровых преобразований в российской промышленности: разработку отечественных цифровых платформ для мониторинга и управления производственными процессами, а также для сбора и анализа данных; повышение квалификации кадров в области цифровых технологий; укрепление защиты информационной безопасности в промышленности; создание специальных программ для развития цифровых технологий в промышленности[31].

Основываясь на основных компонентах технологического суверенитета государства и ключевых доминантах новой индустриализации, мы выявили основные направления влияния процессов новой индустриализации на технологический суверенитет государства:

- формирование технологической независимости: внедрение знаниеёмких технологий и создание собственных критических/сквозных технологий, развитие высокотехнологичных производств (снижает зависимость от иностранных технологий и укрепляет способность к автономному технологическому развитию);

- укрепление научно-кадровой основы: формирование инженерных и управленческих кадров, развитие научных центров (обеспечивает кадровый потенциал для генерации инноваций и поддержки технологического суверенитета);

- обеспечение стратегической автономии: сохранение контроля над глобальными процессами технологического развития через долгосрочные стратегии (сохраняет субъектность в научно-технической сфере в условиях внешних вызовов);

- повышение конкурентоспособности: создание инновационных продуктов, кластеризация через кооперацию бизнес-наука-государство, рост наукоёмкого производства (укрепляет позиции на мировых рынках и способствует экономической устойчивости);

- развитие институциональной поддержки: формирование промышленных кластеров, создание институтов защиты интеллектуальной собственности (обеспечивает правовые, финансовые и организационные условия для инноваций).

На рисунке 2 представлена схема влияния ключевых доминант новой индустриализации на компоненты технологического суверенитета государства.

Таким образом, можно заключить, что новая индустриализация, реализуемая через синтез технологической, структурной, инновационной, производственной и кадровой доминант, формирует системную основу для достижения технологического суверенитета России. Это требует координации усилий государства, бизнеса и научного сообщества в создании замкнутых производственных циклов, развитии кадрового потенциала и укреплении международного сотрудничества с «дружественными» странами.

Рисунок 2 – Схема влияния новой индустриализации на технологический суверенитет государства
 Источник: составлено автором в соответствии с [2;9; 28;30;31]

Заключение

Данное исследование уточняет и дополняет научные знания в области достижения технологического суверенитета государства. В процессе исследования был проведён анализ существующих подходов к определению понятия технологического суверенитета государства. Выявлены следующие основные подходы: политический, технологический, экономический, когнитивный, институциональный и идеологический. Содержание данных подходов позволило уточнить основные компоненты понятия технологического суверенитета государства: способность к независимости (технологическая независимость, экономическая независимость, информационная независимость); национальный контроль (способность государства обеспечивать оборону, безопасность и экономическую устойчивость); интеграция как сотрудничество государства с зарубежными партнерами в области создания и развития технологий); стратегическая автономия как стратегический ориентир государства на технологическое развитие; институциональная поддержка в создании и развитии институтов, функции которых: регулирование и защита интеллектуальной собственности; реализация политики конфиденциальности в направлении защиты данных и другие; конкурентоспособность в достижении лидерства государства на мировых рынках за счет применения наукоемких технологий; социальная ответственность в создании и развитии технологий, направленных на решение социальных проблем; научно-кадровая основа (наличие кадрового потенциала и базы научных знаний для разработки новых идей).

Авторами исследования сформулировано понятие технологического суверенитета государства как его стратегическая способность обеспечивать национальную безопасность, экономическую устойчивость и глобальную конкурентоспособность через: контроль над критическими и сквозными технологиями; самостоятельное создание наукоемких решений в приоритетных сферах (производство, ИТ, транспорт и др.); развитие научно-кадрового потенциала; интеграцию в международные технологические цепочки на условиях взаимовыгодного партнерства; формирование институциональной среды.

К факторам достижения технологического суверенитета государства относятся: формирование технологической независимости; укрепление национального контроля за созданием и

использованием критических и сквозных технологий для обеспечения экономической стабильности; установление эффективной международной интеграции с дружественными странами для обмена технологиями; обеспечение стратегической автономии посредством разработки долгосрочных стратегий технологического развития; создание научно-кадрового потенциала: развитие научных центров, подготовка инженеров, ученых, IT-специалистов; развитие институциональной среды через создание государственных институтов защиты интеллектуальной собственности, финансирования научных исследований, подготовки научных кадров.

Принимая во внимание особенности новой индустриализации в контексте достижения технологического суверенитета государства, определены её ключевые доминанты (технологическая, структурная, инновационная, производственная и кадровая) и раскрыто их содержание. Под доминантой новой индустриализации в работе мы понимаем «фокусирующий компонент», который мотивирует остальные компоненты и обеспечивает интегрированность структуры новой индустриализации.

Технологическая доминанта включает внедрение знаниеёмких и цифровых технологий; применение искусственного интеллекта для создания интеллектуальных систем. Структурная доминанта - формирование региональных кластеров для кооперации «государство–наука–бизнес»; устранение региональных дисбалансов; рост наукоёмкого производства. Инновационная доминанта способствует созданию новых высокотехнологичных секторов экономики; стимулированию предпринимательской активности в создании инновационной продукции. Производственная доминанта включает трансформацию промышленного сектора (переход к наукоёмкому производству с цифровой обратной связью, а также синхронизацию технологических, социальных и управленческих сфер). Кадровая доминанта-подготовка специалистов с техническим и управленческим образованием с акцентом на творческую самореализацию работников.

Взаимосвязь ключевых доминант новой индустриализации заключается в следующем: технологическая и производственная создают основу модернизации экономики, структурная и инновационная обеспечивают эффективную организацию процессов новой индустриализации. Кадровая доминанта осуществляет поддержку остальных компонентов через человеческий капитал.

В работе выявлены основные направления влияния процессов новой индустриализации на технологический суверенитет государства: формирование технологической независимости (внедрение знаниеёмких технологий и создание собственных критических/сквозных технологий для развития высокотехнологичных производств), укрепление научно-кадровой основы (формирование инженерных и управленческих кадров, развитие научных центров), обеспечение стратегической автономии (сохранение контроля над глобальными процессами технологического развития), повышение конкурентоспособности (создание инновационных продуктов, кластеризация через кооперацию бизнес-наука-государство, рост наукоёмкого производства) и развитие институциональной поддержки (формирование промышленных кластеров, создание институтов защиты интеллектуальной собственности).

Результаты исследования могут быть использованы при разработке эффективной государственной промышленной и научно-технической политики в целях достижения технологического суверенитета государства. Направление будущих исследований в изучении условий осуществления новой индустриализации для достижения технологического суверенитета государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашов А. М. «Индустрия 4.0» в России: внедрение технологий, проблемы и пути развития промышленности // Теоретическая экономика. 2025. №. 10. С. 46-59. DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-10-46-59>
2. Бережных, М.А. Потенциал новой индустриализации в контексте устойчивого социально-экономического развития России/ М.А. Бережных, А. В. Харламов //Материалы 14-й Всероссийской науч. конф.Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты.- Курск: ЗАО «Университетская книга».- 2024.-С.86-90
3. Богдан, Н.И. Особенности формирования технологического суверенитета на современном этапе развития/ Н.И. Богдан// Вестник Витебского государственного технологического университета.- 2023.-№3(46).-С.125-128
4. Бодрунов, С.Д. Россия в Евразийском пространстве: производство, наука и образование-драйверы прогресса/ С.Д. Бодрунов// Экономическая наука современной России.-2016.-№2(73).-С.19-22
5. Гордеев, В.А. Повышать конкурентоспособность российской экономики: контраст видения неоклассики и теоретической экономии/ В.А. Гордеев, С.В. Шкиотов// Теоретическая экономика.- 2015.-№5(9).-С.11-24.
6. Дмитриев, Н.Д. Кластеризация российских компаний технологического сектора на основе рыночных и финансовых показателей/ Н.Д. Дмитриев, А.В. Тюлькова, В.В. Сорокожердьев// Вестник Челябинского государственного университета.-2024.-№ 10(492).-С. 116-127
7. Доржиева, В.В. Научно-технологический контур: основные характеристики, институциональные условия и факторы формирования / В.В. Доржиева// Вопросы инновационной экономики.- 2022. – № 2. – С.1199-1210
8. Золотарев, А.А. Форсайт «Россия»:новое производство для новой экономики/ А.А. Золотарев, А.И. Колганов//Экономическое возрождение России.-2016 .-№2(48).-С.66-68.
9. Кайгородцев, А.А. Новая индустриализация как условие обеспечения технологического суверенитета России/ А.А. Кайгородцев// Вестник Московского финансово-юридического университета.-2022.-№4.-С.9-12
10. Концепция технологического развития на период до 2030 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 года № 1315-р. Доступ из справ.- правовой системы «Гарант». [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: -URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406831204/?ysclid=mdcyzmo1bn63771220>(дата обращения: 20 июля 2025года).
11. Лапаева, В.В. Технологический суверенитет России: правовые проблемы/ В.В. Лапаева// Наукоевческие исследования.-2023.-№2.-С.60-72
12. Невьянцева, Л.С. Научные подходы к исследованию сущности технологического суверенитета экономики/ Л.С. Невьянцева // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова.- 2024.- Т. 21, № 2.-С. 134
13. Никулин, Р.А Тенденции развития технологического суверенитета макроэкономической системы// Автореферат дис. к.экон. наук.- 2023.-Казанский Приволжский федеральный университет.-24 с.
14. Новая индустриализация в РФ как фактор обгоняющего развития: первые итоги, причины торможения и пути их преодоления: коллективная монография; под ред. В.А. Гордеева, М.А. Угрюмовой, С.В. Шкиотова. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ.-2017. - 220 с.
15. Новиков, В.А. Роль научно-технического труда в осуществлении новой индустриализации / В.А. Новиков - // Теоретическая экономика.-2024 - №9. - С.42-52
16. Петров, М.Н. Технологический суверенитет: эволюция Российских и зарубежных экономических моделей/ М.Н. Петров, Я.С. Филиппов// Экономика: вчера, сегодня, завтра.-2023.- Т. 13,№ 5А.-С. 305-314

17. Потапцева, Е.В. Технологический суверенитет: понятие, содержание и формы реализации/ Е.В. Потапцева, В.В. Акбердина // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика.-2023. - Т. 25, № 3. - С. 5-16
18. Развадовская, Ю.В. Новая индустриализация: фазы, доминанты и паттерны/ Ю.В. Развадовская // Вестник Томского государственного университета. Экономика.-2020. -№ 52.-С.292-295
19. Степанова, Т.Д. Технологический суверенитет России как элемент экономической безопасности/Т.Д. Степанова // Экономика: вчера, сегодня, завтра.-2022. -Т. 12, № 9-1.- С. 567–577
20. Техноостровизация вместо глобализации: Песков предсказал будущее России [Электронный ресурс] URL: <https://news.ru/russia/ostrovizaciya-vmesto-globalizacii-peskov-predskazal-budushee-rossii?ysclid=mxqfv3lw5588247291>. (дата обращения: 20 июля 2025года)
21. Тимофеева, А.Д. Технологический суверенитет: правовой аспект понятия на современном этапе регулирования / А. Д. Тимофеева // Молодой ученый.-2023.-№21-(468).-С. 350-352
22. Ужегов, А.О. Технологические возможности развития индустриальных регионов России на основе концепции «новой индустриализации»/ А.О.Ужегов.// Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право».- 2023.-Т.33,вып.6.-С.995-998
23. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024г. №145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» Доступ из справ.- правовой системы «Гарант». [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: -URL:<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/?ysclid=mdcz1e73ko249307261>(дата обращения: 20 июля 2025года).
24. Файков, Д.Ю. На пути к технологическому суверенитету: теоретические подходы, практика, предложения/ Д. Ю. Файков, Д. Ю.Байдаров//Экономическое возрождение России.-2023.-№1(75).-С.68-72
25. Фальцман, В.К. Технологические суверенитеты России. Статистические измерения /В.К. Фальцман // Современная Европа.-2018.-№ 3 (82).- С. 83-91
26. Хмелева, Г.А. Технологический суверенитет как инструмент обеспечения устойчивого развития экономики региона в условиях санкций / Г.А. Хмелева // Вестник евразийской науки.-2023.-Т. 15, № 3.-С.1-12
27. Чихирева, Н.В. Институциональный подход к определению структуры национального богатства /Н.В. Чихирева // Теоретическая экономика.-2024. - №8. - С.48-60
28. Шевченко, С.А. Инновационная доминанта как ключевое условие пространственно-экономических трансформаций региона / С.А. Шевченко, И.А. Морозова, Е.В. Кузьмина // Теоретическая экономика.-2023.- Т. 97, № 1.-С.29-41.
29. Шевченко, С.А. Кадровое обеспечение новой индустриализации региона в контексте концепции креативного класса / С.А. Шевченко, И.А. Морозова, Е.В. Кузьмина // Теоретическая экономика.- 2024. - № 1. - С. 43-61
30. Шемякина, Н.В. Особенности регионального инновационного развития промышленности ДНР в контексте технологического суверенитета РФ/ Н.В. Шемякина, А.А. Пономаренко// Международный научно-исследовательский журнал.-2024.-№12(150).-С.1-3
31. Шкодинский, С.В. Контурсы современной промышленной политики России в обеспечении технологического суверенитета страны / С.В. Шкодинский, И.А. Продченко, В.Н. Матюхин // Вестник евразийской науки.-2024.- Т. 16.- № 1
32. Шушунова, Т.Н. Трансформация отечественной экономической модели в целях обеспечения технологического суверенитета / Т.Н. Шушунова, Е. В. Ситников,// Экономическая безопасность.-2023. - Т. 6, № 3. – С. 925-940
33. Янковская, Е.С. Цифровизация и технологический суверенитет России/ Е.С. Янковская// Учёные записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии.-2023. -№ 1 (85).- С. 81–85
34. Crespi, F. European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy/ F.

Crespi, S.Caravell, M.Menghini, C.Salvatori// Intereconomics.-2021.-V.56.- (6).-P:348-354. DOI:10.1007/s10272-021-1013-6 348–354.

35. Edler, J. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means/ J. Edler, K.Blind, H.Kroll, T.Schubert// Research Policy. Elsevier.-2023.-V. 52(6). DOI: 10.1016/j.respol.2023.104765.

36. Geenens, R. Sovereignty as Autonomy/ R. Geenens// Law and Philosophy,2017. – V. 36. – N 5. – P. 495–524. DOI: 10.1007/s10982-017-9295-3

37. Helwig, N.Strategic Autonomy and the Transformation of the EU: New Agendas for Security, Diplomacy, Trade and Technology.- 2021.-FIIA Report/67, Helsinki.- 136 p.

38. March, C. Technological Sovereignty as Ability, Not Autarky/ C. March, I. Schieferdecker // International Studies Review.-2023.- V. 25. DOI 10.1093/isr/viad012

A study of the influence of key dominants of new industrialization on the technological sovereignty of the state

Shevchenko Svetlana Alekseevna

Candidate of pedagogical sciences, associate professor,
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation
E-mail: svetashhev@mail.ru

Morozova Irina Anatolievna

Doctor of economics, professor
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation
E-mail: morozovaira@list.ru

Kuzmina Ekaterina Valerievna

Candidate of economic sciences, associate professor,
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation
E-mail: katerina993@yandex.ru

KEYWORDS

high-tech, scientific and human resources potential, industry structure, new industrialization, strategic autonomy, industrial policy, international cooperation, national control

ABSTRACT

This research article examines the achievement of technological sovereignty as an important strategic guideline for Russia in the face of external challenges (globalization, technological development trends, and sanctions pressure). Technological sovereignty is the state's ability to create and apply knowledge-intensive technologies that are critical to ensuring independence and competitiveness in strategically important areas of society and government activity. This study clarifies and expands scientific knowledge in the field of achieving technological sovereignty of the state. The objective of the study is to identify the influence of new industrialization processes on the achievement of technological sovereignty of the state. The study utilizes scientific methods: analysis and synthesis, modeling, and content analysis, which allowed us to identify the main areas of influence of new industrialization processes on the technological sovereignty of the state. The methodological basis of the study is the regulatory documents of the Russian Federation in the field of technological development, as well as the scientific results of domestic and foreign authors in the field of technological sovereignty of the state and new industrialization. The study clarified the key components of state technological sovereignty (capacity for independence, national control, strategic autonomy, institutional support, etc.) and the factors for achieving it (national control over the creation and use of critical and end-to-end technologies, international integration with friendly countries, scientific and human resources potential, development of the institutional environment, etc.). The paper structures the concept of new industrialization into five key dominants (technological, structural, innovative, production, and human resources), which served as the basis for identifying the main areas of influence of new industrialization processes on the state's technological sovereignty (development of technological independence, strengthening of the scientific and human resources base, ensuring strategic autonomy, increasing competitiveness, and development of institutional support). New industrialization forms a systemic foundation for achieving Russia's technological sovereignty, which requires the coordination of efforts of the state, business, and the scientific community in the following areas: the creation of closed production cycles, the development of human resources potential, and the strengthening of international cooperation with «friendly» countries. The results of this study can be used to develop effective industrial and scientific-technical policies in the regions to achieve Russia's technological sovereignty. Future research should explore the conditions for implementing new industrialization to achieve the state's technological sovereignty.

Инновационные стратегии в цифровой трансформации фирмы: институционально-правовые аспекты управления платформами, активами данных и кросс-отраслевыми инновациями

Кирильчук Светлана Петровна

Доктор экономических наук, профессор,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: skir12@yandex.ru

Наливайченко Екатерина Владимировна

Аспирант

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: nester2403@icloud.com

Нестеренко Юрий Юрьевич

Аспирант

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: nester2403@icloud.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

институциональный механизм, экономическое поведение, хозяйствующие субъекты, Республика Крым, региональная экономика, институциональная среда, адаптивные стратегии, инвестиционный климат, транзакционные издержки

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена тем, что в эпоху цифровой экономики инновации смещаются из сферы создания отдельных продуктов в область проектирования целых бизнес-моделей, экосистем и институциональных форматов. Особую значимость приобретает анализ инновационных стратегий, которые позволяют фирмам не просто внедрять технологии, а кардинально менять логику создания ценности, переосмысливая природу актива, структуру издержек и отраслевые границы. Целью исследования является раскрытие роли и механизмов инноваций бизнес-моделей и управления в процессе цифровой трансформации фирмы, с акцентом на возникающие институциональные и правовые вызовы. Для достижения цели решаются задачи: проанализировать инновационный потенциал платформенных моделей и экосистем как драйверов роста; исследовать данные как инновационный актив, порождающий новые экономические эффекты и источники конкурентного преимущества; оценить, как инновации в структуре издержек и отраслевая конвергенция переопределяют стратегическое пространство для фирмы; выявить правовые барьеры и стимулы для институциональных инноваций в цифровой среде. Методология включает институциональный подход, сравнительный анализ и моделирование, что позволяет исследовать цифровую трансформацию как процесс системных инноваций. Результаты показывают, что ключевыми инновационными драйверами современной фирмы являются: 1) переход к платформенной логике, где инновация заключается в проектировании сетевых эффектов и правил взаимодействия; 2) превращение данных в инновационный актив с возрастающей отдачей, требующий инновационных подходов к управлению и монетизации; 3) радикальная инновация в структуре издержек, позволяющая беспрецедентно масштабировать бизнес. Выявлено, что успех инновационных стратегий зависит от способности фирмы преодолевать институциональные и правовые барьеры, связанные с монополизацией, защитой данных и устаревшим отраслевым регулированием. Практическая значимость заключается в разработке рекомендаций по формированию инновационных стратегий, адаптированных к новой цифровой реальности, и предложений по модернизации правового поля для стимулирования прорывных инноваций в экономике, а также во внедрении интеграционного подхода к управлению кросс-функциональными рисками цифровой трансформации.

JEL codes: R58, H70, P25

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-1-61-76>

Для цитирования: Кирильчук, С.П. Инновационные стратегии в цифровой трансформации фирмы: институционально-правовые аспекты управления платформами, активами данных и кросс-отраслевыми инновациями / С.П. Кирильчук, Е.В. Наливайченко, Ю.Ю. Нестеренко. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 1. – С. 61-76. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 31.01.2026)

Введение

Цифровая трансформация представляет собой один из ключевых мегатрендов, определяющих траекторию глобального социально-экономического развития в XXI веке [1]. Она перестала быть исключительно технологической задачей, превратившись в комплексный процесс системных инноваций, кардинально меняющий природу фирмы, структуру рынков и логику конкуренции [2]. В центре этого процесса находятся не столько технологические инновации, сколько инновации в бизнес-моделях, управлении и создании институтов. На смену традиционным линейным бизнес-моделям приходят платформенные структуры, представляющие собой институциональную инновацию, а данные эволюционируют из побочного продукта в ключевой инновационный актив [3]. Эти изменения сопровождаются стиранием отраслевых границ и появлением гибридных конкурентов, что создает принципиально новую среду для хозяйствования.

Особую актуальность приобретает анализ инновационных стратегий в контексте возникающих институциональных и правовых вызовов. Доминирование цифровых платформ ставит классические вопросы рыночной власти в новую плоскость, требуя инновационных подходов к антимонопольному регулированию [4]. Экономика данных как инновационная парадигма порождает сложные вызовы, связанные с правами собственности на информацию и защитой приватности [5]. Конвергенция отраслей, являющаяся следствием кросс-отраслевых инноваций, опережает формирование адекватного правового поля [6]. Таким образом, цифровая трансформация требует междисциплинарного подхода, синтезирующего экономический анализ, стратегическое управление и юриспруденцию.

Теоретические основы платформенной экономики, экономики данных и цифровых стратегий исследовались в трудах зарубежных и отечественных ученых, таких как Дж. Паркер, М. ван Альстайн, С. Чоудэри [7], К. Шваб [8], М. Портер, Дж. Хэмпел [9], А. Аузан [10], В. Мау [11], а также в работах специалистов в области цифрового права и регулирования [12, 13].

Целью данного исследования является раскрытие роли и механизмов инноваций бизнес-моделей и управления в процессе цифровой трансформации фирмы, с акцентом на возникающие институциональные и правовые вызовы. Особое внимание уделяется выявлению и систематизации связанных с этим процессом институциональных и правовых рисков. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать инновационный потенциал платформенных бизнес-моделей как драйверов роста и переопределения рынков.
2. Исследовать данные как инновационный актив, раскрыть их уникальные свойства и порождаемые ими инновационные экономические эффекты.
3. Оценить, как инновации в структуре издержек и феномен отраслевой конвергенции создают новое стратегическое пространство для прорывных инноваций.
4. Выявить правовые барьеры и стимулы для институциональных инноваций в цифровой среде, включая вопросы регулирования платформ, данных и гибридных сервисов.
5. Выявить и систематизировать ключевые институциональные и правовые риски цифровой трансформации, включая проблемы монополизации, защиты данных, трудовых отношений и адаптации регулирования.
6. Разработать практические рекомендации для фирм и регуляторов по адаптации к новой

цифровой реальности.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили:

1. Фундаментальные и прикладные научные работы в области цифровой экономики, стратегического менеджмента и институциональной теории.

2. Аналитические отчеты международных консалтинговых компаний (McKinsey, BCG, PwC) и отраслевые исследования, посвященные платформам и экосистемам.

3. Публичная отчетность и стратегические документы ведущих цифровых компаний (Amazon, Google, «Яндекс», «Сбер»).

4. Нормативно-правовые акты Российской Федерации и международные документы, регулирующие цифровую среду, защиту данных и конкуренцию (ФЗ-152 «О персональных данных», ФЗ-249 «О деятельности иностранных лиц в Рунете», «5-й антимонопольный пакет» (Закон № 248-ФЗ), GDPR).

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специальных методов:

– институциональный подход был применен для анализа формальных правил (законодательство) и неформальных норм, формирующих цифровую среду, а также для изучения платформ как новых экономических институтов;

– системный подход использовался для рассмотрения цифровой трансформации как комплексного явления, влияющего на все элементы бизнес-модели фирмы;

– сравнительный анализ позволил сопоставить традиционные и цифровые бизнес-модели, структуры издержек и отраслевые парадигмы;

– структурный анализ был задействован для декомпозиции платформенных моделей и экосистем на ключевые компоненты и взаимосвязи;

– метод моделирования использован для визуализации кривой издержек цифрового продукта и логики сетевых эффектов.

Синтез указанных методов обеспечил комплексность, обоснованность и практическую направленность проведенного исследования.

Результаты исследования

1. Анализ платформенных бизнес-моделей: от посредничества к экосистемному доминированию.

1.1. Платформенные бизнес-модели как институциональная инновация и драйвер роста

Цифровая трансформация привела к возникновению принципиально нового типа организации экономической деятельности — платформенной бизнес-модели, представляющей собой глубокую институциональную инновацию. Ее сущность заключается в инновационном подходе к созданию ценности: не через прямую трансформацию ресурсов, а через проектирование и управление взаимодействием между независимыми группами пользователей [7]. Ключевой инновацией здесь является перенос фокуса с управления внутренними ресурсами на управление внешними сетями и данными, которые они генерируют.

Инновационный потенциал платформ раскрывается через их эволюцию от простых рыночных площадок к сложным экосистемам. Если рыночная площадка (Amazon Marketplace, Uber) инновационна в радикальном снижении транзакционных издержек, то экосистема (Apple, «Сбер») представляет собой качественно новую инновационную стадию. Инновация экосистемы заключается в создании синергетической ценности через набор взаимосвязанных сервисов, что формирует «эффект запертости» и открывает новые пути монетизации.

Структура и эволюция платформ могут быть представлены в виде двух основных типов (таблица 1), различающихся по сложности и механизмам создания ценности.

Таблица 1 – Классификация платформенных бизнес-моделей

Тип платформы	Сущность и ядро	Ключевые примеры	Механизм создания ценности	Монетизация
Маркетплейс	Посредничество в транзакциях между двумя группами (B2B, B2C, C2C).	Amazon Marketplace, eBay, Avito, Uber, Яндекс, Airbnb.	Снижение транзакционных издержек (поиск, переговоры), обеспечение доверия (рейтинги, гарантии), запуск прямых сетевых эффектов.	Комиссия с транзакции, плата за листинг, подписка для продавцов.
Экосистема	Набор взаимосвязанных сервисов вокруг цифрового ядра, глубоко интегрированный в жизнь пользователя.	Apple (iOS+сервисы), Google (Поиск+Android+сервисы), «Сбер» (Банк + логистика + медиа).	Перекрестные сетевые эффекты, снижение издержек привлечения клиента (CAC), создание высоких издержек переключения за счет синергии сервисов.	Многоуровневая: продажа устройств, подписки, комиссии, реклама, монетизация данных.

Источник: составлено авторами

Управление инновациями на платформе требует решения «курино-яичной» проблемы, что само по себе является стратегической инновационной задачей. Успешные стратегии (субсидирование одной стороны, фейковые симуляции) — это инновационные инструменты запуска сетевых эффектов, которые становятся основным источником конкурентного преимущества. Таким образом, инновационная деятельность платформенной фирмы смещается от НИОКР в сфере продукта к НИОКР в сфере проектирования сетей, правил взаимодействия и алгоритмических систем [14]. Стратегии решения включают субсидирование одной стороны (например, пассажиров Яндекс) или симуляцию активности. После запуска в действие вступает основной источник конкурентного преимущества — сетевые эффекты, когда ценность платформы для каждого пользователя возрастает с ростом общего числа пользователей [7]. Это создает виртуальный цикл роста и высокие барьеры для входа новых конкурентов.

Управление платформой требует особого подхода к ценообразованию, которое строится на законах многостороннего рынка. Цена для одной группы (например, потребителей) устанавливается низкой для привлечения критической массы, а монетизация осуществляется за счет другой группы (продавцы, рекламодатели), готовой платить за доступ к аудитории [15].

Однако данная институциональная инновация порождает новые вызовы (таблица 2). Сетевые эффекты могут вести к монополизации, подавляя конкурентные инновации. Проблема прекаризации труда ставит вопрос о необходимости социальных инноваций в регулировании новых форм занятости. Непрозрачность алгоритмов требует инноваций в области обеспечения доверия и этики ИИ, требующих внимания регуляторов.

Таблица 2 – Институциональные вызовы платформенных бизнес-моделей

Вызов	Экономическая сущность	Правовой и регуляторный аспект
Монополизация и злоупотребление рыночной властью	Естественная тенденция к концентрации из-за сетевых эффектов. Риск диктата условий для партнеров-продавцов.	Антимонопольное регулирование (например, закон № 248-ФЗ в РФ, дела против Google и Amazon в ЕС и США). Проблема определения релевантного рынка.
Прекаризация труда и проблема «зависимых подрядчиков»	Платформа формально не является работодателем для водителей, курьеров, фрилансеров, перекладывая на них риски.	Несоответствие трудового законодательства новым формам занятости. Дискуссии о статусе «гиг-работников» и их социальных гарантиях.
Манипуляция поведением и алгоритмическая прозрачность	Использование данных и алгоритмов для максимизации вовлеченности, что может наносить ущерб благополучию пользователей.	Требования к этике ИИ, объяснимости алгоритмов (право на объяснение решения). Правовые ограничения на паттерны.
Изменение правил игры в одностороннем порядке	Высокая зависимость малого бизнеса от правил платформы, которые могут меняться без согласования.	Регулирование недобросовестных практик цифровых площадок, введение процедур обжалования и арбитража.

Источник: составлено авторами

2. Данные как инновационный актив: новые экономические эффекты и вызовы для управления.

В цифровой экономике данные приобрели свойства ключевого фактора производства [3]. В цифровой экономике данные превратились в ключевой инновационный актив, по значимости сравнимый с традиционными факторами производства [8]. Их инновационность заключается в уникальных экономических свойствах, которые создают принципиально новые возможности и эффекты, трансформируя логику создания ценности. Их уникальная экономическая природа, отличающаяся от традиционных активов, создает новые источники ренты и конкурентных преимуществ (таблица 3).

Таблица 3 – Экономические свойства данных как актива и порождаемые ими эффекты

Свойство данных	Экономическая интерпретация	Порождаемый эффект	Практический пример
Неисчерпаемость	Использование данных одним субъектом не уменьшает их доступность для других.	Эффект масштаба и синергии: данные можно многократно использовать в разных процессах и комбинировать для получения новых инсайтов.	Данные о трафике с карт Yandex используются для улучшения поиска, навигации в Yandex Maps и таргетированной рекламы.

Свойство данных	Экономическая интерпретация	Порождаемый эффект	Практический пример
Возрастающая отдача от масштаба	Ценность набора данных растет непропорционально его объему.	Эффект улучшения продукта: большие данные позволяют обучать более точные алгоритмы ИИ.	Рекомендательные системы Netflix или «Яндекс.Музыки» становятся точнее с ростом числа пользователей и их действий.
Низкие предельные издержки на копирование	Распространение данных требует минимальных затрат.	Эффект снижения издержек: данные позволяют оптимизировать логистику, прогнозировать спрос, автоматизировать процессы.	Использование данных датчиков для предиктивного обслуживания оборудования, что снижает простой.
Создание стоимости переключения	Пользователь накапливает в сервисе свои данные (историю, предпочтения).	Фиксированный эффект: высокие издержки для пользователя при смене поставщика услуги.	Трудности миграции с VK или Яндекс Фото на другую платформу из-за объема персональных данных.

Источник: составлено авторами

Инновационные экономические свойства данных:

1. Неисчерпаемость, инновационный аспект: возможность многократного и параллельного использования одного и того же набора данных для различных целей без ущерба для его ценности, что ломает парадигму ограниченности ресурсов.

2. Возрастающая отдача от масштаба, инновационный аспект: ценность данных растет нелинейно с увеличением их объема, создавая петлю положительной обратной связи. Это инновационный механизм самоподдерживающегося роста, отличный от классической экономики убывающей отдачи.

3. Синергетичность, инновационный аспект: комбинирование разнородных наборов данных порождает инновационные инсайты и сервисы, невозможные при изолированном анализе (например, данные о местоположении + покупках + состоянии здоровья).

Эти свойства порождают ключевые инновационные эффекты данных как актива (см. таблицу 3): эффект улучшения продукта (данные питают инновации в алгоритмах персонализации), Эффект снижения издержек (данные как основа для инноваций в оптимизации процессов), Эффект создания новых бизнес-моделей (данные как платформа для запуска инновационных сервисов, как в случае со «Сбером»).

Управление инновационным активом требует от фирмы культурных и организационных инноваций: формирования культуры данных, инвестиций в инновационную инфраструктуру (AI/ML, облака) и внедрения комплексных систем руководства данными. Монетизация данных также становится полем для инноваций, выходящих за рамки прямой продажи (таргетированная реклама, премиальные аналитические услуги, создание партнерских экосистем) [16].

Однако инновационность данного актива сопряжена с повышенными рисками. Актив, который невозможно эффективно защитить и этично использовать, теряет свою инновационную и

рыночную ценность. Это требует опережающих правовых и этических инноваций в сфере защиты приватности, экологии, кибербезопасности и предотвращения алгоритмической дискриминации [17].

1. Регуляторные риски: ужесточение законодательства о защите персональных данных (ФЗ-152 в РФ, GDPR в ЕС). Требования к локализации данных и ограничения на трансграничную передачу.

2. Риски кибербезопасности: утечки данных ведут к колоссальным финансовым потерям (штрафы) и невозможным репутационным издержкам.

3. Институциональные дилеммы: риск алгоритмической дискриминации, манипуляция поведением через микротаргетирование, проблема «цифрового следа» и пост-контроля.

4. Антимонопольные расследования: владение уникальными массивами данных может рассматриваться как злоупотребление рыночной властью, как в деле ЕС против Google (предпочтение собственного сервиса покупок в поисковой выдаче).

В современной экономике побеждают те фирмы, которые научились управлять данными как стратегическим активом, выстраивая вокруг них свои продукты, процессы и бизнес-модели, при этом осознавая и нивелируя сопутствующие риски (таблица 4) [18-19].

Таблица 4 – Аналитический блок российских гигантов активов

Аналитика	Wildberries (WB)	Ozon	VK (коммерция)
Финансовые результаты	2023: ГМО ~ 4.3 трлн руб. (+73% г/г). ГМО ~ 3.8 трлн руб. Фокус: экстенсивный рост, масштабирование логистической сети (ПВЗ) и экспансия в новые страны (СНГ, Израиль, и др.).	2023: ГМО ~ 1.8 трлн руб. (~+95% г/г). 9М 2024: ГМО ~ 2.1 трлн руб. Фокус: интенсивный рост, развитие складской логистики (FBO/FBS), фулфилмента и экосистемы Ozon (Financial, Travel).	Не раскрывает ГМО. Доходы VK Commerce (Маркет + Youla + Dostavista + сервисы для продавцов): 2023: 62.8 млрд руб. (+76% г/г). 1Н 2024: 40.3 млрд руб. Фокус: интеграция маркетплейса в экосистему VK(соцсети, мессенджер, музыка).

Источник: составлено авторами

Ключевые тренды рынка, влияющие на всех игроков:

1. Замедление темпов роста: после взрывного роста 2022-2023 гг. рынок вошел в фазу зрелости и нормализации темпов. Борьба идет за долю кошелька и лояльность существующих пользователей.

2. Жесткое регуляторное давление: ФАС активно применял 5-й антимонопольный пакет (закон 248-ФЗ), признавая маркетплейсы «крупными субъектами цифрового рынка» и заставляя их менять недобросовестные практики. После штрафов платформы вынуждены стать более прозрачными и улучшать условия для продавцов, так как они — ключевой актив.

3. Все игроки движутся к модели экосистем, где один сервис подтягивает другой (логистика, финансы, медиа, развлечения).

4. Экспансия в СНГ: внутренний рынок насыщается, поэтому основное направление географического роста — страны СНГ.

Таким образом, данные создают «цифровой ров» для компаний, но одновременно требуют от них высокой правовой и институциональной ответственности.

3. *Инновационные стратегии в условиях новой экономики издержек и отраслевой конвергенции.*

Цифровая трансформация влечет за собой радикальную инновацию в структуре издержек фирмы, что создает основу для прорывных стратегических инноваций [20-23]. Экономика цифрового продукта, характеризующаяся высокими постоянными и ничтожно низкими предельными издержками (рисунок 1), позволяет реализовывать инновационные стратегии агрессивного

масштабирования. Инновация здесь заключается в том, что бизнес-модель оптимизирована не для максимизации прибыли с единицы продукции, а для захвата доли рынка и пользовательской базы, что в долгосрочной перспективе создает непреодолимые конкурентные преимущества через сетевые эффекты и данные [19; 24].

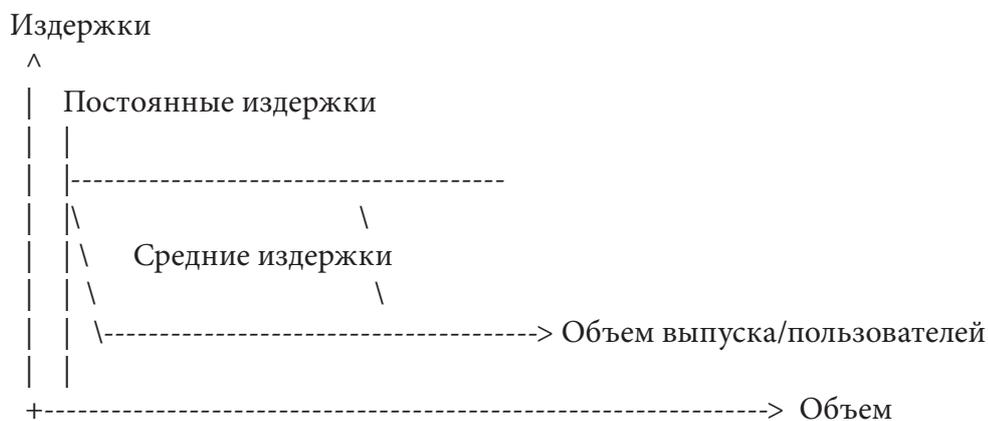

Рисунок 1 – Кривая издержек цифрового продукта

Источник: разработано авторами

Пояснение к рисунку 1: после преодоления точки безубыточности средние издержки на одного пользователя неуклонно снижаются, стремясь к нулю, что создает мощный стимул к неограниченному масштабированию.

Эта новая экономика порождает стратегии, ориентированные на агрессивный захват доли рынка, а не на сиюминутную рентабельность, и облегчает диверсификацию (эффект охвата), так как добавление новой функции в приложение — это в основном затраты на разработку ПО.

Этот сдвиг напрямую связан со стиранием отраслевых границ, которое само является следствием кросс-отраслевых инноваций. Платформы, обладая данными о потребителе и цифровой инфраструктурой, получают возможность инновационным образом удовлетворять смежные потребности, вторгаясь в традиционные сектора

Фундаментальное стирание отраслевых границ происходит параллельно [25-26]. Цифровые платформы, обладая данными о потребителе и инфраструктурой, начинают удовлетворять смежные потребности, вторгаясь в традиционные сектора (таблица 5).

Таблица 5 – Примеры отраслевой конвергенции и правовых коллизий

Традиционная отрасль	Цифровой игрок (из другой сферы)	Новый гибридный продукт/сервис	Правовые коллизии и вызовы
Ритейл	Технологии (Ozon, Wildberries, VK)	Онлайн-маркетплейс, магазин без касс (Ozon, Wildberries, VK).	Регулирование онлайн-торговли, вопросы налогообложения трансграничных сделок, ответственность площадки за товары продавцов.
Финансовые услуги	Технологии (IT-компании), Ритейл	Мобильные платежи (Pay), банковские услуги от сетей магазинов.	Лицензирование финтех-деятельности, регулирование платежных систем, борьба с отмыванием денег (AML/CFT).

Традиционная отрасль	Цифровой игрок (из другой сферы)	Новый гибридный продукт/сервис	Правовые коллизии и вызовы
Здравоохранение	Технологии (Apple, Samsung)	Умные часы с ЭКГ, телемедицинские платформы.	Сертификация медицинских устройств, конфиденциальность медицинских данных, лицензирование врачей для онлайн-консультаций.
Промышленность, автомобилестроение	Технологии («Яндекс», Google)	Автономное вождение, подписка на ПО в автомобиле.	Вопросы ответственности при ДТП с беспилотником, регулирование сбора и использования данных с датчиков автомобиля.

Источник: составлено авторами

Инновационная стратегия таких игроков, как Apple или «Яндекс», заключается в переопределении своего бизнеса: они продают не устройства или IT-услуги, а комплексный инновационный опыт и доступ к экосистеме.

Стратегические последствия для фирм [27-28]:

1. Необходимость инноваций в стратегическом позиционировании: фирма должна постоянно задаваться вопросом, какую фундаментальную потребность она удовлетворяет и кто еще (из смежных отраслей) может стать инновационным конкурентом.

2. Инновации в бизнес-модели через диверсификацию: низкие предельные издержки на добавление новых цифровых функций стимулируют инновации по расширению портфеля сервисов и созданию экосистем.

3. Инновации в партнерствах и кооперации: для выживания традиционные компании вынуждены вступать в инновационные альянсы со стартапами и тех-гигантами, что само по себе требует инноваций в управлении и распределении ценности.

Правовой вызов заключается в том, что инновационные гибридные сервисы (телемедицина, финтех, умная логистика) часто не вписываются в устаревшие рамки отраслевого регулирования [29-30]. Это создает зоны неопределенности и требует от государства институциональных инноваций — перехода к гибкому, кросс-отраслевому и ориентированному на результат регулированию, такому как «регуляторные песочницы».

Таким образом, цифровая стратегия современной фирмы должна быть кросс-отраслевой и антиципативной, учитывающей не только экономику новых моделей, но и динамично меняющуюся правовую и регуляторную среду.

4. Управление инновационными рисками в цифровой трансформации: интеграционный подход.

Цифровая трансформация, несмотря на свой инновационный потенциал, порождает комплекс взаимосвязанных рисков, которые требуют не разрозненного, а системного управленческого ответа [29-30]. Как показал анализ платформенных моделей и данных как актива (таблицы 2 и 3), ключевые вызовы носят кросс-функциональный характер, затрагивая одновременно стратегию, операционную деятельность, правовое поле и этические нормы. Поэтому современная фирма должна развивать интеграционную модель управления инновационными рисками, которая синхронизирует технологические изменения с адаптацией организационной структуры, системы комплаенса и корпоративной культуры (рисунок 2).

Ключевые элементы модели:

1. Цифровая трансформация — исходный драйвер изменений.
2. Три уровня управления рисками:

- стратегико-экосистемный — адаптация структуры и стратегии.
- операционно-технологический — комплаенс, данные, ИИ.
- организационно-культурный — культура, обучение, человеческий капитал.

3. Инструменты и меры для каждого уровня.

4. Результат — устойчивое конкурентное преимущество через интеграцию технологий, структуры, комплаенса и культуры.

Первый уровень такой модели — стратегико-экосистемный. Риск быстрого устаревания бизнес-модели под давлением кросс-отраслевых инноваций требует от компании не просто мониторинга прямых конкурентов, а постоянного сканирования периферии рынка и смежных отраслей. Угрозу могут представлять не только технологические гиганты, но и agile-стартапы, использующие данные и платформенные подходы для перехвата узких сегментов ценности. Стратегическая гибкость в таких условиях достигается через создание внутренних венчурных подразделений, запуск пилотных проектов в формате «цифровых песочниц» и формирование открытых инновационных партнерств. Важнейшим элементом становится упреждающая институциональная адаптация — активное взаимодействие с регуляторами, участие в формировании «регуляторных песочниц» и стандартов, что позволяет не только снижать правовые риски, но и влиять на правила игры в свою пользу.

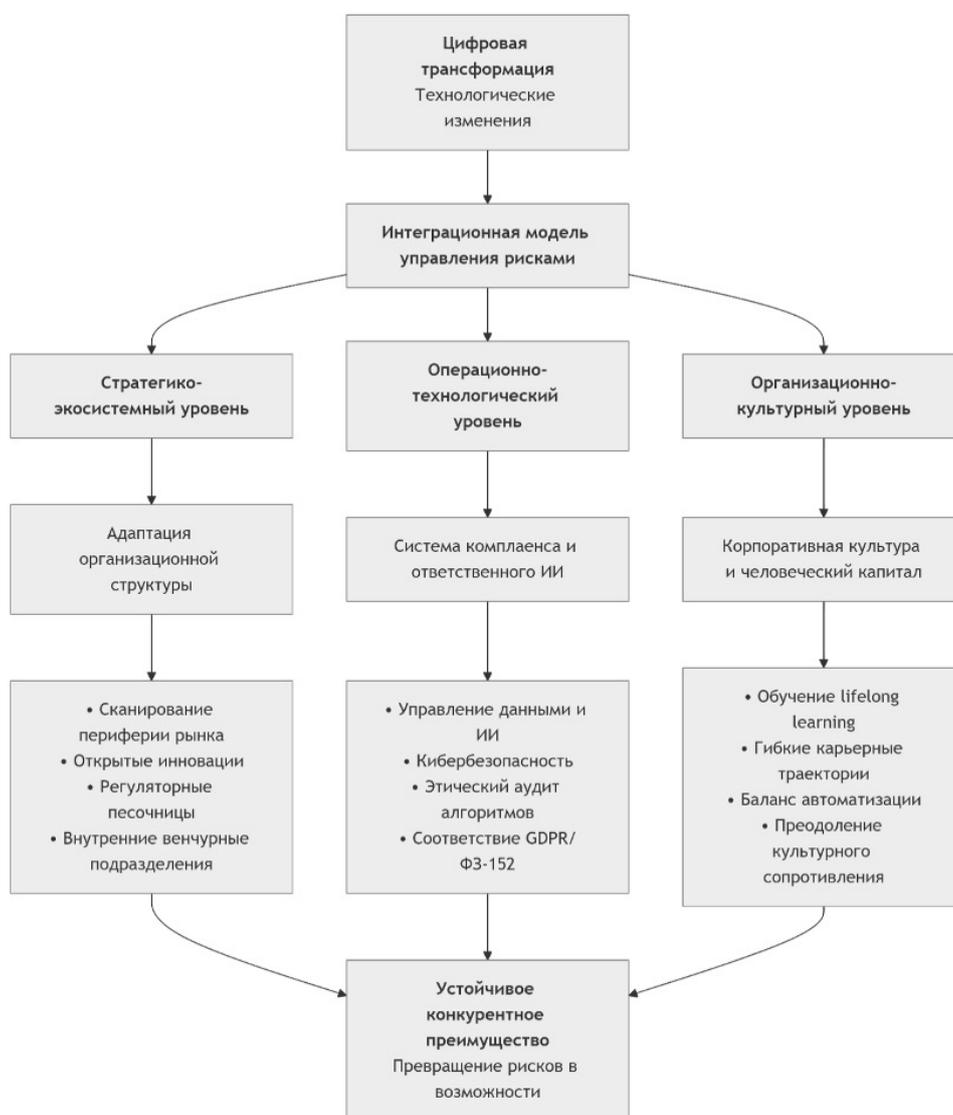

Рисунок 2 – Синхронизирующая интеграционная модель управления инновационными рисками
Источник: разработано авторами

Второй уровень — операционно-технологический, фокусирующийся на рисках, связанных с данными и алгоритмами. Помимо очевидных угроз кибербезопасности и штрафов за несоответствие ФЗ-152, возникает риск алгоритмической эрозии доверия. Непрозрачные или смещённые алгоритмы, используемые для персонализации, ценообразования или модерации контента, могут привести к скандалам, бойкотам со стороны пользователей и жёстким регуляторным вмешательствам. Для минимизации этих рисков необходимы внедрение принципов ответственного ИИ, создание внутренних этических комитетов по данным и регулярный аудит алгоритмов на предмет дискриминации и манипулятивности. Управление данными должно эволюционировать от логики «сбора и хранения» к логике качества, контекста и безопасности на протяжении всего жизненного цикла данных.

Третий, фундаментальный уровень — организационно-культурный. Цифровая трансформация — это, прежде всего, трансформация человеческого капитала. Риск культурного сопротивления и дефицита цифровых компетенций может свести к нулю инвестиции в технологии. Более того, переход к платформенным и сетевым моделям меняет природу трудовых отношений, порождая риски, связанные с прекаризацией труда внутри экосистемы (фрилансеры, гиг-работники) и выгоранием сотрудников из-за постоянной необходимости переобучения. Управление этим комплексом рисков требует целенаправленных кадровых инноваций: внедрения систем непрерывного обучения, разработки гибких карьерных траекторий, пересмотра систем мотивации, а также поиска баланса между автоматизацией и сохранением «человеческого вклада» в создание ценности.

Таким образом, эффективная инновационная стратегия в эпоху цифровой трансформации должна включать в себя не только план по внедрению технологий и освоению новых бизнес-моделей, но и комплексную систему управления рисками, которая интегрирует стратегический форсайт, технологический комплаенс и человеко-ориентированный подход. Только такой холистический взгляд позволяет фирме не просто адаптироваться к изменениям, но и устойчиво формировать будущее, превращая системные риски цифровой эпохи в источники долгосрочного конкурентного преимущества.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что в эпоху цифровой трансформации ядро инновационной деятельности фирмы смещается из лабораторий НИОКР в сферу проектирования бизнес-моделей, управления сетями и данными, а также формирования новых институтов.

1. Платформы и экосистемы как форма институциональных инноваций. Успешная цифровая фирма — это не просто технологический лидер, а архитектор инновационных форматов взаимодействия. Ее ключевая инновационная компетенция — способность создавать и усиливать сетевые эффекты, проектировать правила для многосторонних рынков и строить экосистемы, порождающие синергетическую ценность.

Платформенная модель как новый институт. Цифровая трансформация породила платформу как доминирующий тип бизнес-модели, где ценность создается через управление сетевыми эффектами на многостороннем рынке. Эволюция от простых рыночных площадок к сложным экосистемам (VK, Ozon, Wildberries, «Сбер») ведет к глубокой интеграции в жизнь пользователя и созданию высоких барьеров выхода. Однако эта модель несет в себе системные риски монополизации, прекаризации труда и непрозрачного алгоритмического управления, требующие адекватного антимонопольного, трудового и технологического регулирования.

2. Данные как источник инновационных конкурентных преимуществ. Уникальные экономические свойства данных делают их основой для непрерывных инноваций в продуктах, процессах и бизнес-моделях. Инновационная стратегия, построенная вокруг данных, позволяет создавать «цифровые рвы», постоянно улучшать предложение и удерживать пользователей. Однако это требует параллельного развития инновационных систем управления данными, обеспечивающих безопасность, этичность и соответствие регуляторным требованиям.

Данные приобрели свойства ключевого нематериального актива с уникальной экономикой (неисчерпаемость, возрастающая отдача). Их эффекты — улучшение продукта, снижение издержек и создание экосистем — формируют мощные виртуальные циклы роста. Однако превращение данных в «новую нефть» сопровождается ужесточением регуляторного давления (ФЗ-152, GDPR), ростом рисков кибербезопасности и сложными этическими дилеммами, связанными с приватностью и манипуляцией.

3. Новая экономика издержек и кросс-отраслевые инновации как стратегический императив. Радикальная инновация в структуре издержек открывает путь к стратегиям беспрецедентного масштабирования. Стирание отраслевых границ, в свою очередь, делает обязательным инновационное, экосистемное мышление. Побеждают те, кто способен видеть инновационные возможности за пределами своей исходной отрасли и быстро создавать гибридные ценностные предложения.

Новая экономика издержек и стирание отраслевых границ также и как стратегический вызов. Цифровизация приводит к фундаментальному сдвигу в структуре издержек фирмы в сторону высоких постоянных и ничтожно низких предельных затрат, что меняет логику конкуренции на агрессивный захват масштаба. Одновременно данные и платформы стирают традиционные отраслевые границы, позволяя компаниям из одних секторов (IT, телеком) успешно конкурировать в других (финансы, ритейл, медицина). Это требует от фирм перехода к экосистемному мышлению, а от регуляторов — развития гибкого, кросс-отраслевого и ориентированного на конечный результат (outcome-based) регулирования.

4. Необходимость институциональных инноваций для цифровой эпохи. Реализация инновационного потенциала цифровой трансформации сдерживается устаревшими правовыми и регуляторными рамками. Требуются системные институциональные инновации: в антимонопольном регулировании (учет сетевых эффектов), в трудовом праве (защита «гиг-работников»), в отраслевых регламентах (признание гибридных сервисов) и в подходах к защите данных. Инновационное правовое поле должно не запрещать, а направлять развитие, обеспечивая баланс между стимулированием прорывных инноваций и защитой публичных интересов.

5. Необходимость интеграционного управления инновационными рисками. Реализация цифровых стратегий требует преодоления не только внешних институциональных барьеров, но и внутренних организационно-культурных ограничений. Эффективное управление трансформацией предполагает синхронизацию технологических изменений с адаптацией структуры, компетенций и культуры фирмы. Ключевым становится внедрение холистической модели управления рисками, охватывающей стратегико-экосистемные, операционно-технологические и организационно-культурные аспекты, что позволяет превращать системные вызовы цифровой эпохи в устойчивые конкурентные преимущества.

6. Практические рекомендации:

– для фирм: необходимо целенаправленно выстраивать культуру данных и компетенции в области управления данными; разрабатывать цифровые стратегии с учетом сетевых эффектов и экономики масштаба; проводить регулярный аудит правовых и регуляторных рисков, особенно при выходе на новые рынки или запуске гибридных сервисов;

– для законодателей и регуляторов: требуется развитие адаптивного правового поля, способного реагировать на скорость технологических изменений; внедрение принципов «регуляторной гибкости» для тестирования инноваций; усиление межведомственной координации для регулирования кросс-отраслевых экосистем; фокус на защите прав конечных потребителей и малого бизнеса в условиях асимметрии власти с крупными платформами.

Таким образом, успех в цифровую эпоху определяется не только технологическими инвестициями, но и способностью фирмы и общества в целом адаптировать свои экономические и правовые институты к новой реальности, в которой данные, сети и платформы становятся

основными координаторами экономической деятельности.

Инновационная стратегия современной фирмы в цифровую эпоху — это многомерная задача, охватывающая инновации в бизнес-модели, управлении активами, организационной культуре и взаимодействии с институциональной средой. Успех определяется способностью к непрерывным организационным и стратегическим инновациям, позволяющим превращать технологические возможности в устойчивые конкурентные преимущества в условиях быстро меняющихся рынков и их правил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Tapscott, D. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence* / D. Tapscott. — New York: McGraw-Hill, 1996. — 342 p.
2. Porter, M.E. *How Smart, Connected Products Are Transforming Competition* / M.E. Porter, J.E. Heppelmann // *Harvard Business Review*. — 2014. — Vol. 92, No. 11. — P. 64-88.
3. Varian, H.R. *Artificial Intelligence, Economics, and Industrial Organization* / H.R. Varian // *NBER Chapters*. — 2018. — P. 399-419.
4. Khan, L.M. *Amazon's Antitrust Paradox* / L.M. Khan // *Yale Law Journal*. — 2017. — Vol. 126, No. 3. — P. 710-805.
5. Zuboff, S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power* / S. Zuboff. — New York: PublicAffairs, 2019. — 704 p.
6. Gawer, A. *Platforms, Markets and Innovation* / A. Gawer (Ed.). — Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2009. — 320 p.
7. Parker, G.G. *Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You* / G.G. Parker, M.W. Van Alstyne, S.P. Choudary. — New York: W.W. Norton & Company, 2016. — 352 p.
8. Schwab, K. *The Fourth Industrial Revolution* / K. Schwab. — Geneva: World Economic Forum, 2016. — 172 p.
9. Teece, D.J. *Business models, value capture, and the digital enterprise* / D.J. Teece // *Journal of Organization Design*. — 2017. — Vol. 6, No. 8. — P. 5-14.
10. Аузан, А.А. *Институциональная экономика* / А.А. Аузан, Н.П. Зверева, В.В. Иванов и др. — М.: Экономический факультет МГУ, 2022. — 512 с.
11. Май, В.А. *Экономика и политика России: год за годом (2014-2024)* / В.А. Май. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. — 624 с.
12. *Право и цифровая трансформация* / Ю. А. Тихомиров, Н. В. Кичигин, Ф. В. Цомартова, С. Б. Бальхаева // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. — 2021. — № 2. — С. 4-23. — DOI 10.17323/2072-8166.2021.2.4.23. — EDN UHCPTG.
13. Savelyev, A. *Contract law 2.0: 'Smart' contracts as the beginning of the end of classic contract law* / A. Savelyev // *Information & Communications Technology Law*. — 2017. — Vol. 26, No. 2. — P. 116-134. — DOI 10.1080/13600834.2017.1301036. — EDN XNCYNS.
14. Кастельс, М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура* / М. Кастельс. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
15. Rochet, J.-C. *Platform Competition in Two-Sided Markets* / J.-C. Rochet, J. Tirole // *Journal of the European Economic Association*. — 2003. — Vol. 1, No. 4. — P. 990-1029.
16. Davenport, T.H. *Competing on Analytics: The New Science of Winning* / T.H. Davenport, J.G. Harris. — Boston: Harvard Business Review Press, 2007. — 218 p.
17. Iansiti, M. *The Ecology of Strategy* / M. Iansiti, R. Levien // *Harvard Business Review*. — 2004. — Vol. 82, No. 3. — P. 68-78.
18. Черняк, Л. Е. *Цифровизация экономики России: сущность, проблемы и перспективы* / Л. Е. Черняк // *Теоретическая экономика*. — 2025. — № 5(125). — С. 76-91. — DOI 10.52957/2221-3260-2025-5-76-91. — EDN NRSRQX.
19. Наливайченко, Е. В. *Сетецентрическая модель управления организацией промышленности в Индустрии 6.0* / Е. В. Наливайченко, С. П. Кирильчук // *Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 6.0 (ИНПРОМ-2025) : Сборник трудов Международной научно-практической конференции. В 2 т., Санкт-Петербург, 27–30 апреля 2025 года.* — Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. — С. 164-168. — DOI 10.18720/IEP/2025.1/39.
20. Evans, D.S. *The Antitrust Economics of Multi-Sided Platform Markets* / D.S. Evans // *Yale Journal on Regulation*. — 2003. — Vol. 20, No. 2. — P. 325-381.

21. Глазьев, С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса [Текст] / С. Ю. Глазьев. — Москва : Экономика, 2010. — 254, [1] с. : ил., табл. : 22 см.; ISBN 978-5-282-03056-3.
22. Гордеев, В. А. Теоретическая экономия: исследуем современные социально-экономические трансформации / В. А. Гордеев // Теоретическая экономика. – 2022. – № 5(89). – С. 4-13.
23. Гордеев, В. А. О траектории социально-экономического развития Российской Федерации с позиции теоретической экономии / В. А. Гордеев, С. В. Шкиотов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2022. – № 4(60). – С. 28-33. – DOI 10.26456/2219-1453/2022.4.028-033.
24. Challenges of strategic planning at a modern enterprises / E. V. Nalivaychenko, S. P. Kirilchuk, T. N. Skorobogatova [et al.] // AD ALTA. – 2020. – Vol. 10, No. 1 S11. – P. 43-46.
25. Economic Assessment of Regional Investment Activities / S. P. Kirilchuk, E. V. Nalivaichenko, A. O. Kaminskaya, M. Yu. Dementiev // Fundamental and Applied Scientific Research in the Development of Agriculture in the Far East (AFE-2022) : Agricultural Cyber-Physical Systems, Ussuriysk, 29 июля 2022 года. Vol. 706-2. – Switzerland: Springer Nature Switzerland AG, 2023. – P. 706-715. – DOI 10.1007/978-3-031-36960-5_80.
26. Нестеренко, Ю. Ю. Институциональная среда и институционализация поведенческого регулирования: теоретические основы экономического развития / Ю. Ю. Нестеренко, С. П. Кирильчук // Теоретическая экономика. – 2024. – № 4(112). – С. 107-118. – DOI 10.52957/2221-3260-2024-4-107-118. – EDN NUEJVZ.
27. Симченко, Н. А. Методологические проблемы отечественной экономической науки / Н. А. Симченко, И. А. Благих, И. И. Малышин // Теоретическая экономика. – 2024. – № 8(116). – С. 25-33. – DOI 10.52957/2221-3260-2024-8-25-33.
28. Аузан, А.А. Институциональная экономика / А. Аузан, Н. Зверева, В. Иванов, А. Курдин, Е. Кудряшова, Е. Никишина, Д. Ситкевич. – М.: Библиотека экономического факультета МГУ. Текст : электронный. 2023. - URL: <https://books.econ.msu.ru/Institutional-economics>.
29. Гордеев, В.А. Теоретическая экономия: начинаем очередной год развития концепции / В.А. Гордеев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №3. - С.4-11. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (обращения: 08.01.2026).
30. Применение искусственного интеллекта на финансовом рынке. Доклад для общественных консультаций / Банк России // Москва. – 2023. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/156061/Consultation_Paper_03112023.pdf (дата обращения: 08.01.2026).

Innovative strategies in the company's digital transformation: institutional and legal aspects of managing platforms, data assets, and cross-industry innovations

Kirilchuk Svetlana Petrovna

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation
E-mail: skir12@yandex.ru

Nalivaychenko Ekaterina Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation
E-mail: katnaliv@yandex.ru

Nesterenko Yuri Yurievich

Postgraduate student ,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation
E-mail: nester2403@icloud.com

KEYWORDS

digital transformation,
innovation strategy,
innovation of business
models, platform economy,
data as an innovative
asset, ecosystem, industry
convergence

ABSTRACT

The relevance of the research is due to the fact that in the era of the digital economy, innovations are shifting from the creation of individual products to the design of entire business models, ecosystems and institutional formats. Of particular importance is the analysis of innovative strategies that allow firms not only to implement technologies, but to radically change the logic of value creation, rethinking the nature of the asset, cost structure and industry boundaries. The purpose of the study is to reveal the role and mechanisms of innovation of business models and management in the process of digital transformation of the company, with an emphasis on emerging institutional and legal challenges. To achieve this goal, the following tasks are being solved: to analyze the innovative potential of platform models and ecosystems as growth drivers; to explore data as an innovative asset generating new economic effects and sources of competitive advantage; to assess how innovations in cost structure and industry convergence redefine the strategic space for a company; identify legal barriers and incentives for institutional innovation in the digital environment. The methodology includes an institutional approach, comparative analysis and modeling, which allows us to explore digital transformation as a process of systemic innovation. The results show that the key innovative drivers of a modern company are: 1) the transition to platform logic, where innovation consists in designing network effects and rules of interaction; 2) turning data into an innovative asset with increasing returns, requiring innovative approaches to management and monetization; 3) radical innovation in the cost structure, allowing unprecedented business scale. It has been revealed that the success of innovative strategies depends on a firm's ability to overcome institutional and legal barriers related to monopolization, data protection, and outdated industry regulation. The practical significance lies in the development of recommendations for the formation of innovative strategies adapted to the new digital reality, and proposals for the modernization of the legal framework to stimulate breakthrough innovations in the economy, as well as the introduction of an integration approach to managing cross-functional risks of digital transformation.

Концепция технологического лидерства и научно-технологическая политика региона в цифровой экономике

Райхлина Анна Владимировна

Кандидат экономических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Ярославский филиал, г. Ярославль,
Российская Федерация

E-mail: raihlina@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

регион, национальная цель развития, технологическое лидерство, инновации, цифровые технологии, научно-технологическая политика, беспилотные транспортные средства

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется теоретическое и нормативное содержание понятия «технологическое лидерство», а также сущность технологической политики государства, нацеленной на достижение технологического лидерства, представленная в правовых актах Российской Федерации. Цель исследования – выявить направления научно-технологической политики субъектов РФ по достижению национальной цели технологического лидерства. Гипотеза исследования заключается в том, что в виду стратегического значения технологического лидерства для развития государства в цифровой экономике, концептуализация данной цели и ее декомпозиция по сферам ответственности участников осуществляется из единого центра принятия решений и носит главным образом директивный характер. На примере Ярославской области как региона с развитой диверсифицированной промышленностью показано, что научно-технологическая политика субъектов РФ по достижению национальной цели технологического лидерства строится преимущественно в русле реализации национальных проектов, обеспечения технологической независимости и формирования новых рынков по сформулированным Правительством РФ направлениям. Теоретическим фундаментом исследования послужила научная литература отечественных и зарубежных авторов, посвященная различным аспектам достижения технологического лидерства. Для обоснования выводов в исследовании использовались фактологические данные из доступных интернет-источников, а также положения нормативных документов, регламентирующих технологическое развитие и построение цифровой экономики в РФ. Для достижения поставленной цели применялись методы теоретического познания – сбор и анализ информации, формализация, аналогия; эмпирического исследования – сравнение и описание; общелогические методы – синтез, обобщение, классификация и структуризация. Методологическую основу исследования составляет системный подход, рассматривающий объект по принципам целостности и взаимосвязанности образующих его элементов, и с точки зрения которого не только объект, но и сам процесс исследования выступает как сложная система, задача которой – структуризация различных уровней изучения объекта. Полученные результаты могут быть использованы для концептуализации технологического лидерства как нового востребованного направления современной экономической науки.

JEL codes: O12, O20, O33, R11

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-1-77-91>

Для цитирования: Райхлина, А.В. Концепция технологического лидерства и научно-технологическая политика региона в цифровой экономике / А.В. Райхлина. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 1. – С. 77-91. – URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата публикации: 31.01.2026).

Введение

Цифровая экономика – «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют

существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [5]. В этом нормативном значении используется понятие цифровой экономики в данной статье.

Цифровая экономика строится на основе глобальных сетей связи. Они обеспечивают стремительное течение постоянно увеличивающихся в объеме потоков цифровых данных. Интенсивность обмена информацией, с одной стороны, усиливает неопределенность внешней среды, порождая беспрецедентный динамизм и масштаб изменений, с другой – ускоряет проникновение и освоение цифровых технологий в регионах, предоставляя новые возможности для качественных преобразований.

Цифровая экономика обострила технологическую конкуренцию. В зарубежной литературе умение субъекта ориентироваться в многообразии информационно-коммуникационных технологий и находить их оптимальное сочетание для воздействия на социальную среду определяется как е-лидерство [24]. По наличию способности эффективно трансформировать бизнес, используя преимущества цифровизации, выделяют компании, ставшие цифровыми лидерами [31]. Примечательно, что при определении сущности технологического лидерства цифровая компетентность не относится экспертами к приоритетным факторам. На первое место выдвигается инновационная активность. Так, отмечается, что в корпоративном секторе технологическое лидерство достигается двумя основными путями:

- 1) минимизацией ресурсов для достижения наивысшего уровня экономической эффективности – процессными и улучшающими инновациями;
- 2) внедрением радикальных прорывных инноваций, которые переопределяют отрасли и создают новые рынки, влекут за собой создание совершенно новых продуктов или услуг, обеспечивающих беспрецедентную ценность [32].

В наши дни положения технократизма и технологического детерминизма выступают идейным выражением государственной политики развития цифровой экономики многих стран.

Данное исследование посвящено выявлению особенностей концепции технологического лидерства в России, вопросу взаимодействий в этой связи научной и технологической сфер в условиях цифровой экономики, а также анализу инструментов, которыми располагают органы государственного управления субъектов РФ при реализации научно-технологической политики.

Теория и нормативная база технологического лидерства в РФ

Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 N 309 технологическое лидерство как национальная цель развития на перспективу до 2036 года декомпозирована на шесть целевых показателей и задач, которые можно рассматривать как составляющие политики, нацеленной на достижение технологического лидерства, а именно:

- 1) обеспечение технологической независимости и формирование новых рынков по таким направлениям, как биоэкономика, сбережение здоровья граждан, и другие – всего 11 направлений;
- 2) увеличение уровня валовой добавленной стоимости в реальном выражении и индекса производства в обрабатывающей промышленности не менее чем на 40 % по сравнению с уровнем 2022 года;
- 3) обеспечение к 2030 году вхождения Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок;
- 4) увеличение внутренних затрат на исследования и разработки не менее чем до 2 % валового внутреннего продукта, в том числе за счет увеличения инвестиций со стороны частного бизнеса на эти цели не менее чем в 2 раза;
- 5) увеличение доли отечественных высокотехнологичных товаров и услуг, созданных на основе собственных линий разработки, в общем объеме потребления таких товаров и услуг в РФ в 1,5 раза по сравнению с уровнем 2023 года;
- 6) увеличение к 2030 году выручки малых технологических компаний не менее чем в 7 раз по

сравнению с уровнем 2023 года [7].

Следуя логике документа, можно сказать, что достижение цели технологического лидерства подразумевает создание портфеля передовых технологий, в том числе малыми компаниями, внедрение которых сможет обеспечить:

а) высокий уровень валовой добавленной стоимости, т.е. увеличить налогооблагаемую базу и, следовательно, объём доходной части бюджета по не нефтегазовым доходам – социально-экономические эффекты;

б) технологическую независимость страны в передовых отраслях – научно-технический и политический эффекты,

для чего требуется увеличение внутренних затрат на исследования и разработки, осуществление которого будет способствовать и укреплению позиций России ведущих стран мира по показателю объема научных исследований и разработок – репутационный эффект.

Кратко технологическое лидерство как «превосходство технологий и (или) продукции по основным параметрам (функциональным, техническим, стоимостным) над зарубежными аналогами» определяется в Концепции технологического развития РФ [9]. Более развернуто - в Федеральном законе от 28.12.2024 N 523-ФЗ: это - «технологическая независимость Российской Федерации, выражающаяся в разработке отечественных технологий и создании продукции с использованием таких технологий с сохранением национального контроля над критическими и сквозными технологиями на основе собственных линий разработки технологий в целях экспорта конкурентоспособной высокотехнологичной продукции и (или) замещения ею на внутреннем рынке продукции, создаваемой на базе устаревших и (или) иностранных технологий, а также превосходство таких технологий и продукции над зарубежными аналогами» [4].

Таким образом, если в Указе N 309 технологическое лидерство представлено как стратегических результат, для достижения которого необходим комплекс решений, в Концепции технологического развития это – конкурентная позиция технологии или продукции, а в Федеральном законе N 523-ФЗ – актив, позволяющий обеспечивать национальную безопасность.

Разнообразие подходов к сущности технологического лидерства, характерное для юридических документов, наблюдается и в научной литературе, где оно рассматривается:

– с пространственной точки зрения - как мировое и региональное;

– с технологической - в области одной или нескольких технологий;

– с политической - единоличным или совместным (во взаимодействии с одной или несколькими странами). И в совокупности таких элементов, как:

1. Технологии, благодаря которым страна является одним из основных производителей данной продукции в мире или регионе; в праве передавать их другим государствам; и в состоянии их улучшает и создавать новые.

2. Научно-технологическая и образовательная инфраструктура (система образования, воспроизводящая кадры и знания; наука, включая прикладную и фундаментальную; эффективная система внедрения изобретений в производство и защиты интеллектуальной собственности).

3. Цифровые платформы и национальные стандарты.

4. Взаимодействия - формирование сетевых исследовательских связей, основанных на равноправном сотрудничестве [21].

Этапами достижения государством технологического лидерства называются:

1) Импортозамещение - внедрение отечественных технологических решений, замена зарубежных технологий в критически важных отраслях.

2) Технологический суверенитет – наличие в стране критических и сквозных технологий собственных линий разработок [39].

С принятием в декабре 2024 года Федерального закона N 523-ФЗ технологическое лидерство стало объектом технологической политики РФ, тем самым технологическая политика получила

особое правовое закрепление по отношению к научно-технической политике РФ.

Напомним, что в РФ нормативное регулирование сферы технологий началось с принятия Федерального закона от 23.08.1996 N 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [1]. Таким образом, согласно законодательству, в настоящее время сферу технологий в нашей стране охватывают два вида государственной политики – научно-техническая, и более предметная по отношению к достижению страной технологического лидерства - технологическая (таблица 1).

Таблица 1 – Определения научно-технической и технологической политик

Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»	Федеральный закон от 28.12.2024 N 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
Государственная научно-техническая политика - составная часть социально-экономической политики, которая выражает отношение государства к научной и научно-технической деятельности, определяет цели, направления, формы деятельности органов государственной власти Российской Федерации в области науки, техники и реализации достижений науки и техники.	Технологическая политика в Российской Федерации (далее - технологическая политика) - комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер по обеспечению технологического лидерства Российской Федерации и экономического развития на основе отечественных технологий.

Источник: составлено автором

В Письме Президента РФ от 30.03.2002 N Пр-576 «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» впервые была обозначена необходимость разработки Перечней критических технологий и целевых программ научных исследований и экспериментальных разработок [8]. За все это время был утвержден широкий круг нормативных актов РФ, посвященных развитию сквозных, критических, аддитивных, передовых перспективных, наиболее доступных и «зеленых» технологий, особое место в котором занимает искусственный интеллект как наиболее востребованная сквозная технология, а также природоподобные технологии как новый подход к развитию науки (рис. 1).

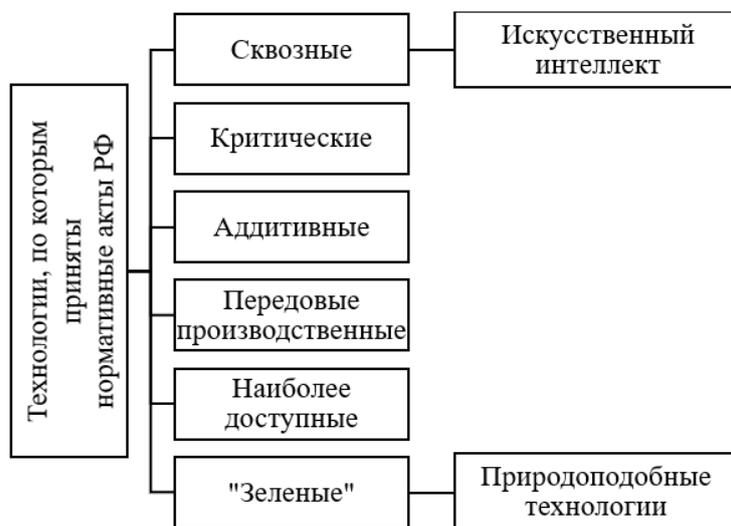

Рисунок 1 – Виды технологий, по отношению к которым приняты правовые акты Российской Федерации

Источник: составлено автором

Связь науки и технологий сохраняет Стратегия научно-технологического развития, утвержденная в 2024 году, в которой выделяются три значимых этапа государственной политики в области научно-технологического развития РФ, и про современный этап говорится: «с 2022 года по настоящее время - этап мобилизационного развития научно-технологической сферы в условиях санкционного давления, сопровождающийся консолидацией общества и хозяйствующих субъектов для решения задач научно-технологического развития» [6].

Однако в Федеральном законе N 523-ФЗ в перечень субъектов, осуществляющих формирование технологической политики, со стороны научной сферы включена только Российская академия наук. Образовательные организации высшего образования, научные организации, а также центры трансфера технологий, созданные при тех и других, отнесены к «лицам, осуществляющие содействие развитию технологий». Полномочия данной группы субъектов закон не разъясняет, но однозначно исключает из них финансирование технологических проектов, поскольку при осуществлении данной функции юрлицо наделяется особым статусом – «агент развития технологий». При этом и РАН, и иные юридические лица, наделены правом представлять в Правительство РФ или уполномоченные в области технологической политики федеральные органы свои предложения в области технологического развития.

С целью содействия в тиражировании и продвижении лидирующих отечественных технологий в России и за рубежом на платформе АНО «Цифровая экономика» был создан Центр технологического лидерства 2030 (ТехЛид.РФ) [41]. Это специализированный информационный ресурс, на котором аккумулируются кейсы внедрения перспективных технологий в регионах России; публикуются аналитические материалы в виде ежемесячных дайджестов и отраслевых материалов; в рубрике «Карты ИИ» структурированы практики внедрения искусственного интеллекта по семи отраслям, с которыми можно также познакомиться в виде инфографики и подробных текстовых отчетов; размещается календарь тематических мероприятий. Для целей настоящего исследования наибольший интерес представляет раздел «Меры поддержки», где в качестве операторов назван 41 субъект, большинство из которых носят федеральный статус, остальные имеют отношение к Правительству г. Москвы.

Направления научно-технологической политики регионов в русле реализации национальной цели технологического лидерства

В Федеральном законе N 523-ФЗ органы государственной власти субъектов РФ отнесены к субъектам, осуществляющим формирование технологической политики. При наличии собственного нормативного подкрепления они уполномочены осуществлять меры государственного стимулирования технологической политики, которые в общих чертах соотносятся с формами государственной поддержки инновационной деятельности (таблица 2).

Таблица 2 – Содержание государственной поддержки инновационной деятельности и мер государственного стимулирования деятельности по реализации технологической политики

<p>Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»</p>	<p>Федеральный закон от 28.12.2024 N 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»</p>
<p>Формы государственной поддержки инновационной деятельности: – предоставление льгот по уплате налогов, сборов, таможенных платежей; – предоставление образовательных услуг; – предоставление информационной поддержки;</p>	<p>Меры государственного стимулирования: 1) финансирование проекта развития технологий за счет средств бюджетов; 2) налоговые льготы, а также льготы по уплате таможенных платежей; 3) льготы по арендной плате;</p>

Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»	Федеральный закон от 28.12.2024 N 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
<ul style="list-style-type: none"> – предоставление консультационной поддержки, содействия в формировании проектной документации; – формирование спроса на инновационную продукцию; – финансовое обеспечение (в том числе бюджетные инвестиции, субсидии, гранты, кредиты, займы, гарантии, взносы в уставный капитал); – реализация целевых программ; – поддержка экспорта; – обеспечение инфраструктуры; – в других формах, не противоречащих законодательству РФ. 	<ul style="list-style-type: none"> 4) информационно-консультационная поддержка, в том числе в отношении прав на результаты интеллектуальной деятельности, содействие в привлечении инвестиций, оказание услуг таможенного представителя, оказание услуг по развитию кадрового потенциала; 5) поддержка инновационной деятельности; 6) поддержка развития кадрового потенциала; 7) инфраструктурная поддержка, в том числе предоставление в пользование объектов недвижимости и оборудования; 8) поддержка экспорта; 9) поддержка в рамках установления экспериментальных правовых режимов; 10) содействие сотрудничеству между разработчиками технологий и производителями, а также формированию гарантированного спроса и предложения в отношении высокотехнологичной продукции; 11) иные меры поддержки.

Источник: составлено автором

Вместе с тем, согласно Федеральному закону N 523-ФЗ, технологическая политика связана в первую очередь с технологическими инновациями, которые в документе дифференцированы по отношению к цифровым инновациям: статья 29 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»» закрепляет разделение инноваций на цифровые и технологические (таблица 3).

Таблица 3 – Определения цифровых и технологических инноваций

Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [3]	Федеральный закон от 28.12.2024 N 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
Цифровые инновации - новые или существенно улучшенные продукт (товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности) или процесс, новые метод продаж или организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях, введенные в употребление, созданные или используемые по направлениям, предусмотренным частью 2 статьи 1 настоящего	Технологические инновации - новый или усовершенствованный продукт (в частности, устройство, вещество, штамм микроорганизма, культура клеток растений или животных), способ или процесс производства (реализации) товаров, выполнения работ, оказания услуг, создания охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, введенные в употребление и способствующие формированию новых рынков,

Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [3]	Федеральный закон от 28.12.2024 N 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
Федерального закона, с применением технологий, перечень которых утверждается Правительством РФ, а по направлению, предусмотренному пунктом 4 части 2 статьи 1 настоящего Федерального закона, Центральным банком РФ (далее - Банк России).	и (или) повышению производительности труда, и (или) повышению технико-экономических показателей производимой продукции.

Источник: составлено автором

Подобная нормативная детализация может усложнять разработку единой инновационной политики субъектов РФ, которым приходится руководствоваться различными федеральными документами: в сфере научно-технической, технологической политики, экспериментальных правовых режимов. К ним следует добавить Федеральный закон от 31.12.2014 N 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», в котором, собственно, и дается определение «технология», указываются условия создания индустриальных (промышленных) парков, технопарков в сфере высоких технологий, промышленных кластеров и технопарков, а также регламентируются такие полномочия субъектов РФ в сфере промышленной политики, как принятие законов и иных нормативных правовых актов, а также разработка и реализация региональных научно-технических и инновационных программ и проектов [2].

Как следствие, например Ярославской области (ЯО) мы можем проследить, что такое полномочие Правительства региона, как «утверждение региональных научно-технических и инновационных программ и проектов» прописано в Законе ЯО от 05.05.2015 N 30-з «О промышленной политике» [12], а «принятие и реализация научных, научно-технических и инновационных программ и проектов» - в Законе ЯО от 27.02.2023 N 5-з «О науке и реализации государственной научно-технической политики» [13].

Вместе с тем изобилие федеральных документов не препятствует разработке и реализации в регионе единой государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика в Ярославской области» на 2024 - 2030 годы. Одной из ключевых задач в программе заявлено «стимулирование развития инноваций - достижение региональной промышленностью уровня эффективности и конкурентоспособности, отвечающего требованиям мирового рынка наукоемкой высокотехнологичной продукции» [20]. В 2024 году в рамках госпрограммы реализовался ведомственный проект «Стимулирование роста инновационной деятельности инновационно активных предприятий (организаций) и объектов инновационной инфраструктуры», по которому было предоставлено 3 гранта на общую сумму 10 500 тыс. руб. в форме субсидий из областного бюджета организациям Ярославской области по результатам региональных конкурсов проектов фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований РНФ [37]. Иных мероприятий в рамках ведомственного проекта предусмотрено не было.

Что касается отраслей технологического лидерства, ни одна из них пока не заявлена в качестве приоритета в Стратегии социально-экономического развития Ярославской области (таблица 4).

В условиях сверхдинамичной среды и повышающихся требований к результативности органов государственного управления наиболее перспективным направлением научно-технологической политики регионов в русле реализации национальной цели технологического лидерства на данный момент представляется включение в реализацию соответствующих национальных проектов.

Таблица 4 – Сравнение приоритетных отраслей

Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»	Стратегия социально-экономического развития Ярославской области до 2030 года [14]
Обеспечение технологической независимости: 1) биоэкономика 2) сбережение здоровья граждан 3) продовольственная безопасность 4) беспилотные авиационные системы 5) средства производства и автоматизации 6) транспортная мобильность 7) экономика данных 8) искусственный интеллект 9) новые материалы и химия 10) перспективные космические технологии 11) новые энергетические технологии	Портфель стратегических видов деятельности: 1) обрабатывающая промышленность (8 подвидов, среди которых производство высокотехнологичных технических средств и приборостроение) 2) транспорт 3) туризм 4) бизнес-услуги и ИТ 5) строительство и производство стройматериалов 6) сельское хозяйство

Источник: составлено автором

В рамках исполнения Указа N 309 с 2025 года в России реализуется 19 нацпроектов, 8 из которых носят название проектов технологического лидерства, а именно:

- 1) «Новые материалы и химия»,
- 2) «Средства производства и автоматизации»,
- 3) «Новые атомные и энергетические технологии»,
- 4) «Промышленное обеспечение транспортной мобильности»,
- 5) «Беспилотные авиационные системы»,
- 6) «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности»,
- 7) «Новые технологии сбережения здоровья»,
- 8) «Развитие многоспутниковой орбитальной группировки».

На уровне субъектов РФ разрабатываются региональные проекты как продолжение федеральных, структурирующих нацпроекты. В таблице 5 представлена соответствующая информация по Ярославской области.

Таблица 5 – Региональные проекты, реализуемые в Ярославской области с 01.01.2025 в рамках национальных проектов технологического лидерства

Национальный проект	Региональный проект	Объем финансирования, руб.		
		2025	2026	2027
Технологическое обеспечение продовольственной безопасности	Кадры в агропромышленном комплексе	8 530 625	3 086 459	3 086 459
Беспилотные авиационные системы	Стимулирование спроса на отечественные беспилотные авиационные системы	1 500 000		
	Разработка, стандартизация и серийное производство беспилотных авиационных систем и их комплектующих		2 607 969 316	

Источник: составлено автором по Закон Ярославской области от 09.12.2024 № 88-з «Об областном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». URL: <https://docs.cntd.ru/document/407552842?ysclid=md4fbrwdpk171384822> (дата

обращения 30.08.2025)

Региональный проект «Кадры в агропромышленном комплексе» входит в государственную программу (ГП) «Развитие сельского хозяйства в Ярославской области» на 2024–2030 годы [17]. Соотношение федеральных и областных средств в реализации регионального проекта запланировано в соотношении примерно 95% к 5% соответственно. Задача проекта – обеспечение кадрами предприятий АПК.

Региональный проект «Стимулирование спроса на отечественные беспилотные авиационные системы» является структурным элементом ГП «Развитие лесного хозяйства Ярославской области» на 2024–2030 годы. Одной из 5 задач программы заявлено «повышение научно-технического, технологического и кадрового потенциала лесного сектора экономики» [18].

Региональный проект «Разработка, стандартизация и серийное производство беспилотных авиационных систем и их комплектующих» включен в ГП Ярославской области «Научно-технологическое развитие Ярославской области» на 2024–2030 годы [19]. Его реализация предполагает только одно мероприятие – оснащение оборудованием созданного Научно-производственного центра испытаний и компетенций в области развития технологий беспилотных авиасистем (АНО «НПЦ БАС ЯО»). Согласно ГП, весь объем расходов на проект должен был составить 1 547 097,9 тыс. руб. Однако, судя по данным таблицы 5, его финансирование было существенно увеличено. Пропорция федеральных и областных средств в реализации проекта составляет соответственно 89% к 11%. И федеральные средства выделяются только на этот проект ГП.

Создание НПЦ по выпуску компонентов для БАС ставилось задачей принятого чуть ранее документа - специальной региональной программы «Развитие беспилотной авиации в Ярославской области» на период до 2030 года» [15]. В ней НПЦ позиционируется как ядро будущего кластера БАС, для создания которого регион имеет все возможности: инфраструктурные, кадровые, производственные, наличие спроса и потенциала для создания логистического транспортного хаба; региональный проект «Разработка, стандартизация и серийное производство беспилотных авиационных систем и их комплектующих» обеспечивает финансирование программы.

АНО «НПЦ БАС ЯО» был учрежден в апреле 2024 года на базе РГАТУ имени П.А. Соловьева [16]. Центр объединяет органы власти, промышленных партнеров, высокотехнологичный бизнес, научно-образовательные площадки, заказчиков и пользователей БАС. Его резидентами стали семь организаций из Ярославской, Костромской, Московской областей и Москвы. В задачи НПЦ входит содействие реализации регионального заказа и услуг с применением БАС, создание новых мощностей для производства компонентов БАС, разработка и внедрение образовательных программ. Статус НПЦ БАС ЯО закреплен Приказом Минпромторга России от 30.08.2024 N 3910 [11].

Обсуждение

Дискуссия о роли государства в развитии технологий носит перманентный характер и до последнего времени в общих чертах протекала в противопоставлении парадигм свободного рынка и протекционизма [22]. Идеология глобализма поддерживает позицию, что «централизованное государство плохо подходит для стимулирования инноваций, особенно в сфере технологических лидеров» [29]. Главными акторами развития технологий рассматриваются транснациональные техно гиганты. И лишь в последние годы нашла подтверждение точка зрения о том, что отраслевое лидерство нескольких игроков может перерасти в технологическую гегемонию [33]. На уровне государств стало уделяться значительное внимание разработке критически важных отечественных технологий [25]. Проведенное исследование подтвердило, что политика, направленная на достижение технологического лидерства государства, в отечественной практике выстраивается преимущественно на принципах централизации, что совершенно оправдано в текущей ситуации, поскольку она напрямую связана с вопросами национальной безопасности. Однако в динамике цифровой экономики достижение технологического лидерства – сложная комплексная задача, решение которой

предполагает вовлечение множества участников, особенно из сферы науки и высшего образования [26]. И в стратегической перспективе ее эффективность может быть существенно повышена за счет более широкого участия регионов, одним из направлений которого может стать формирование и развитие экспертных сообществ.

Отличительной чертой цифровой экономики является подвижная информационная среда, пронизанная множественными связями, участники которых добровольно объединяются в сообщества по интересам. Данные объединения имеют высокий инновационный ресурс, т.к. они способны обеспечивать быстрый и беспрепятственный обмен знаниями и успешным опытом, особенно если произведенные ими идеи выходят в свободный доступ и к их институализации подключается система образования и науки [36]. Теоретическим фундаментом подхода, связанного с активным вовлечением местных сообществ, прежде всего из предпринимательской и научной сфер в обсуждение и определение траекторий развития, послужили публикации о «четверной» спирали инновационного роста [27], пришедшие на смену концепции «тройственной» спирали Ицковица–Лейдесдорфа [30].

Следует отметить, что в нашей стране «социально оформленное движение» т.е. объединение участников различного статуса по поддержке развития рынков новых технологий, происходит в рамках Национальной технологической инициативы (НТИ) – долгосрочной комплексной программы по созданию условий для обеспечения лидерства российских технологических компаний. НТИ разработана собственная экосистема - специализированные цифровые платформы и сервисы, настроенные на раннее выявление и поддержку перспективных технологических разработок [40]. Наиболее известный в регионах проект НТИ — это создание сети площадок «Точка кипения» при вузах. Вместе с тем более глубокое знакомство с работой НТИ позволяет заметить, что к ее мероприятиям чаще всего привлекаются специалисты ведущих научных центров из Москвы, Томска, Санкт-Петербурга и др. Тем самым деятельность инициативы концентрируется на конкретных перспективных сегментах, в то время как потенциал отечественной науки гораздо более объемен.

Создание в стране одного-двух операторов процессов научно-технологического развития оптимизирует управление, но и порождает существенные барьеры инновационной деятельности в регионах, такие, например, как привлечение внешних экспертов, не владеющих местной спецификой; ориентация мер государственной поддержки на общемировые тренды технологий вместо нишевых инноваций; отсутствие структур, учитывающих интересы или точку зрения регионального технологического бизнеса; рассогласование ресурсов и стратегий между частными и государственными субъектами. Ответом на эти и другие проблемы, с которыми столкнулась при использовании данного подхода европейская технологическая политика, стала стратегия «умной специализации» регионов [34]. В настоящее время она институционализована в I3 Instrument Support Facility - платформу межрегионального инновационного сотрудничества [42]. Особый интерес представляет и опыт Китая по выстраиванию «каскадных» инновационных сетей, учитывающих местную специфику, от крупных мегаполисов в окружающие их агломерации [28].

Разнообразные по своим условиям регионы Российской Федерации безусловно обладают мощнейшим потенциалом инновационного развития в самых разных направлениях, стимулирование которого поспособствует достижению общей национальной цели технологического лидерства. Для того, чтобы эффективно задействовать этот инновационный ресурс в решение новых задач необходима модернизация региональных институтов [35] в направлении активизации сетевых взаимодействий и научного поиска перспективных форматов его практического воплощения в экономике регионов и страны в целом.

Заключение

Цифровая экономика неразделима с открытой средой коммуникаций, благодаря которым удаленные территории становятся «ближе»; передовой опыт и знания – доступнее, связь с окружающей средой – комфортнее и гармоничнее. В цифровой экономике повышается качество инновационной

среды, в которой формируются идеи, проводятся НИОКР, структурируются научные центры и научно-технологические производственные объединения, разрабатывающие передовые технологии [23].

Концепция технологического лидерства в настоящее время пока не получила глубокого осмысления в экономической теории. На практике тема технологического лидерства все чаще становится центральной в государственной научно-технической и технологической политике. В Российской Федерации к настоящему моменту принято множество важных документов по развитию технологий. Технологическое лидерство заявлено одной из национальных целей развития страны до 2036 года. Правительство РФ утвердило Единый план их достижения [10], в котором говорится, что одним из основных инструментов достижения цели технологического лидерства (ТЛ) выступают НПТЛ – национальные проекты ТЛ.

На примере Ярославской области продемонстрировано, что включение в реализацию НПТЛ является на сегодняшний день одним из наиболее очевидных направлений научно-технологической политики регионов по достижению национальной цели технологического лидерства. Вместе с тем лидерство одних технологий в настоящем не отменяет возникновение новых технологий в будущем. Поэтому наряду с поддержкой национальных приоритетов, в регионах должен продолжаться научный поиск, проведение НИОКР, сохраняться благоприятный инвестиционный климат и эффективные меры стимулирования инновационной деятельности.

В качестве заключительного штриха, хотелось бы отметить, что с созданием НПЦ точка технологической активности Ярославской области перемещается из областного центра в Рыбинск, где расположено крупнейшее в регионе предприятие ОДК «Сатурн». Его значение в технологическом развитии страны подтверждает тот факт, что, начиная с 2014 года, оно ежегодно проводит Международный технологический форум (МТФ) «Инновации. Технологии. Производство». МТФ-2025 проходил под названием «Технологическое лидерство. Двигатели будущего» [38]. И в этой связи выдвижение на первые роли новых центров дает свою перспективу для пространственного развития нашей страны в цифровой экономике, что предполагает проведение соответствующих научных изысканий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 21.10.2025).
2. Федеральный закон от 31.12.2014 N 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения: 21.10.2025).
3. Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 21.10.2025).
4. Федеральный закон от 28.12.2024 N 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494804/ (дата обращения: 21.10.2025).
5. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/?ysclid=m6q27d4jp0598536831 (дата обращения: 21.10.2025).
6. Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358?ref=supernova.is> (дата обращения: 21.10.2025).
7. Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 21.10.2025).
8. Письмо Президента РФ от 30.03.2002 N Пр-576 «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91403/?ysclid=m6xqf6t22m174388681 (дата обращения: 21.10.2025).
9. Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 N 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1301657597?ysclid=md2mjytjy735457732> (дата обращения: 21.10.2025).
10. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утв. Правительством РФ URL: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2024/03/plan2030.pdf?ysclid=mh4g6ap0dt350561232> (дата обращения: 21.10.2025).
11. Приказ Минпромторга России от 30.08.2024 N 3910 «О присвоении статуса научно-производственного центра испытаний и компетенций в области развития технологий беспилотных авиационных систем». URL: https://www.rsatu.ru/upload/medialibrary/381/h5qd1d259k3krgbj3v6h0letit4xxwr/Prikaz_NPTS_YAroslavl_fayl_otobrazheniya.pdf (дата обращения: 21.10.2025).
12. Закон Ярославской области от 05.05.2015 N 30-з «О промышленной политике в Ярославской области». URL: <https://docs.cntd.ru/document/428526256?ysclid=mgylvkzn3e81431207> (дата обращения: 21.10.2025).
13. Закон Ярославской области от 27.02.2023 N 5-з «О науке и реализации государственной научно-технической политики в Ярославской области». URL: <https://docs.cntd.ru/document/406524591?ysclid=mgymb4rzi0990567846> (дата обращения: 21.10.2025).
14. Постановление Правительства Ярославской области от 06.03.2014 N 188-п «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ярославской области до 2030 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/412703993?ysclid=mh39trditw705377901> (дата обращения: 21.10.2025).
15. Постановление Правительства Ярославской области от 13.02.2024 N 144-п «Об утверждении региональной программы «Развитие беспилотной авиации в Ярославской области» на период до 2030 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/7600202402150011?ysclid=md4e0vs7hm955882735>

&pageSize=100&index=1 (дата обращения: 21.10.2025).

16. Постановление Правительства Ярославской области от 17.04.2024 N 470-п «Об учреждении автономной некоммерческой организации “Научно-производственный центр беспилотных авиационных систем Ярославской области”». URL: <https://base.garant.ru/408906945/?ysclid=mdbi0pr39p953500267> (дата обращения: 21.10.2025).

17. Постановление Правительства Ярославской области от 25.03.2024 N 353-п «Об утверждении государственной программы Ярославской области «Развитие сельского хозяйства в Ярославской области» на 2024 - 2030 годы». URL: <https://docs.cntd.ru/document/407178851?ysclid=md4ihthwkm584273176> (дата обращения: 30.08.2025).

18. Постановление Правительства Ярославской области от 27.03.2024 N 406-п «Об утверждении государственной программы Ярославской области «Развитие лесного хозяйства Ярославской области» на 2024 - 2030 годы и о признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства области» URL: <https://docs.cntd.ru/document/407229117?ysclid=md4koxe7oj996656577> (дата обращения: 30.08.2025).

19. Постановление Правительства Ярославской области от 27.03.2024 N 410-п «Об утверждении государственной программы Ярославской области «Научно-технологическое развитие Ярославской области» на 2024 - 2030 годы и о признании утратившими силу постановлений Правительства области от 07.07.2023 N 639-п и от 24.08.2023 N 828-п». URL: <https://docs.cntd.ru/document/407229067?ysclid=md4fldvxgl616118855> (дата обращения: 30.08.2025).

20. Постановление Правительства Ярославской области от 27.03.2024 N 401-п «Об утверждении государственной программы Ярославской области «Экономическое развитие и инновационная экономика в Ярославской области» на 2024 - 2030 годы и о признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства области». URL: <https://docs.cntd.ru/document/407229065?ysclid=mh39sng8fm108521348> (дата обращения: 21.10.2025).

21. Безруков А.О., Байдаров Д.Ю., Файков Д.Ю. Технологическое лидерство государства: концептуальное понимание и механизмы формирования // Экономическое возрождение России. - 2024. - № 1(79). - С. 75-89. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-75-89.

22. Ленчук Е.Б. Роль государства в управлении научно-технологическим развитием: от теории к практике // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 11–22. DOI: 10.25198/2077-7175-2025-2-11.

23. Райхлина А.В. Формирование инновационной среды региона как важнейшее условие эффективной инновационной деятельности // Интернет-журнал Науковедение. – 2017. – Т. 9, № 4. – С. 39.

24. Avolio B.J., Kahai S., Dodge G.E. E-leadership: implications for theory, research, and practice // Leadership Quarterly. - 2000. - Vol. 11, Is. 4. - Pp. 615–668. DOI: 10.1016/S1048-9843(00)00062-X.

25. Bongomin O., Nganyi E.O., Abswaidi M.R., Hitiyise E., Tumusiime G. Sustainable and Dynamic Competitiveness towards Technological Leadership of Industry 4.0: Implications for East African Community // Journal of Engineering. – 2020. - Vol. 6. - Pp. 1-22. DOI: 10.1155/2020/8545281.

26. Bowen E.E., Bertoline G.R., Athinarayanan R., Cox R.F., K.A. Burbank, Buskirk D.R., Küçüköнал H. Global Technology Leadership: A Case for Innovative Education Praxis // Procedia - Social and Behavioral Sciences. – 2013. – Vol. 75. – Pp. 163-171. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.04.019.

27. Carayannis E., Campbell D.F.J. ‘Mode 3’ and ‘Quadruple Helix’: Toward a 21st century fractal innovation ecosystem // International Journal of Technology Management. - 2009. - Vol. 46, No. 3-4. - Pp. 201-234. DOI: 10.1504/IJTM.2009.023374.

28. Chen J., Jiang L., Tian Y., Luo J. The Study of Regional Innovation Network Structure: Evidence from the Yangtze River Delta Urban Agglomeration // International Journal of Geo-Information (IJGI). - 2023. - No. 12, 428. DOI: 10.3390/ijgi12100428.

29. Drezner D. State structure, technological leadership and the maintenance of hegemony // Review

- of International Studies. – 2001. - Vol.27, No.1. - Pp. 3-25. DOI:10.1017/S0260210501000031.
30. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix – University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge-Based Economic Development // *EASST Review*. - 1995. - Vol. 14, № 1. - Pp. 14–19.
 31. Fisk P. The Making of a Digital Leader // *Business Strategy Review*. - 2002. - Vol.13, Is.1. - Pp. 43-50.
 32. Gananta M., Thalib P., Suhariadi F., Aldhi I.F., Rahmawati E., Hardaningtyas D. Systematic Review Toward a Definition of Technological Leadership // *Dinasti International Journal of Education Management and Social Science*. – 2024. - Vol.5, No.5. - Pp. 1184-1195. DOI: 10.38035/dijemss.v5i5. 2908.
 33. Lu Y. Artificial Intelligence and International Law in the Context of Information Globalization: The Problem of Technological Hegemony as an Example // *Lecture Notes in Education Psychology and Public Media*. - 2024. - Vol. 71. - Pp. 75-81. DOI: 10.54254/2753-7048/2024.LC17962.
 34. Midtkandal I., Sörvik J. What is Smart Specialisation? // *Nordregio News*. - 2012. - No.5. - P. 3.
 35. Patrusheva E.G., Rajhlina A.V. The role of development institutions in enhancing regional competitiveness // *Journal of Regional and International Competitiveness*. – 2021. – No. 3(4). – P. 70-78. DOI: 10.52957/27821927_2021_3_70.
 36. Schøtt T., Sedaghat M. Innovation embedded in entrepreneurs' networks and national educational systems // *Small Business Economics*. – 2014. -Vol. 43, No.2. - Pp. 463-476. DOI: 10.1007/s11187-014-9546-8.
 37. Информация о ходе реализации ВП «Стимулирование роста инновационной деятельности инновационно активных предприятий (организаций) и объектов инновационной инфраструктуры» за 2024 год URL: <https://portal.yarregion.ru/depts-der/doc/gosudarstvennaya-programma-ekonomicheskoe-razvitie-i-innovatsionnaya-ekonomika-v-yaroslavskoy-oblast/otchety-za-2024-god/otchety-za-god/> (дата обращения 21.10.2025).
 38. ИТП Форум. URL: <https://itp-forum.com/ru/> (дата обращения 21.10. 2025).
 39. Концепция Центра технологического лидерства 2030. URL: https://files.data-economy.ru/Docs/kontseptsiya_tehnologicheskogo_liderstva_2030.pdf (дата обращения 21.10.2025).
 40. Платформа НТИ. URL: <https://platform.nti.work/> (дата обращения 21.10.2025).
 41. Технологическое лидерство. URL: <https://техлид.рф/> (дата обращения 21.10.2025).
 42. I3 Instrument Support Facility. URL: <https://interregional-innovation-investments.ec.europa.eu/> (дата обращения 21.10.2025).

The concept of technological leadership and the region scientific and technological policy in the digital economy

Raikhlyna Anna Vladimirovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation, Yaroslavl Branch, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: raihlyna@yandex.ru

KEYWORDS

region, national development goal, technological leadership, innovation, digital technologies, scientific and technological policy, unmanned vehicles

ABSTRACT

The article analyzes the theoretical and normative content of the concept of «technological leadership», as well as the essence of the technological policy of the state aimed at achieving technological leadership, presented in the legal acts of the Russian Federation. The purpose of the study is to identify the directions of scientific and technological policy of the subjects of the Russian Federation to achieve the national goal of technological leadership. The hypothesis of the study is that, in view of the strategic importance of technological leadership for the development of the state in the digital economy, the conceptualization of this goal and its decomposition into areas of responsibility of participants is carried out from a single decision-making center and is mainly directive in nature. Using the example of the Yaroslavl Region as a region with a developed and diversified industry, it is shown that the scientific and technological policy of the subjects of the Russian Federation to achieve the national goal of technological leadership is based primarily on the implementation of national projects, ensuring technological independence and the formation of new markets in accordance with the directions formulated by the Government of the Russian Federation. The theoretical basis of the research was the scientific literature of domestic and foreign authors devoted to various aspects of achieving technological leadership. To substantiate the conclusions, the study used factual data from available Internet sources, as well as the provisions of regulatory documents regulating the technological development and construction of the digital economy in the Russian Federation. To achieve this goal, the methods of theoretical cognition were used – collection and analysis of information, formalization, analogy; empirical research – comparison and description.; general logical methods – synthesis, generalization, classification and structuring. The methodological basis of the research is a systematic approach that considers an object according to the principles of integrity and interconnectedness of its constituent elements, and from the point of view of which not only the object, but also the research process itself acts as a complex system whose task is to structure various levels of object study. The results obtained can be used to conceptualize technological leadership as a new area of demand in modern economics.

Фондовые биржи стран АТР: взаимозависимость доходности фондовых индексов

Володина Анастасия Олеговна

Кандидат экономических наук,
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация
E-mail: ao_volodina@guu.ru

Траченко Марина Борисовна

Доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация
E-mail: mb_trachenko@guu.ru

Стародубцева Елена Борисовна

Доктор экономических наук,
Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: ebstarodubtseva@fa.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

фондовые биржи,
взаимозависимость
доходности, фондовые
индексы, инвесторы,
фондовый рынок,
Азиатско-Тихоокеанский
регион

АННОТАЦИЯ

Всестороннее изучение феномена развития Азиатско-Тихоокеанского региона обусловлено значительными результатами, которые демонстрируют страны этого региона последние десятилетия. Особый интерес инвесторов всех континентов сопряжен с развитием фондового рынка АТР, которому в статье дана всесторонняя характеристика, включая историю развития, основные особенности, отраслевую и страновую структуру индексов, динамику капитализации в разрезе бирж этого региона. Цель проведенного исследования состоит в проверке гипотезы о взаимном влиянии бирж АТР и сравнительном анализе статистической значимости взаимного влияния бирж как внутри региона, так и связи с другими регионами. Объектом исследования выступают биржи девятнадцати стран Азиатско-Тихоокеанского региона, предметом – взаимозависимость доходности бирж. Анализируемые данные доходности индексов Азиатско-Тихоокеанского региона соответствуют критериям стационарности. На основе проведенного статистического анализа в статье были получены результаты, свидетельствующие о сильной связи лишь в 2022 г. и только между некоторыми фондовыми рынками внутри Азиатско-Тихоокеанского региона. В основном наблюдалась слабая зависимость как внутри Азиатско-Тихоокеанского региона, так и с фондовыми индексами стран других регионов. Результаты корреляционного анализа за период 2022–2024 гг. показали, что уровень взаимосвязи фондовых индексов снизился как внутри АТР, так и с фондовыми индексами стран других регионов, что отражает процесс регионализации фондовых рынков. Полученные результаты могут быть использованы в принятии инвестиционных решений широким кругом акторов. В дальнейшем целесообразно провести исследование причинно-следственных связей выявленных зависимостей, систематизировать и выявить наиболее существенные факторы, влияющие на взаимозависимость доходности фондовых индексов.

JEL codes: F39, F37, G15

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-1-92-107>

Для цитирования: Володина, А.О. Фондовые биржи стран АТР: взаимозависимость доходности фондовых индексов / А.О. Володина, М.Б. Траченко, Е.Б. Стародубцева. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – №1. – С.92-107. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2026)

Введение

Последние годы фондовый рынок Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР) показывает серьезные темпы роста. Ведущие биржи данного региона в настоящее время входят в число наиболее развивающихся фондовых площадок мира. В частности, Шанхайская биржа занимает 3 место, Японская биржа – 4 место в мировом рейтинге, Шэньчжэньская фондовая биржа – 6 место, Национальная фондовая биржа Индии находится на 8 месте после Гонконгской биржи. Это связано со многими причинами, но первопричиной, на наш взгляд, выступает достигнутый уровень развития экономик данного региона, таких как КНР, Индия, а также технологическими и организационными изменениями в работе самих бирж. Несмотря на высокую капитализацию и объем котируемых ценных бумаг, они все еще уступают американским биржам. Если на американский рынок приходится около 46% глобальной фондовой капитализации, то на страны АТР – 24,2% (при этом на Японию приходится около 7%). Вовлеченные в мировой финансовый рынок они становятся взаимозависимы от ведущих американских и европейских бирж. Такая взаимозависимость особенно проявляется во время кризисных явлений – падение индексов на американском рынке чаще всего приводит к падению подобных индексов и на биржах АТР. Особая зависимость фондовых бирж АТР наблюдается между собой, так как они находятся и обслуживают в первую очередь свой регион. Насколько статистически значима такая зависимость и выступает целью данной статьи. Объектом исследования выступают биржи АТР, предметом – взаимозависимость доходности бирж. В рамках исследования использовались теоретические методы научных исследований, особое внимание уделено статистическому анализу. За основу исследования были взяты индексы стран, принадлежащих пяти регионам: Азиатско-Тихоокеанскому, Америке, Европе, Ближнему Востоку и Африке. В процессе анализа оценивались показатели доходности. Данное исследование выступает продолжением исследования взаимозависимости рынков АТР [5, 8, 21], а также базируется на исследованиях, которые проводились зарубежными и российскими учеными по отношению к рынку в целом. В частности, Sharma [25], Aggarwal [25], Ali, Bansal [2], Kumar [13], Guru V.K., Yadav I.S. [9], Chen M., Zhou Y. [24], Аржаев Ф.И. [3], Акинин П.В [1], Болдарева Ю.О. [1], Куракин И.Н. [14], Ленков Р.С. [16], Малкина М.Ю. [17], Ниязбекова Ш.У. [19], Ноздрев С.В. [20] и др.

Развитие бирж АТР

Мировая экономика развивается неравномерно. Периодически появляются новые регионы и страны, которые начинают теснить страны с лидирующих мест, занимая их места. Такое в недавнем прошлом происходило с Японией, когда она стала страной – третьим центром мирового соперничества, а в настоящее время ее место занимает Китай, и некоторые другие страны региона начинают претендовать на место лидера. Причин тому несколько и главная – это благоприятная почва для иностранных инвестиций международных корпораций: дешевая рабочая сила, неразвитый потребительский рынок, достаточная квалификация работников, доступность и низкие издержки логистики, льготы и преференции правительств стран для международных корпораций. Первоначальное размещение инвестиций осуществлялось в виде строительства или покупки заводов, фабрик, компаний, но в последующем требовалось развитие капитала путем привлечения дополнительных средств, что осуществляется как правило двумя путями – либо путем займов, либо через фондовый рынок. В первом случае в странах должна быть сформирована достойная банковская система, что не являлось большой проблемой, так как банки уже существовали в этих странах. Но гораздо более удобный путь, дающий большие возможности при привлечении крупного капитала – развитый фондовый рынок. Что и являлось основной задачей для каждой страны. Формирование финансовых рынков в Азии непосредственно связано с поддержкой устойчивой модели экономического развития за счет обеспечения необходимого уровня сбережений и инвестиций, создания условий для институционального участия в цифровой экономике и развития финансовой интеграции в ее различных формах – региональной, межрегиональной и глобальной. Именно благодаря развитию

такого рынка стало возможным привлекать капитал не только международным компаниям, но и местным производителям – малому, среднему, а затем и крупному бизнесу, проводя как первичные размещения, так и вторичные. Особенностью такого рынка должно было стать не только наличие на нем спроса со стороны компаний, но и предложения. Формирование такой базы стало во многом возможным за счет привлечения на него иностранных инвесторов и понятных одинаковых правил торговли с имеющимися биржами, что напрямую влияет на рынок капитала и открывает новые возможности для роста биржевой экосистемы Азиатско-Тихоокеанского региона. Развитие биржевых площадок основывалось не только на потребностях региона в прямых иностранных инвестициях (ПИИ), но и благодаря определенным организационным и техническим особенностям. Появление новых технологий и процессов, в которые биржи инвестировали достаточно активно, обеспечили возможность облегчить международным торговым фирмам подключение и торговлю, что и привело к развитию фондового рынка данного региона.

Таким образом на сегодняшний день развивающиеся рынки АТР могут предложить привлекательные возможности для долгосрочных инвесторов, а инновации в области финтеха и ESG - инвестиций открывают новые перспективы для роста данного региона. В современных условиях это рынки, которые занимают ведущие места в мировой архитектуре, как по объему торгов, так и по представленным на них секторам экономики. Доказательством чего выступает структура индекса S&P Asia Pacific LargeMidCap (рис.1). В наибольшей степени здесь представлены компании финансового сектора (22%), что объясняется наличием в данном регионе значимых мировых финансовых центров – Гонконг, Сингапур, Шанхай, Токио. Далее - промышленные компании (20%) и увеличивающаяся в последние годы доля высокотехнологичного сектора (13%). При этом достаточно широко представлен и сектор услуг. Такая представленность в большей степени связана и с местом экономик региона в глобальных цепочках добавленной стоимости. Развитие высокотехнологичных предприятий в данном регионе способствует, с одной стороны, расширению представленности их ценных бумаг на местных рынках, с другой стороны, возможности для инвесторов получить доступ к наиболее современным отраслям мировой экономики, таким как производство электромобилей, развитие зеленой энергетики, финтех и т.д.

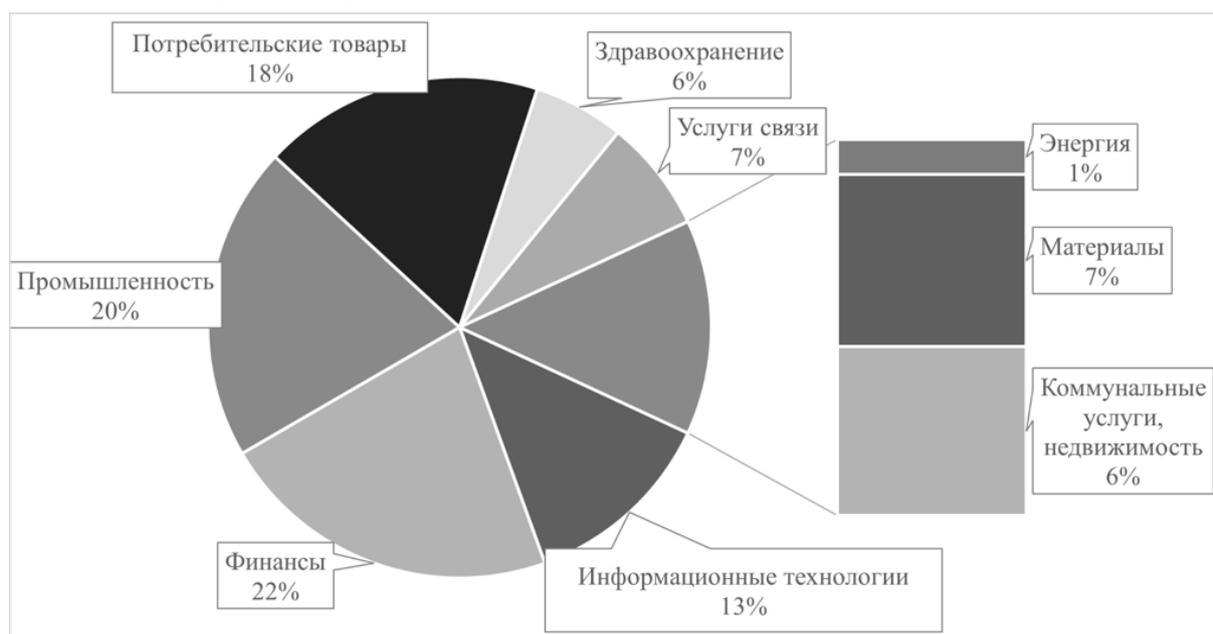

Рисунок 1 – Отраслевая структура индекса S&P Asia Pacific LargeMidCap

Источник: составлено авторами по данным spglobal.com [26]

В настоящее время экосистема биржевого рынка капитала Азиатского региона умеренно фрагментирована, с присутствием небольшого количества игроков по всему региону. Основная

часть в структуре индекса MSCI AC Asia Pacific принадлежит Японии (30,9%), далее Китаю (19,6%) и с небольшим отставанием Тайваню и Индии (рис. 2).

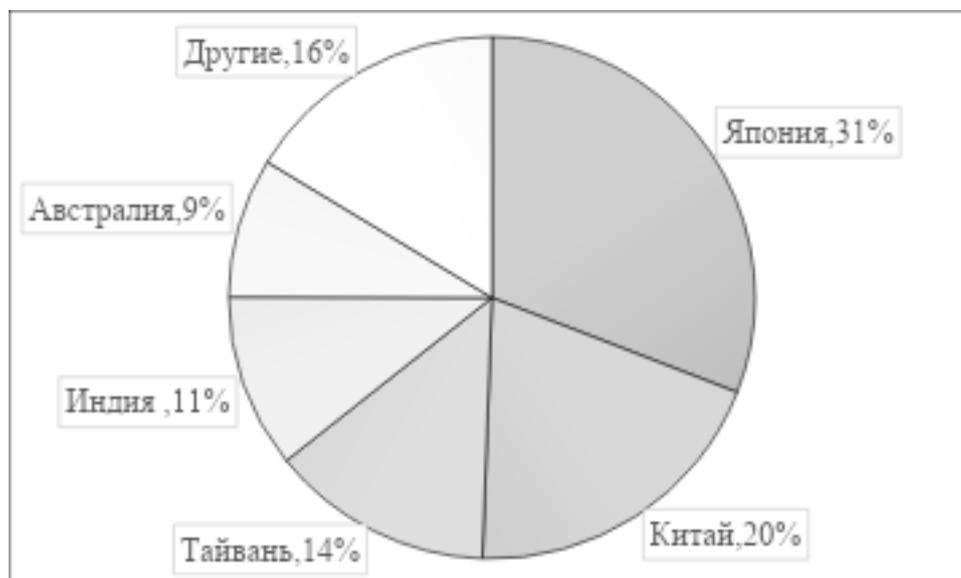

Рисунок 2 – Страновая структура индекса MSCI AC Asia Pacific

Источник: MSCI AC Asia Pacific Index// URL: <https://www.msci.com/documents/10199/156aff0d-3d08-47c9-aa87-52701a5153d6>

Некоторые из значительных игроков, работающих в экосистеме бирж Азиатского рынка капитала, включают Шанхайскую фондовую биржу, Токийскую фондовую биржу, Гонконгскую фондовую биржу, Национальную фондовую биржу Индии, Шэньчжэньскую фондовую биржу (SZSE), Бомбейскую фондовую биржу (BSE). (табл.1) На ведущие биржи приходится основная часть капитализации фондового рынка стран АТР. При этом стоит отметить, что последнее время происходит некоторое перераспределение ролей между фондовыми рынками стран, что отражает основные тенденции в развитии самих стран и их месте в мировом хозяйстве. Так, из общей капитализации около 10 трлн долл. в 2000 году основная часть (60%) приходилась на Японскую и Гонконгскую биржи. В 2020 году совокупная капитализация бирж составила 30 трлн долл., при этом приблизительно 40% приходилось на китайские биржи, рост которых был за эти годы колоссален. В 2024 году капитализация, достигла рекордных значений на фоне технологического бума (благодаря AI и полупроводникам) и экономического восстановления Азии и составила 45 трлн долл., из них около 50% пришлось на китайские и индийские биржи. Крупнейшие фондовые биржи Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в 2025 году продолжают рост капитализации на фоне технологического бума, ИИ и экономического восстановления Азии. К ноябрю 2025 года совокупная капитализация составила 48 трлн долл. [6]

Таблица 1 – Ведущие фондовые биржи Азиатско-Тихоокеанского региона в период 2000 - 2024 гг. по капитализации, млрд долл

Фондовые биржи АТР	2024 г.	2023 г.	2020 г.	2000 г.
Shanghai Stock Exchange	7 186	7357.63	7500	480
Japan Exchange Group	6122	5586.15	6000	4800
Shenzhen Stock Exchange	4 528	4934.95	4500	150
Hong Kong Exchanges and Clearing	4 549	4567.57	5500	1200
National Stock Exchange of India	3550	3229.99	2500	180
Korea Exchange	1558	1772.39	1800	350
ASX Australian Securities Exchange	1893	1666.26	1500	500

Фондовые биржи АТР	2024 г.	2023 г.	2020 г.	2000 г.
Taiwan Stock Exchange	2 257	1591.3	1575	450
Singapore Exchange	647	606.8	700	140
The Stock Exchange of Thailand	519	563.04	500	30
Indonesia Stock Exchange	831	604.64	280	25
Bursa Malaysia	491	370.84	450	120
Philippine Stock Exchange	259	243.57	300	20
Hochiminh Stock Exchange	205	178.45	140	0.04
Taipei Exchange	159	167.98	140	80

Источник: составлено авторами по данным World Federation of Exchanges. URL: <https://www.world-exchanges.org>

Первые биржи в АТР начинают появляться еще в начале 20 века, однако они носили в большей степени региональный характер, а вот к концу 20 века, когда экономики стран заявили о себе на мировом рынке, начинают превращаться в международные. К таким биржам можно отнести в первую очередь Токийскую биржу, которая возникла в 1878 году и, благодаря увеличивающейся роли Японии, стала одной из главных бирж на мировом финансовом рынке. К 80-90 годам 20 века Токийская биржа вышла на первое место в мире по рыночной капитализации, сосредоточив около 60 % мирового фондового рынка. В последующем Токийская биржа уступила свое первенство Нью-Йоркской фондовой бирже, оставшись одним из ведущих финансовых центров мира. Значимое событие для токийской фондовой биржи произошло в 2012 году, когда она, поглотив Осацкую фондовую биржу, превратилась в Japan Exchange Group, Inc. На данный момент японская биржа показывает более высокие темпы роста, чем ранее. Это связано как с реформами управления самой биржи, так и проводимой валютной политикой, и политикой реструктуризации, что привело к тому, что в настоящее время по объему рыночной капитализации представленных на ней компаний биржа заняла четвертое место в мире после Нью-Йоркской, Nasdaq и Шанхайской фондовых бирж и второе в Азии после Шанхайской биржи (табл.2). На Токийской бирже прошли листинг около 4 тысяч компаний из всех регионов мира.

Таблица 2 – Капитализация ведущих мировых бирж (трлн долл.) [6]

Рейтинг	Название биржи	Капитализация		
		2020	2023	2025
1.	Нью-Йоркская фондовая биржа (NYSE)	22,3	25,5	31,7
2.	Фондовая биржа Nasdaq	16,0	23,4	30,6
3.	Шанхайская фондовая биржа	6,2	6,5	7,31
4.	Японская биржевая группа	6,1	6,1	6,9
5.	Euronext	4,2	6,9	6,0
6.	Лондонская фондовая биржа LSE Group	3,1	3,4	5,9
7.	Корпорация бирж и клиринговых организаций Гонконга	5,6	3,9	5,2
8.	Национальная фондовая биржа Индии	-	3,6	5,16
9.	Шэньчжэньская фондовая биржа	4,7	4,2	4,65
10.	TMX Group (Торонто SE)	2,2	2,8	3,82

Источник: World Federation of Exchanges. URL: <https://www.world-exchanges.org>

Развитие новых индустриальных стран в 80-е годы 20 века привело к расширению значимости таких бирж, как Сингапурская, Гонконгская биржа, а в последующем, и Шанхайской биржи. Постепенно развитие стран привело к росту капитализации данных бирж (табл. 2), что позволило им занять ведущие места в рейтинге фондовых бирж.

Особую роль в регионе играет Гонконгская биржа, которая в настоящее время несколько уступает своим конкурентам, но занимает прочное место в десятке крупнейших бирж. Появление данной биржи датируется 1914 годом, но это была одна из пяти бирж, которые в 1986 году были объединены в единую Гонконгскую. Поэтому реально датой образования можно считать именно 1986 год, когда начинается серьезное увеличение капитализации и значимости ее на мировом рынке. В 2000 году был образован конгломерат Hong Kong Exchanges and Clearing Limited (HKEX) – современная Гонконгская биржа. Годовой торговый оборот на данной бирже имеет тенденцию к росту. Например, с 1975 по 2024 год он вырос в 6191,2 раза и составил 2 996 539 млн долларов. (Рис. 3) При этом стоит отметить, что были периоды как серьезного падения данного показателя, в частности, самое низкое значение наблюдалось в 1977 году, когда оно составило 328 млн долларов, так и серьезного роста – самое высокое значение 4 068 106 млн долларов было зафиксировано в 2021 году [12]. По данным за первые десять месяцев 2025 года, средний ежедневный оборот на Гонконгской бирже составил 258,2 млрд долларов, что на 102% больше, чем за аналогичный период 2024 года (127,8 млрд долларов) [7].

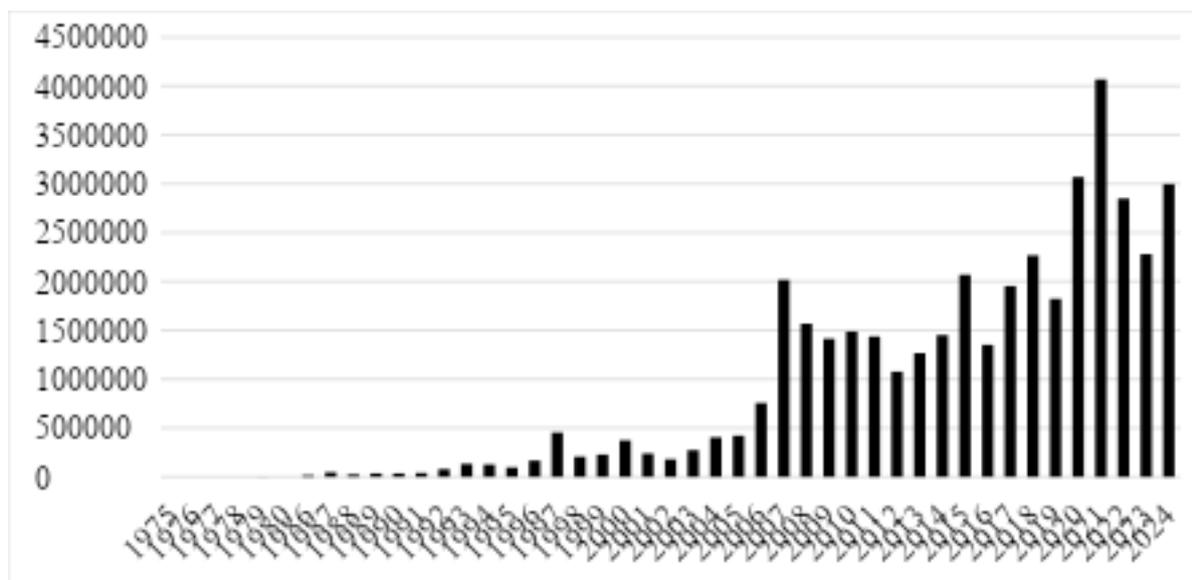

Рисунок 3 – Динамика годового торгового оборота на Гонконгской бирже (млн долл.)

Источник: составлено авторами по данным Годового объема торгов фондовых бирж. URL: <https://statbase.ru/datasets/business-and-investments/value-of-share-trading/> [7]

Это объясняется тем фактом, что Гонконг — один из ведущих международных финансовых центров и служит главными «финансовыми воротами» в Китай для мировых инвесторов. Ключевую роль играют мосты Shanghai-Hong Kong Stock Connect и Shenzhen-Hong Kong Stock Connect, открывающие доступ к акциям материкового Китая (А-акциям) через гонконгских брокеров. Потоки акций, направленные на юг и север, возвращение американских депозитарных расписок (ADR) и региональные IPO делают HKEX важнейшей платформой для позиционирования в Азии после Японии. Именно здесь проходят масштабные IPO китайских технологических гигантов, акции которых могут быть недоступны напрямую на материке.

Ведущей биржей в регионе на данный момент является Шанхайская биржа. Это наиболее молодая биржа, первые торги прошли в 1990 году (после перерыва с 1949 года), а на данный момент ее капитализация составляет уже 7,32 трлн долл., что ставит ее на 3 место в мировом рейтинге (2025 г). Причинами такого роста выступает серьезный рост экономики Китая (КНР по объему ВВП по паритету покупательной способности занимает первое место в мире – 38 трлн долл.), развитие

инфраструктуры и тенденции экспорта, связанные с мировым экономическим циклом. Особенностью данной биржи выступает тот факт, что она изначально создавалась как электронная. Торги ведутся исключительно через компьютеры, что позволяет торговой системе биржи производить до 16000 транзакций в секунду. По своей операционной способности биржа является одной из самых мощных в мире. Годовой объем торгов фондовой биржи Shanghai Stock Exchange за 2024 год составил 14 976 млрд долл., увеличившись с 2019 года в 1,89 раза. Максимальный оборот Shanghai Stock Exchange был достигнут в 2021 году со значением 17 441 млрд долл. [10] (рис. 4)

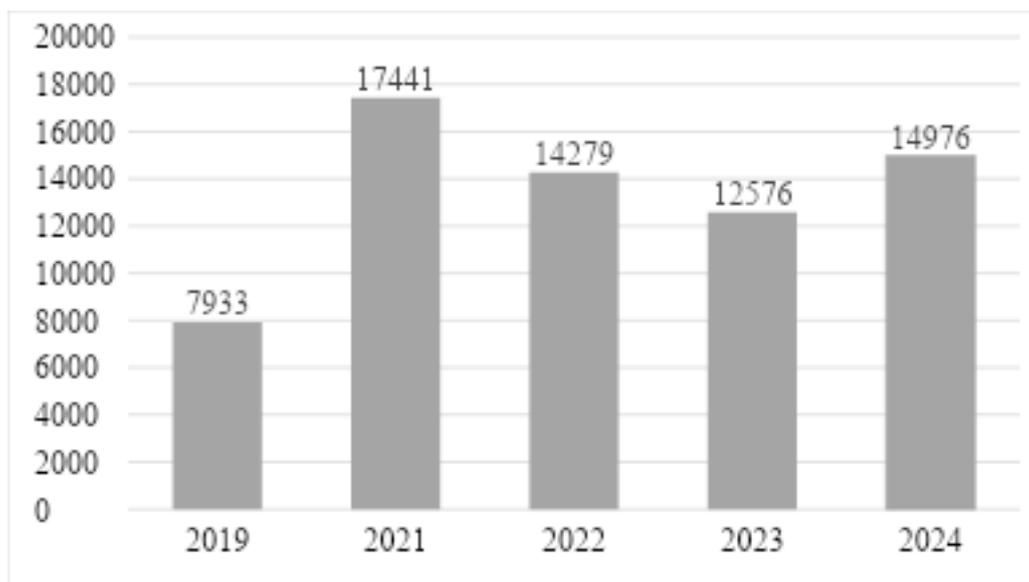

Рисунок 4 – Годовой объем торгов Shanghai Stock Exchange в млрд долл.

Источник: составлено авторами по данным Годового объема торгов фондовых бирж. URL: <https://statbase.ru/datasets/business-and-investments/value-of-share-trading/> [7]

Это универсальная биржа, где торгуются все ценные бумаги и деривативы, выступая флагманской площадкой Китая для акций государственных компаний и крупных компаний класса «А», охватывающих финансы, энергетику, промышленность и сырьевые товары. В сентябре 2024 года количество компаний, прошедших листинг на бирже, составляло 2269.

Еще одна азиатская страна, которая в последние годы показывает значимый рост экономики, что ставит ее на 3 место в мире по ВВП по ППС – Индия. В этой связи Индия входит в число стран и с самыми быстрыми темпами роста фондового рынка. Основными факторами, способствующими этому, выступают наличие местных сбережений, высокие темпы роста производства, вовлечение Индии в глобальные цепочки стоимости, адекватная денежно-кредитная политика, развитие цифровой инфраструктуры, вовлечённость внутренних и иностранных институциональных инвесторов (только в 2023 г., было проведено рекордное для всех биржевых площадок - 220 IPO), а также стабильная политика. Национальная фондовая биржа Индии (NSE) была основана в 1992 году и в настоящее время она стала важным игроком на мировой финансовой арене, [4] войдя в десятку ведущих бирж мира по капитализации. В 2025 году внутренняя рыночная капитализация данной биржи достигла приблизительно 5,16 трлн долларов США, и, по прогнозам, к 2045 году может увеличиться до 40 трлн долл. [22]. Такой рост укрепляет статус Индии среди мировых гигантов фондового рынка и свидетельствует о высоких корпоративных доходах в секторах финансов, ИТ-услуг, потребительского сектора и промышленности [23]. Национальная биржа (NSE) лидирует по объёмам торгов ценными бумагами и деривативам, охватывая широкий спектр акций компаний с высокой и средней капитализацией, что делает ее одной из крупнейших бирж деривативов в мире по объему торгов (в 2023 году было заключено почти 2 миллиарда деривативных контрактов) [15]. Она играет важную роль в развитии индийского финансового рынка, внося значительный вклад в экономическую либерализацию и интеграцию страны в мировую экономику.

Помимо рассмотренных бирж значимую роль в данном регионе играют Шэньчжэньская фондовая биржа, вторая биржа по капитализации в Китае и четвертая биржа в регионе (на октябрь 2025 года ее капитализация составила 5,86 трлн долл.), на которой котируются акции инновационных компаний, Корейская биржа, которая объединяет фондовый рынок, рынок фьючерсов и электронную торговую платформу KOSDAQ и выступает рынком для ценных бумаг промышленных технологических гигантов, Австралийская фондовая биржа, на которой котируются акции более чем 2000 компаний, Сингапурская фондовая биржа, где осуществляются в первую очередь первичные размещения ценных бумаг (IPO), а также торговля деривативами.

Таким образом, такие игроки, как Шанхайская фондовая биржа, Токийская фондовая биржа, Гонконгская фондовая биржа, Национальная фондовая биржа Индии и другие, являются движущей силой экосистемы бирж на рынках капитала Азиатско-Тихоокеанского региона. Но начинают появляться и биржи в других странах региона, они еще недостаточно известны и развиты, что говорит об их местной направленности, но в будущем, благодаря дальнейшему развитию экономики они также будут играть роль серьезных конкурентов названных бирж.

Зависимость развития азиатского фондового рынка от других фондовых рынков

Рассмотренные биржи очень серьезно интегрированы в мировой фондовый рынок и их взаимосвязи определяются комбинацией глобальных и локальных факторов, включая монетарную политику, особенно политику ФРС США, что влияет на ожидания инвестора через изменения процентных ставок, геополитику, в частности, противостояние США и КНР, торговые войны, региональные конфликты, что приводит к увеличению внешних рисков и локализации инвесторов в большей степени на региональных площадках. Все это влияет на капитализацию рынков. Однако, показателем развития бирж выступает не только капитализация, но и доходность. Изменение доходности, в свою очередь, зависит как от внутренних факторов – состояния экономики, политических, социальных, психологических, спекулятивных, так и от внешних – доходности, изменения ее на других биржах и ряда иных внешних и внутренних факторов. Для рассмотрения роли каждой биржи на мировом рынке стоит исследовать более подробно такую зависимость.

С этой целью рассмотрим коэффициент корреляции, показывающий зависимость доходности данных рынков от других рынков, результаты анализа которого за 2022 г. представлены в табл. 4.

В составе Азиатско-Тихоокеанского региона исследованы индексы 19 стран: Австралии (S&P/ASX 200), Бангладеша (Dhaka Stock Exchange 30), Вьетнама (VN Index), Гонконга (Hang Seng), Индии (Nifty 50), Индонезии (Jakarta Stock Exchange Composite Index), Казахстана (KASE), Китая (Shanghai Composite), Малайзии (FTSE Malaysia KLCI), Монголии (MNE Top 20), Новой Зеландии (NZX 50), Пакистана (Karachi 100), Сингапура (FTSE Straits Times Singapore), Таиланда (SET Index), Тайваня (Taiwan Weighted), Филиппин (PSEi Composite), Шри-Ланки (CSE All-Share), Южной Кореи (KOSPI), Японии (Nikkei 225). Состав стран и основных индексов обусловлен доступностью данных (использована информация сайта Investing.com [11]). Анализируемые данные доходности индексов Азиатско-Тихоокеанского региона соответствуют критериям стационарности (рис. 5).

Результаты анализа зависимости доходности фондовых индексов на основе коэффициента корреляции за 2022 год показывают, что сильная связь (коэффициент корреляции более 0,7) наблюдается лишь между фондовыми рынками внутри Азиатско-Тихоокеанского региона – Австралия с Южной Кореей и Японией; Тайвань с Южной Кореей и Японией; а также Южная Корея с Японией. В диапазоне коэффициента корреляции от 0,50 до 0,69 также наблюдается преимущественная связь между индексами внутри региона, за исключением рынков Индии, Таиланда и Сингапура, которые коррелируют с отдельными фондовыми индексами Европы, однако коэффициент корреляции с европейским регионом не превышает 0,56. Кроме того, рынки Индии и Таиланда из всех стран Азиатско-Тихоокеанского региона показывают наибольший объем выявленных зависимостей как внутри анализируемого региона, так и с фондовыми индексами других регионов. Слабая зависимость (коэффициент корреляции до 0,49) выявлена внутри Азиатско-Тихоокеанского региона и в большей

степени с фондовыми индексами стран других регионов. Со странами европейского региона выявлена зависимость фондовых индексов Индии, Новой Зеландии, Сингапура, Таиланда, Тайваня, Южной Кореи и Японии; с доходностью фондовых индексов стран Ближнего Востока – Австралии, Индии, Таиланда и Южной Кореи; со странами Африки – Австралии, Гонконга, Индии, Китая, Сингапура, Таиланда и Южной Кореи. Не обнаружено зависимости доходности фондовых индексов ни внутри региона, ни с фондовыми индексами стран других регионов следующих стран: Бангладеш, Вьетнам, Казахстан, Монголия, Пакистан, Филиппины и Шри-Ланка. (табл. 3)

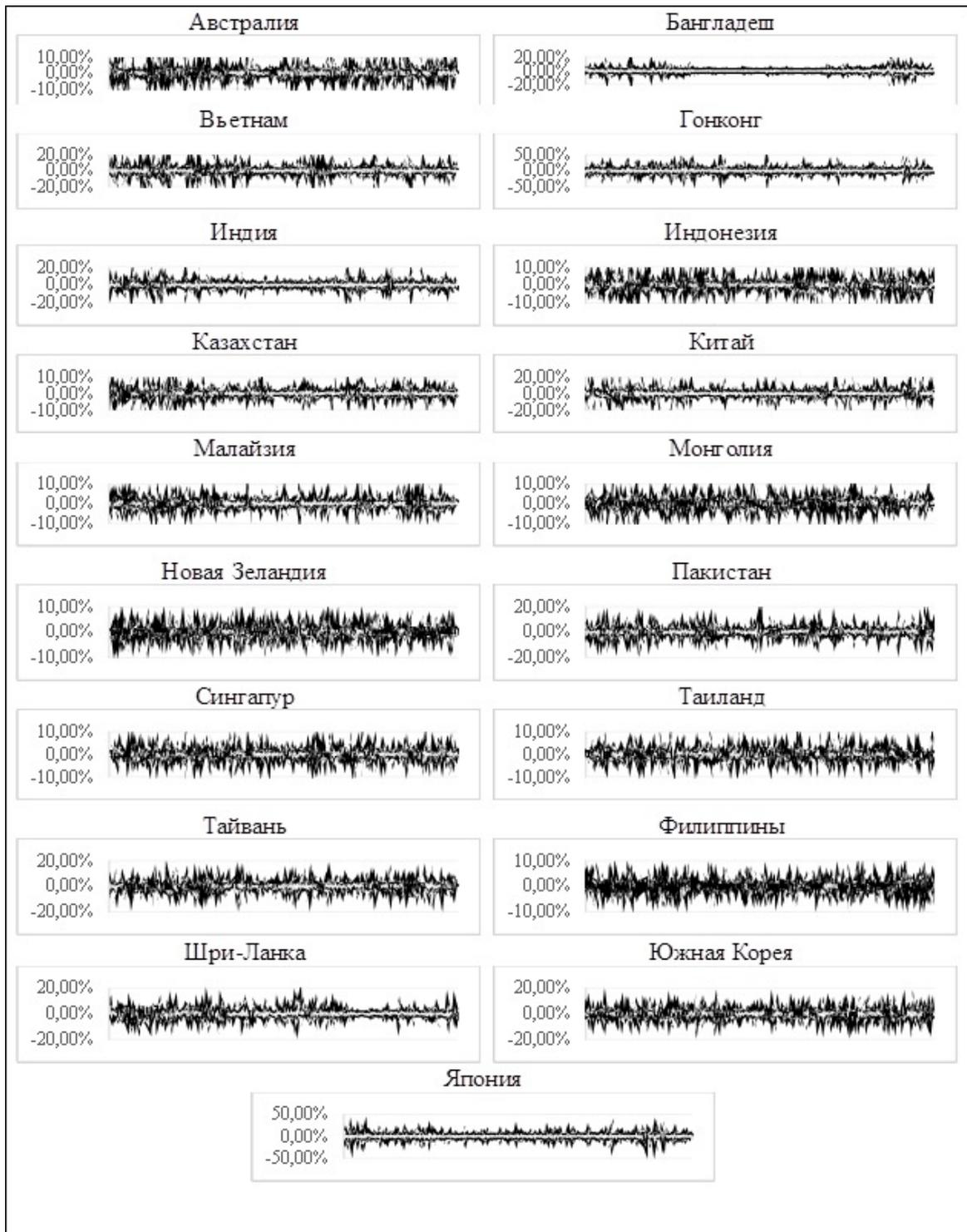

Рисунок 5 – Динамика доходности стран Азиатско-Тихоокеанского региона за период 2022–2024 гг.
 Источник: составлено авторами

Таблица 3 – Результаты корреляционного анализа зависимости доходности стран Азиатско-Тихоокеанского региона за 2022 год

Страна	Диапазон коэффициента корреляции		
	0,40-0,49	0,50-0,69	>0,70
Австралия	Гонконг (0,43), Индия (0,48), Таиланд (0,49), Катар (0,40), Южная Африка (0,43)	Новая Зеландия (0,59), Сингапур (0,54), Тайвань (0,65)	Южная Корея (0,70), Япония (0,70)
Гонконг	Таиланд (0,46), Япония (0,42), Южная Африка (0,49)	Китай (0,69), Тайвань (0,54), Южная Корея (0,54)	⊗
Индия	Индонезия (0,42), Новая Зеландия (0,47), Тайвань (0,48), Сингапур (0,48), Венгрия (0,44), Греция (0,49), Исландия (0,46), Испания (0,48), Румыния (0,49), Словения (0,47), Чехия (0,49), Швеция (0,48), Эстония (0,47), Израиль (0,42), Южная Африка (0,45)	Южная Корея (0,52), Япония (0,52), Австрия (0,52), Бельгия (0,51), Великобритания (0,52), Германия (0,52), Ирландия (0,51), Литва (0,53), Италия (0,50), Нидерланды (0,51), Польша (0,52), Финляндия (0,51), Франция (0,56), Хорватия (0,55), Швейцария (0,50)	⊗
Индонезия	Южная Корея (0,40)	⊗	⊗
Китай	Южная Корея (0,40), Тайвань (0,40), Южная Африка (0,43)	⊗	⊗
Малайзия	Таиланд (0,47), Тайвань (0,46), Япония (0,41)	Южная Корея (0,50)	⊗
Новая Зеландия	Сингапур (0,49), Таиланд (0,40), Тайвань (0,46), Южная Корея (0,44), Словения (0,43)	Япония (0,50)	⊗
Сингапур	Таиланд (0,49), Япония (0,44), Греция (0,45), Хорватия (0,48), Чехия (0,40), Южная Африка (0,40)	Гонконг (0,52), Тайвань (0,52), Южная Корея (0,52), Словения (0,54)	⊗

Страна	Диапазон коэффициента корреляции		
	0,40-0,49	0,50-0,69	>0,70
Таиланд	Япония (0,49), Бельгия (0,48), Германия (0,49), Греция (0,49), Ирландия (0,49), Исландия (0,48), Испания (0,42), Италия (0,46), Литва (0,46), Польша (0,49), Португалия (0,43), Румыния (0,43), Словения (0,43), Финляндия (0,45), Хорватия (0,49), Чехия (0,49), Швейцария (0,45), Швеция (0,43), Эстония (0,45), Израиль (0,45), Намибия (0,41), Южная Африка (0,48)	Индия (0,69), Тайвань (0,55), Южная Корея (0,57), Австрия (0,50), Великобритания (0,50), Нидерланды (0,51), Франция (0,50)	⊗
Тайвань	Словения (0,46)	⊗	Южная Корея (0,78), Япония (0,71)
Южная Корея	Словения (0,42), Катар (0,42), ОАЭ (0,41), Южная Африка (0,41)	⊗	Япония (0,72)
Япония	Словения (0,40)	⊗	⊗

Источник: составлено авторами

Наряду со значениями корреляции была проведена оценка показателя детерминации (табл. 4).

Таблица 4 – Показатель детерминации зависимости доходности стран Азиатско-Тихоокеанского региона за период 2022–2023 год

Страна	Значение коэффициента детерминации	Страна
2022 год		
Австралия	0,42	Тайвань
	0,50	Южная Корея
	0,50	Япония
Гонконг	0,48	Китай
Индия	0,48	Таиланд
Тайвань	0,60	Южная Корея
Южная Корея	0,50	Япония
	0,51	Япония
2023 год		
Гонконг	0,40	Китай

Источник: составлено авторами

В результате оценки показателя детерминации можно сделать вывод о том, что несмотря на значительный объем зависимостей по показателю корреляции, даже внутри региона показатель детерминации менее 0,5 по большинству исследуемых индексов, что говорит о слабой зависимости доходности фондовых индексов. В 2022 году наблюдается исследуемый показатель в размере 0,5 между Австралией и Южной Кореей, Австралией и Японией, Тайванем и Японией. Максимальное значение приходится на Тайвань и Южную Корею. К 2023 году наблюдается снижение уровня зависимости, максимальный показатель детерминации составляет 0,40 между Гонконгом и Китаем, по остальным странам он менее 0,40. В 2024 году коэффициент детерминации не превышает 0,40 по анализируемой выборке.

Результаты анализа зависимости доходности фондовых индексов стран за 2023 год на основе коэффициента корреляции представлены на рис. 6.

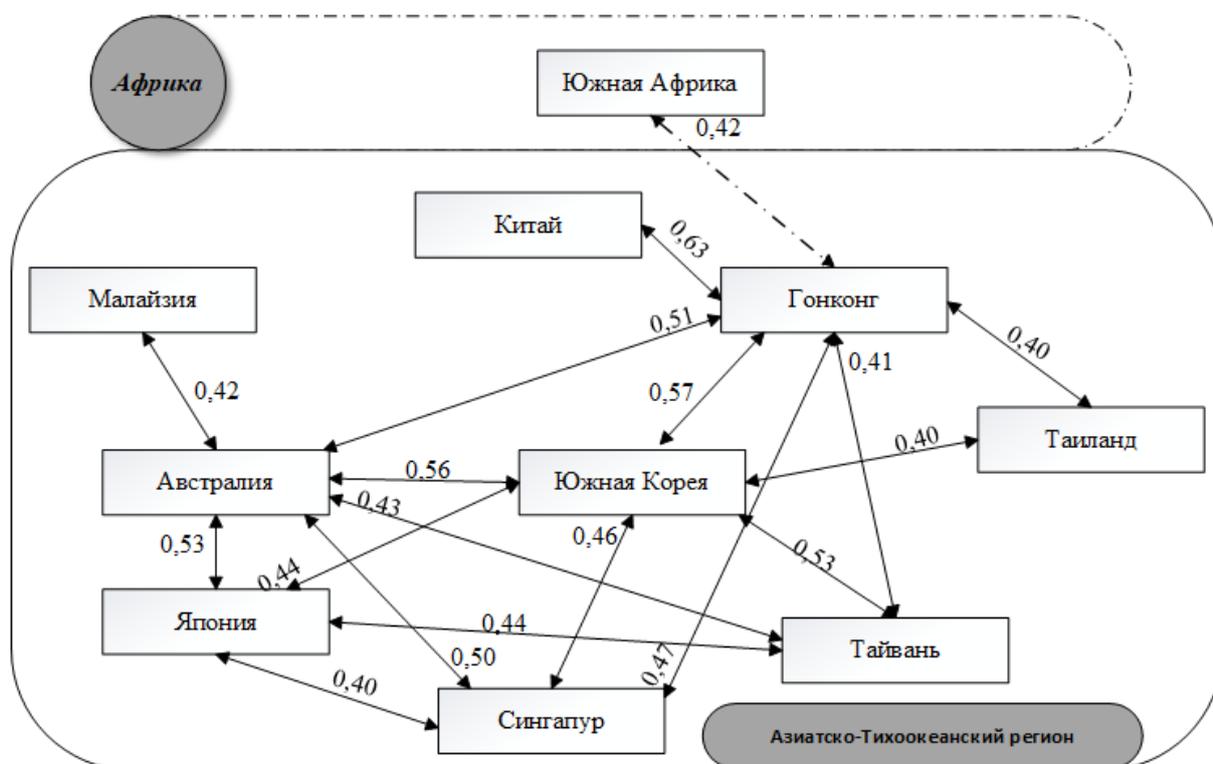

Рисунок 6 – Результаты корреляционного анализа зависимости доходности фондовых индексов стран Азиатско-Тихоокеанского региона за 2023 год

Источник: составлено авторами

Результаты корреляционного анализа зависимости доходности фондовых индексов стран Азиатско-Тихоокеанского региона за 2023 год показали, что общий уровень взаимосвязи фондовых индексов снизился как внутри региона, так и с фондовыми индексами стран других регионов. В отношении внешних по отношению к анализируемому региону стран наблюдается лишь взаимосвязь фондового индекса Гонконга с Южной Африкой, слабая связь с коэффициентом корреляции 0,42. Остальные выявленные зависимости наблюдаются лишь внутри региона. В 2023 году отсутствует сильная связь, т.е. не наблюдаются значения показателя корреляции больше 0,70. Средняя сила связи (при значениях корреляции в диапазоне 0,50-0,69) наблюдается лишь между фондовыми индексами Китая и Гонконга, Австралии и Гонконга, Австралии и Японии, Австралии и Южной Кореи, Австралии и Сингапура, Южной Кореи и Тайваня, Южной Кореи и Гонконга. Остальные зависимости характеризуются слабой силой связи. Не выявлено зависимостей с фондовыми индексами следующих стран Азиатско-Тихоокеанского региона: Бангладеш, Вьетнам, Индия, Индонезия, Казахстан, Шри-Ланка, Филиппины, Пакистан, Новая Зеландия и Монголия. Характеризуя динамику периода 2022–2023 гг. в отношении зависимости доходности фондовых индексов наблюдается процесс

регионализации и сокращение зависимости фондовых рынков как внутри Азиатско-Тихоокеанского региона, так и с фондовыми индексами стран других регионов.

В 2024 году наблюдается средняя сила зависимости стран Азиатско-Тихоокеанского региона, а именно: Австралия с Сингапуром (0,52), с Тайванем (0,51), с Южной Кореей (0,60) и с Японией (0,51); и слабая сила связи доходности фондового индекса Сингапура с доходностью фондового индекса страны европейского региона – с Австрией (0,40), а также Гонконга и Китая (0,41).

Полученные данные позволяют сделать вывод о сохранившейся тенденции к сокращению уровня корреляции между фондовыми индексами как внутри Азиатско-Тихоокеанского региона, так и с внешними по отношению к нему рынками. Данные корреляционного анализа показали, что за период 2022–2024 гг. наблюдается процесс регионализации фондовых рынков Азиатско-Тихоокеанского региона, то есть снижение зависимости от рынков как других регионов, так и внутри анализируемого. Если в 2022 году наблюдалось наличие корреляции с доходностью фондовых индексов стран Европы, Ближнего Востока и Африки (однако в основном данная зависимость характеризуется как слабая и средняя), то в 2023 году лишь с Южной Африкой, а в 2024 году – с одной европейской страной (Австрией). Эти выводы подтвердились при оценке коэффициента детерминации, значение которого выше 0,40 лишь при исследовании зависимости доходности стран внутри анализируемого региона, в 2023 году лишь между Гонконгом и Китаем, а в 2024 году зависимости не выявлено.

Заключение

Таким образом, стоит отметить, что в настоящее время Азиатско-Тихоокеанский регион является самым быстрорастущим регионом по объемам торговли не только традиционными ценными бумагами, но и котируемыми деривативами, что увеличивает интерес к торговле в этом регионе среди европейских собственных торговых фирм и хедж-фондов. Развитие бирж с такой высокой капитализацией не может быть обособленной, они достаточно тесно взаимосвязаны между собой и эта зависимость проявляется в некоторых направлениях, одним из которых выступает доходность данных бирж.

В настоящее время азиатский фондовый рынок характеризуется несколькими основными чертами:

- фрагментация, как страновая, так и региональная, проявляющаяся, как было отмечено выше, в различии развития биржевых рынков, что препятствует расширению финансовых рынков и услуг, возможности внутри региональной мобилизации сбережений для растущих инвестиционных потребностей;

- достаточно высокая уязвимость к колебаниям финансовых условий, что связано с импортом рядом региональных экономик средств за пределами региона;

- развитие в условиях сильной неопределенности. Несмотря на развитие экономик, достаточно высокие темпы роста ВВП и увеличение ПИИ в указанные страны, геополитическая нестабильность и высокие процентные ставки ограничивают приток инвесторов на данные рынки;

- высокая технологичность рынка, что можно рассматривать с двух точек зрения – как наличие высокой доли высокотехнологичных компаний на данном рынке, среди них Taiwan Semiconductor (Тайвань), Tencent Holdings LI (КНР), ALIBABA GRP HLDG (HK) (КНР), Samsung Electronics CO (Южная Корея), Toyota Motor Corp (Япония), Sony Group Corp (Япония) и ряд других, так и высокой технологичностью самих бирж;

- международный характер и значимая роль в мировом финансовом рынке;

- выраженная региональная направленность, в частности, Гонконгский рынок является своеобразным «мостиком» между севером и югом.

Выявленные особенности фондового рынка оказывают серьезное влияние на развитие мирового фондового рынка, они становятся более самостоятельными и, как показал анализ, в большей степени коррелируют с рынками внутри региона, нежели с рынками других стран и регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акинин П.В., Болдарева Ю.О. Концептуальные аспекты диверсификации российского фондового рынка в современных геополитических условиях // *Финансы и кредит*. – 2016. – Т. 22. – № 45 (717). – С. 2-19.
2. Ali A., Bansal M. Impact of upward and downward earnings management on stock returns // *South Asian Journal of Business Studies*. – 2023. – Vol. 12. – Iss. 2. – P. 202-219. DOI: 10.1108/SAJBS-12-2020-0417.
3. Аржаев Ф. И. Роль азиатских финансовых институтов в трансформации мировой финансовой архитектуры: диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.14 / Аржаев Федор Игоревич; [Место защиты: ФГОБУ ВО Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации]. - Москва, 2021. - 296 с. : ил.
4. Вержаковская М.А., Аксинина О.Сю, Гуменникова Ю.В., Королекв А.А. Анализ и оценка состояния финансовых рынков Индии в контексте новых экономико-политических реалий// *Экономические отношения*. – 2026.т. 16, №2 – DOI 0.18334/eo.16.2.123650. –EDN GNKDIF
5. Володина, А. О., Траченко М. Б., Огороков В. Л. Факторы принятия инвестиционных решений на фондовых рынках африканского региона// *Экономика и предпринимательство*. – 2025. – № 11(184). – С. 313-317. – DOI 10.34925/EIP.2025.184.11.049. – EDN DLRORT.
6. World Federation of Exchanges. URL: <https://www.world-exchanges.org>
7. Годовой объем торгов фондовых бирж. URL: <https://statbase.ru/datasets/business-and-investments/value-of-share-trading/>
8. Гузикова Л.А., Вэньи Чжан Вопросы исследования взаимосвязи международных фондовых рынков// *Вестник Алтайской академии экономики и права*, № 9 (часть 1), сентябрь 2023 г.
9. Guru V.K., Yadav I.S. Stock market integration and volatility spillovers: new evidence from Asia-Pacific and European markets// *Journal of Risk Finance*. 2023. № 24(2). С. 186-211. DOI: 10.1108/JRF-03-2022-0065.
10. Демина, Я. В. Финансовые рынки стран Восточной Азии: интеграция и конвергенция / Я. В. Демина // *Пространственная экономика*. – 2016. – № 3. – С. 81-104. – DOI 10.14530/se.2016.3.081-104. – EDN WMRCPL.
11. Investing. URL: <https://ru.investing.com/indices/world-indices>
12. Капитализация фондовых бирж. URL: <https://statbase.ru/datasets/business-and-investments/capitalization-of-stock-exchanges/?syear=2024&frmreq=0&sproc=sum&filter=&sort=>
13. Kumar M. From pandemic to war: dynamics of volatility spillover between BRICS exchange and stock markets // *Journal of Economic Studies*. – 2024. – Vol. 51 – Iss. 3. – P. 528-545. DOI: 10.1108/JES-02-2023-0064.
14. Куракин Роман Сергеевич Биржевые рынки государств Азии, Австралии и Тихого Океана: монография / Р. С. Куракин. - Москва: ИНФРА-М, 2020. - 593, [1] с.; 22 см. - (Научная мысль. Финансы); ISBN 978-5-16-10800-9
15. Largest derivatives exchanges worldwide in 2022 and 2023, by number of ETDs contracts traded URL: [statista.com](https://www.statista.com)
16. Ленков И.Н. Особенности финансового рынка КНР и США: компаративный анализ // *Финансы, деньги, инвестиции*. 2025. №1. С. 3-10. DOI 10.36992/2222-0917_2025_1_3
17. Малкина М. Ю. Финансовое заражение российского фондового рынка от европейского в период пандемии COVID-19 // *Финансовый журнал*. – 2024. – Т. 16. – № 2. – С. 27-42. DOI: 10.31107/2075-1990-2024-2-27-42.
18. MSCI AC Asia Pacific Index// URL: <https://www.msci.com/documents/10199/156aff0d-3d08-47c9-aa87-52701a5153d6>
19. Ниязбекова Ш.У. Фондовый рынок зарубежных стран: объемы, контракты, показатели// *Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции* - 2018 - №1 с. 137-149
20. Ноздрев С. В. Новый этап формирования финансовых рынков в странах Азии: аналитический

доклад / Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук. - Москва : ИМЭМО РАН, 2018. - 83 с. : табл.; 30 см.; ISBN 978-5-9535-0541-3

21.Хэ Х., Галынис К.И. Тенденции развития и направления взаимодействия фондовых рынков России и Китая / Человек. Общество. Инклюзия. – 2024. – Т. 15. – № 2. – С. 56-69. DOI: 10.24412/2412-8139-2024-2-56-69.

22.Фондовый рынок Индии может вырасти в десять раз в ближайшие 20 лет// БКС-экспресс. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/fondovyi-rynok-indii-mozhet-vyrasti-v-desiat-raz-v-blizhaishie-20-let>

23.10 крупнейших фондовых рынков мира, за которыми должен следить каждый инвестор | EBC Financial Group

24.Chen M., Zhou Y. The dynamic interdependence structure and risk spillover effect between Sino-US stock market// International Journal of Emerging Markets. 2024 №19 (10). С.2734-2777. DOI: 10.1108/IJOEM-04-2022-0654.

25.Sharma R., Aggarwal P. Impact of mandatory corporate social responsibility on corporate financial performance: the Indian experience // Social Responsibility Journal. – 2022. – Vol. 18. – Iss. 4. – P. 704-722. DOI: 10.1108/SRJ-09-2020-0394.

26.S&P Global <https://www.spglobal.com/spdji/en/indices/equity/sp-asia-pacific-largemidcap/#data>

Asia-Pacific stock exchanges: interdependence of stock index returns

Volodina Anastasia Olegovna

Candidate of Economic Sciences

State University of Management, Moscow, Russian Federation

E-mail: ao_volodina@guu.ru

Trachenko Marina Borisovna

Doctor of Economic Sciences, Professor

State University of Management, Moscow, Russian Federation

E-mail: mb_trachenko@guu.ru

Starodubtseva Elena Borisovna

Doctor of Economic Sciences

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: ebstarodubtseva@fa.ru

KEYWORDS

stock exchanges, return correlation, stock indices, investors, stock market, Asia-Pacific region

ABSTRACT

A comprehensive study of the development of the Asia-Pacific region is motivated by the significant results demonstrated by countries in this region in recent decades. Investors from all continents are particularly interested in the development of the Asia-Pacific stock market, which is comprehensively characterized in this article, including its development history, key features, sectoral and country index structure, and market capitalization dynamics across the region's exchanges. The objective of this study is to test the hypothesis of mutual influence among Asia-Pacific exchanges and to comparatively analyze the statistical significance of these mutual influences both within the region and with other regions. The study focuses on the exchanges of nineteen Asia-Pacific countries, and examines the interdependence of exchange returns. The analyzed data on Asia-Pacific index returns meet the stationarity criteria. Based on the statistical analysis conducted in this article, the results indicate a strong correlation only in 2022 and only between certain stock markets within the Asia-Pacific region. A weak correlation was generally observed both within the Asia-Pacific region and with stock indices in other regions. The results of the correlation analysis for the period 2022–2024 showed that the level of correlation between stock indices decreased both within the Asia-Pacific region and with stock indices in other regions, reflecting the process of stock market regionalization. The obtained results can be used in investment decision-making by a wide range of actors. In the future, it would be advisable to conduct a causal study of the identified relationships and to systematize and identify the most significant factors influencing the interdependence of stock index returns.

Исследование взаимосвязи роста производительности труда и изменения возрастного распределения населения в странах постиндустриального мира: тенденции и прогноз

Чурилова Ирина Геннадьевна

Кандидат педагогических наук, доцент

Российский государственный университет туризма и сервиса, г. Подольск, Российская Федерация

E-mail: igchurilova@gmail.com

Матризаев Бахадыр Джуманиязович

Кандидат экономических наук, доцент

Российский государственный университет туризма и сервиса, г. Подольск, Российская Федерация

E-mail: matrizaev@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

совокупная факторная производительность, демографический синдром, трудовой потенциал, человеческий капитал, макроэкономическое управление, институциональные реформы, экономическая динамика

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются результаты теоретико-методологического и эмпирического исследования макроэкономических и финансовых последствий отдельных демографических синдромов постиндустриального мира и их влияния на управление трудовым потенциалом в отдельных странах через призму человеческого капитала. В частности, в статье рассматриваются состояние и перспективы старения населения и вызванное им снижение доли рабочей силы и их влияние на макроэкономическую динамику и финансовую устойчивость в странах постиндустриального мира, характеризующимися самыми высокими темпами старения населения в мире. Также, данная статья вносит вклад в понимание того, как старение населения может повлиять на совокупную факторную производительность через отдельные элементы человеческого капитала. В то время как в других отдельных исследованиях фокус внимания был направлен на общую тенденцию снижения доли труда в ВВП, оценка макроэкономических и финансовых последствий такой тенденции остаётся недостаточно изученным. В этих целях в статье основываясь на количественной модели общего равновесия жизненного цикла проводится количественный анализ влияния снижения доли труда на макроэкономические переменные и реформы системы социального обеспечения. В частности, исследование основывается на модели пересекающихся поколений, параметры которой адаптированы к отдельным странам постиндустриального мира, при этом моделируя влияние различных институтов человеческого капитала, таких как медицинское страхование и пенсионное обеспечение и др. Эмпирические данные, показывают, что снижение доли труда может быть возмещено сочетанием соответствующего макроэкономического управления и институциональными реформами, что в конечном счёте может способствовать восстановлению макрофинансовой устойчивости в странах характеризующихся старением населения и высоким уровнем государственного долга.

JEL codes: F39, F37, G15

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-1-108-121>

Для цитирования: Чурилова, И.Г. Исследование взаимосвязи роста производительности труда и изменения возрастного распределения населения в странах постиндустриального мира: тенденции и прогноз / И.Г. Чурилова, Б.Д. Матризаев. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 1. – С.108-121. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2026)

Введение

Старение населения является определяющим демографическим синдромом постиндустриального мира. Исходя из сложившегося и прогнозируемого соотношения людей пожилого возраста в развитых странах, можно ожидать что число людей в возрасте 65 лет и старше на 100 человек в возрасте от 15 до 64 лет неуклонно росло с 1950 года и, по прогнозам, будет увеличиваться и дальше. Согласно прогнозам ООН [34], к 2030 году численность населения США составит 30 человек в возрасте 65 лет и старше на 100 человек в возрасте от 15 до 64 лет, в то время как в странах Западной Европы и Японии, по прогнозам, показатели будут еще выше и составят 40 на 100 и 50 на 100 человек соответственно.

Старение может повлиять на производственный потенциал экономики по нескольким каналам. Хорошо известно и документально подтверждено [25], что старение снижает совокупный объем производства, сокращая количество отработанных часов. Некоторые исследователи [27], [28], [29] также обнаружили, что старение влияет на совокупное предложение капитала посредством принятия домохозяйствами решений о сбережениях и внедрения фирмами технологий автоматизации. Менее очевидно, влияет ли старение населения на совокупную факторную производительность и если да, то каким образом. Отдельные исследователи [27], [28], [29] приводят убедительные эмпирические доказательства того, что старение населения снижает совокупную факторную производительность в странах с развитой экономикой, включая Японию, но умалчивает о механизмах.

Данное исследование вносит вклад в понимание того, как старение населения может повлиять на совокупную факторную производительность, используя модель, в которой отдельные элементы человеческого капитала, такие как предпринимательские способности и альтернативные издержки становления предпринимателями определяют трудовой потенциал страны. Это, в свою очередь, влияет на совокупную факторную производительность через распределение управленческих способностей между людьми, которые решают стать предпринимателями.

Статья начинается с исследования теоретико-методологических основ оценки влияния изменения трудового потенциала на макроэкономическую и финансовую динамику, используя данные о большом количестве фирм в отдельных странах. В частности, обнаружено, что, например, в Японии, в стране с самым высоким уровнем старения населения, объемы продаж фирм и выручка на одного работника зависят от возраста предпринимателя, сначала увеличиваясь, а затем снижаясь с возрастом. Эти взаимосвязи между результатами деятельности фирмы и возрастом предпринимателей позволяют контролировать различные аспекты человеческого капитала предпринимателя, такие как образование, и характеристики фирмы, такие как возраст фирмы.

Для объяснения выявленной закономерности и анализа общей эффективности экономики в исследовании была использована модель профессионального выбора в условиях общего равновесия [8], [9], [32]. Согласно этой модели, решение об открытии собственного дела принимается индивидом с учётом трёх ключевых параметров: во-первых, его управленческого потенциала; во-вторых, альтернативных возможностей трудоустройства (потенциального дохода по найму); в-третьих, финансовые выгоды и государственная поддержка, получаемые компаниями в процессе трудоустройства специалистов управленческого звена.

Результаты исследования показали характерную динамику: численность предпринимателей в возрастных группах растёт приблизительно до 65-летнего рубежа, после чего наблюдается постепенное сокращение их доли в старших возрастных категориях.

Мы исходим из предположения, что фактор старения населения влияет на все три перечисленные составляющие. Согласно использованной модели, распределение указанных трех компонентов по возрастному критерию формирует как вероятность выбора предпринимательского пути в различные периоды жизни, так и показатели масштаба и эффективности компаний под руководством бизнесменов. Калибровка модели проводилась с учетом двух выявленных закономерностей: криволинейной связи между эффективностью бизнеса и возрастными характеристиками его владельцев, а также аналогичной нелинейной зависимости предпринимательской вовлеченности

от возраста индивидов, которые были описаны ранее. Третьим элементом выступают финансовые выгоды (включая государственную поддержку и расходные статьи), связанные с привлечением сотрудников на управленческие позиции.

В процессе сопоставления теоретической модели с фактическими показателями выяснилось, что связь между навыками ведения бизнеса и упущенными возможностями при выборе предпринимательского пути имеет куполообразную траекторию на протяжении жизненного цикла. Результаты показали: максимум управленческого потенциала приходится приблизительно на пятидесятилетний рубеж, тогда как наибольшие упущенные выгоды от ухода в предпринимательство наблюдаются десятилетием ранее — к сорока годам. В рамках данной концепции наивысшая предрасположенность к открытию собственного дела проявляется в шестом десятилетии жизни, что объясняется существенным падением альтернативных потерь после сорокалетия, которое перевешивает постепенное ослабление административных компетенций.

В исследовании используется откалиброванная модель для количественной оценки того, как старение населения влияет на объем производства на душу населения и совокупную факторную производительность в зависимости от выбора предпринимателей. Вместе с тем учитывается прогноз будущего распределения населения по возрасту в отдельных странах, составленный Организацией Объединённых Наций (ООН) [34]. В используемых моделях сохраняется фиксированная численность всего населения, чтобы любые совокупные последствия демографических изменений были обусловлены старением, а не изменением численности населения. Результаты количественного анализа показывают, что старение населения оказывает экономически значимое негативное воздействие на главный макроэкономический индикатор - совокупный объем производства на душу населения, но этот негативный эффект в основном обусловлен снижением эффективности труда на душу населения, а не снижением совокупной факторной производительности. Таким образом, по крайней мере, в ближайшем будущем ожидается, что механизм, которому посвящено данное исследование, будет играть определённую количественную роль.

Данная статья основана на недавних исследованиях [6], [11], [30], [31] авторы которых в своих работах подтверждают эмпирическую взаимосвязь между человеческим капиталом и трудовым потенциалом в отдельных развитых и быстрорастущих развивающихся странах постиндустриального мира. Например, типичные быстрорастущие предприятия в США основаны людьми среднего возраста, а предприятия, созданные людьми среднего возраста, с большей вероятностью достигают высоких темпов роста. Что касается Японии, то обнаружена взаимосвязь между возрастом менеджеров и результатами деятельности фирмы, на основе которого выдвинута гипотеза о том, что менеджеры среднего возраста добиваются наилучших результатов, поскольку обладают наилучшим сочетанием различных особенностей человеческого капитала, включая управленческие навыки. Между тем, другие отдельные исследователи обнаружили, что производительность руководителей может повышаться с возрастом благодаря накопленному опыту, в то время как у молодых менеджеров может быть больше идей и креативности.

Теоретико-методологические основы оценки влияния изменения трудового потенциала на макроэкономическую и финансовую динамику

В последние годы растет обеспокоенность по поводу тенденции снижения доли труда в ВВП в большинстве постиндустриальных стран мира.

Исследования долгосрочного экономического развития большинства постиндустриальных стран показывают [11], [21], [22], что рост во многих странах ОЭСР и некоторых быстрорастущих странах с рыночной экономикой труд как фактор производства со временем начинает терять свою значимость, поскольку население стареет, а численность рабочей силы начинает сокращаться, достигая в отдельных случаях отрицательных значений.

Обращаясь к отдельным исследованиям следует отметить, что, в частности, Т. Пикети [33] используя данные французских налогоплательщиков, указал, что с момента начальных периодов

промышленной революции в данной стране темпы роста доходности на капитал превышали темпы экономического роста, что со временем привело к увеличению доли капитала в ВВП и снижению доли рабочей силы. Хотя результаты исследований по развитым странам разнообразны, существует множество результатов, указывающих на общую тенденцию к снижению доли рабочей силы [28], [31]. Однако в контексте макроэкономического развития оставалось неясным, каково было конечное влияние снижения доли рабочей силы на отдельные макроэкономические индикаторы.

Далее, в своих работах М. Элсби [20], а также Б. Нейман [28] исследовали вопросы снижения доли рабочей силы в Соединенных Штатах, выделяя при этом важность технического прогресса. Известно, что с развитием технологий часть рабочей силы была заменена капиталом. По мере того как относительная стоимость физических инвестиций снижалась, а капитал в области информационно-коммуникационных технологий становился более доступным, некоторые из ранее выполнявшихся простых задач живого труда начали заменяться овеществленным трудом, т.е. капиталом. Более того, в условиях глобализации основное бремя трудоемкого производства взяли на себя развивающиеся страны, в то время как развитые страны стали поставщиками капиталоемкой продукции, взамен импортируя трудоемкие товары. Благодаря технологическому прогрессу в развитых странах увеличилась отдача капитала, что подталкивало их к снижению доли рабочей силы [10], [12].

Напомним, что трудоемкость определяется как отношение расходов на оплату труда работников к ВВП или национальному доходу. В свою очередь, оплата труда работников - это общая величина дохода от труда для всех работников в стране. Другими словами, заработная плата работников - это сумма доходов от труда людей с различным уровнем квалификации с точки зрения возраста и компетенций (человеческого капитала или уровня образования) [2], [3], [5]. Возможно, поэтому объяснимо, что во многих странах доля труда в ВВП не обязательно оставалась постоянной на протяжении десятилетий. Это объясняется тем, что рынки труда в отдельных развитых странах, включая Европу и Восточную Азию, стареют. Кроме того, во многих странах количество молодых людей, поступающих в колледжи имеет тенденцию к росту, что привело к появлению более образованной рабочей силы, что свидетельствует о росте роли человеческого капитала [14], [16].

Результатом данной тенденции стало то, что на трудоемкость влияет распределение населения. Если бы все работники были полностью взаимозаменяемы, доля рабочей силы оставалась бы неизменной до тех пор, пока общее количество часов, затраченных на оплату труда, оставалось постоянным [1], [4], [15]. Однако в действительности имеет место то, что живой труд со временем становится легко заменяем капиталом. Следовательно, демографические изменения напрямую влияют на состояние трудового потенциала [17], [18], [25].

С точки зрения демографических изменений наиболее показательным примером является Япония, которая характеризуется наиболее высокими темпами старения населения и снижающимся уровнем рождаемости в мире. Результатом таких негативных тенденций стало то, что коэффициент пожилых людей, находящихся на иждивении, т.е. доля лиц в возрасте 65 лет и старше среди работающего населения, является самым высоким среди развитых стран.

Более того, коэффициент рождаемости остается значительно ниже коэффициента воспроизводства, равного 2,06, что затрудняет перспективы улучшения ситуации со старением населения и снижением рождаемости. Между тем, прогрессирующее старение населения и снижение рождаемости также приводят к ухудшению макрофинансовой устойчивости, поскольку демографические тенденции сильно влияют на такие жизненно важные системы социального обеспечения, как государственная пенсионная система, системы медицинского страхования и др. [7]

В целом, поскольку значительная часть социальных расходов в основном приходится на пожилых людей, старение населения при снижении рождаемости ускоряет ухудшение макрофинансовой стабильности. Вследствие продолжительной стагнации и прогрессирующего старения населения при снижении рождаемости соотношение уровня государственного долга Японии к ВВП является самым высоким среди развитых стран, и в мире целом.

Далее в статье, приводятся результаты эмпирического анализа и оценка макроэкономических и финансовых последствий обозначенных выше демографических синдромов постиндустриального мира и их влияния на управление трудовым потенциалом в отдельных странах через призму человеческого капитала. Кроме того, приводится оценка влияния снижения трудового потенциала на налоговую реформу.

В этих целях далее в статье основываясь на количественной модели общего равновесия жизненного цикла приводятся результаты количественного анализа влияния снижения доли труда на макроэкономические переменные и реформы системы социального обеспечения. Проведенный количественный анализ основывается на модели пересекающихся поколений, параметры которой адаптированы к отдельным странам постиндустриального мира, при этом моделируя влияние различных институтов человеческого капитала, таких как медицинское страхование и пенсионное обеспечение и др.

При этом, альтернативные варианты калибровки были использованы в модели для базового прогноза таким образом, чтобы она соответствовала взаимосвязи между возрастом и отдельными показателями производительности фирм, рассчитанной с использованием фактических данных за период с 2010 по 2025 гг., и взаимосвязи между возрастом и уровнем предпринимательской активности. Предполагается, что параметры откалиброванной модели остаются неизменными в течение всего периода прогнозирования. Нет гарантии, что параметры останутся неизменными, и если они не будут постоянными, то, разумеется, результаты могут отличаться от прогнозируемых значений. Существует множество факторов, влияющих на макроэкономическую динамику, и поскольку расчет всех вариаций с учетом всех факторов затруднил бы исследование, в статье представлены результаты для наиболее оптимистичного сценария с макрофинансовой точки зрения, а именно для высокого уровня рождаемости и высокой смертности, и для пессимистичного сценария с низким уровнем рождаемости и низкой смертности. Для того, чтобы проверить, насколько прогнозные значения чувствительны к различным наборам оценок, были проведены две альтернативные калибровки, отличные от базовых.

Наконец, необходимо отметить, что количественное моделирование таких эндогенных факторов является сложной задачей, особенно в контексте применяемой нами всеобъемлющей модели пересекающихся поколений [13]. Эта проблема усугубляется трудностью надлежащей калибровки параметров предложения труда в соответствии с целевыми императивами. Поэтому в исследовании преобладает подход, при котором параметр фактора капитал рассматривается как экзогенно изменяющийся с течением времени, что позволяет в исследовании сосредоточиться на макроэкономических и фискальных последствиях изменений параметров фактора труда, а не на их основных детерминантах. Применение данного методологического подхода в исследовании способствует поиску ответа на главный вопрос о том, как снижение параметров фактора труда вследствие влияния отдельных демографических синдромов постиндустриального мира как старение населения, определяет макрофинансовую стабильность и влияет на управление трудовым потенциалом в постиндустриальных странах через призму человеческого капитала, что является основным вкладом данного исследования.

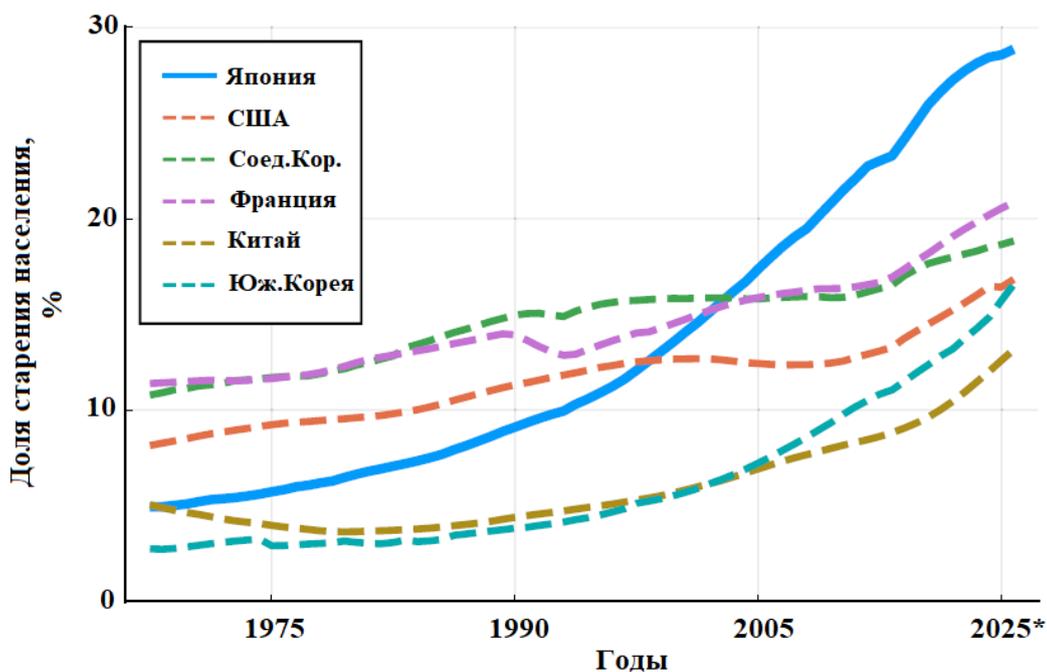
Эмпирический анализ количественной модели и оценка прогнозируемых макроэкономических и финансовых последствий

Количественная модель, используемая в данном исследовании, строилась на основе допущения, в которой отдача от предпринимательской деятельности зависит от возраста человека. В результате калибровки, применённой в используемой модели, удалось выявить три источника неоднородности в зависимости от возраста. Во-первых, распределение управленческих способностей различается в зависимости от возрастной группы. Это может быть связано с неодинаковым опытом, образованием, склонностью к внедрению новых технологий и т.д. Во-вторых, альтернативные издержки предпринимательской деятельности различаются в зависимости от возраста. Это также отражает

возрастные различия в стоимости труда, которые могут зависеть от наличия человеческого капитала и рабочей силы, имеющегося в стране.

Эти три выявленные источники неоднородности позволяют модели учитывать различия в отдельных показателях производительности труда фирм, а также взаимосвязь между склонностью к предпринимательству и возрастом отдельных лиц. Вполне объяснимо, что человек решает стать предпринимателем только если выгоды от ведения бизнеса превышают альтернативные издержки. Следовательно, неоднородность альтернативных издержек в разбивке по возрасту помогает объяснить взаимосвязь между размером фирмы и возрастом предпринимателей, в то время как управленческие способности предпринимателей по отношению к альтернативным издержкам определяют склонность к предпринимательству. Возрастной разрыв в предельных издержках создает зависимость между производительностью и возрастом предпринимателя, предполагая, что фирмы обладают одинаковым качеством рабочей силы.

Далее, таким же образом, в результате калибровки, применённой в используемой модели, были рассчитаны прогнозные значения старения населения, темпов роста производительности труда вследствие изменения возрастного распределения населения в странах постиндустриального мира начиная с 2025 года до 2035 года, а также до 2025 года, как показано на рисунках 3 и 4.

*2025 год- оценочные данные

Рисунок 1 – Темпы роста старения населения в отдельных постиндустриальных странах, %

Источник: [34]

Как показано на рисунке 3, темпы роста производительности труда в странах постиндустриального мира к 2035 году по сравнению с 2025 годом снизятся на 1,87%, что эквивалентно снижению на 0,11% в год. Это снижение в основном будет обусловлено сокращением предложения рабочей силы. Следовательно, темпы роста совокупной факторной производительности соответственно будут снижаться на 1 базисный пункт в год. Как видно, влияние производительности труда на показатель совокупной факторной производительности незначительно, поскольку распределение врожденных управленческих способностей примерно симметрично в возрасте около 50 лет. Старение населения, которое, как утверждает эксперты ООН, началось в 2018 году и продолжится до 2035 года, сократит долю предпринимателей в возрастных группах до 50 лет, но увеличит долю предпринимателей старше 50 лет.

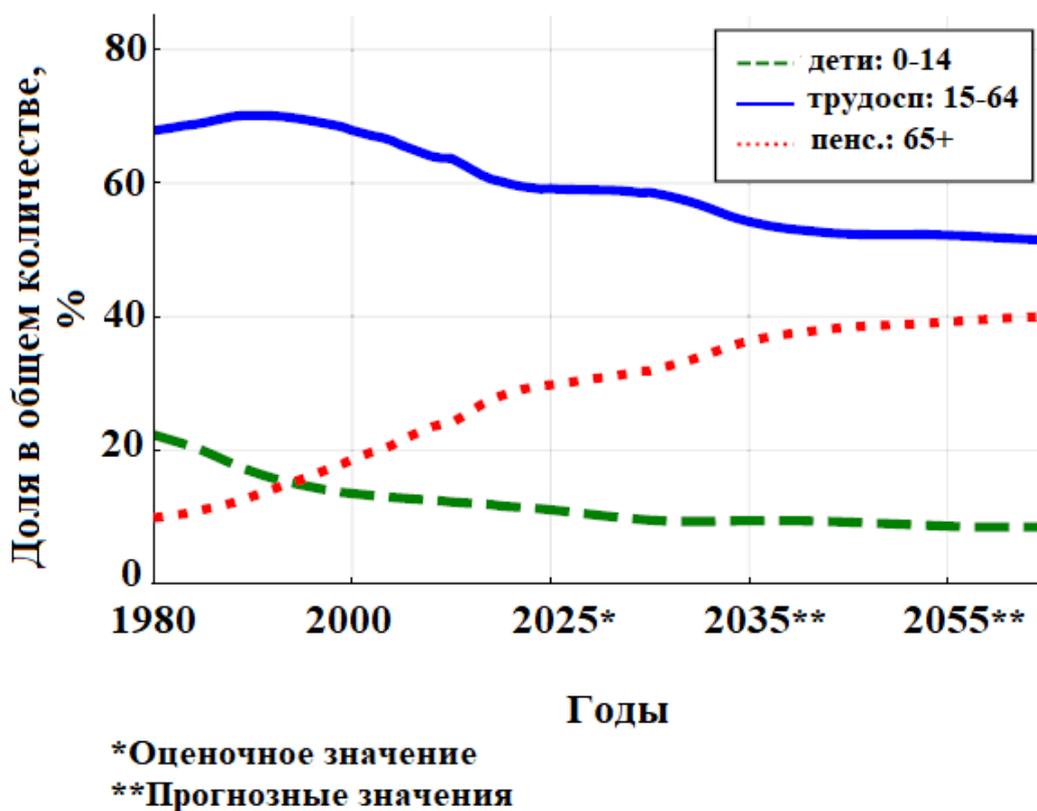

Рисунок 2 – Прогнозные значения доли отдельных категорий в общем количестве населения, %
Источник: [34]

Рисунок 3 – Прогнозные значения темпов роста производительности труда вследствие изменения возрастного распределения населения в странах постиндустриального мира, 2025-2035 гг., %
Источник: [34]

1

Рисунок 4 – Прогнозные значения темпов роста производительности труда вследствие изменения возрастного распределения населения в странах постиндустриального мира, 2025-2055 гг., %
 Источник: [34]

На рисунке 4 показано распределение производительности труда и населения по возрасту в аналогичных странах за 2025 и 2055 годы. В 2055 году распределение по возрасту будет сильно отличаться от распределения по возрасту в 2025 году. Такое резкое изменение в распределении населения приведёт к снижению темпов роста производительности труда на 0,09 процента в год по сравнению с 2025 годом, причем в основном это связано с сокращением предложения рабочей силы.

Между тем, альтернативные варианты калибровки были использованы в модели для базового прогноза таким образом, чтобы она соответствовала взаимосвязи между возрастом и отдельными показателями производительности фирм, рассчитанной с использованием фактических данных за период с 2010 по 2025 гг., и взаимосвязи между возрастом и уровнем предпринимательской активности. Предполагается, что параметры откалиброванной модели остаются неизменными в течение всего периода прогнозирования. Нет гарантии, что параметры останутся неизменными, и если они не будут постоянными, то, разумеется, результаты могут отличаться от прогнозируемых значений. Существует множество факторов, влияющих на макроэкономическую динамику, и поскольку расчет всех вариаций с учетом всех факторов затруднил бы исследование, в статье представлены результаты для наиболее оптимистичного сценария с макрофинансовой точки зрения, а именно для высокого уровня рождаемости и высокой смертности, и для пессимистичного сценария с низким уровнем рождаемости и низкой смертности. Для того, чтобы проверить, насколько прогнозные значения чувствительны к различным наборам оценок, были проведены две альтернативные калибровки, отличные от базовых.

Результаты такой калибровки показывают, что уровень предпринимательской активности физических лиц выше у лиц в возрасте от 55 до 60 лет, но ниже у лиц старше 65 лет, если использовать соотношение между возрастом и уровнем предпринимательской активности, наблюдавшееся за 2010-2025 гг. Чтобы соответствовать этой альтернативной взаимосвязи между возрастом и предпринимательской деятельностью, модель должна предусматривать более высокие потенциальные предпринимательские способности для лиц в возрасте от 55 до 60 лет, и более низкие способности для лиц старше 65 лет. Когда эта альтернативная модель проецируется на 2035 и 2055 годы, то видно, как эти изменения почти нивелируются, и результаты возвращаются к прогнозу,

аналогичному прогнозу с использованием базовой модели. Таким образом, можно констатировать, что результаты прогнозной модели не будут чувствительны к будущим изменениям в соотношении между возрастом и уровнем предпринимательства, если диапазон будущих изменений значительно превысит изменения, которые наблюдались в последние 15 лет.

Хотя модель Кобба–Дугласа, которая обычно используется в экономической теории, предполагает экзогенные параметры переменной рабочей силы, стоит отметить, что доля рабочей силы потенциально может изменяться эндогенно под воздействием демографических и технологических переменных. Например, в производственной функции, включающей взаимодополняемость человеческого капитала и профессиональной компетенции, предложенной З. Гриlichem [26], совокупная доля рабочей силы зависит от относительного количества квалифицированных и неквалифицированных работников. В таких экономических системах демографические изменения - в частности, изменения в уровне образования и возрастной структуре – могут влиять на совокупность факторов производства. Вновь обращаясь к примеру Японии, можно отметить, что значительный рост числа обучающихся в колледжах Японии, примерно с 14% для лиц, родившихся в 1950 году, до более чем 50% за последние десятилетия, свидетельствует о том, как с течением времени меняется состав профессиональных навыков, что оказывает влияние на динамику рабочей силы.

С точки зрения макрофинансовых последствий, результаты количественного анализа показывают следующее. Исходя из численных результатов можно предположить, что в случае если параметры фактора труда останутся неизменными, макрофинансовые условия будут ухудшаться по мере старения населения и снижения рождаемости, что указывает на необходимость повышения налоговой нагрузки более чем на 20% для поддержания макрофинансовой устойчивости. Вместе с этим базовым сценарием было выявлено, что при уменьшении доли рабочей силы с одновременным увеличением доли капитала произойдет влияние эффекта экономии налогов, эквивалентной более чем 3% налоговой нагрузке. Кроме того, увеличение доли капитала приведёт к усилению эффекта частичного сокращения государственных пенсий, что дает ожидаемый эффект экономии налогов, эквивалентной более чем 12%-ной налоговой нагрузке. Как правило, на практике на это в значительной степени влияет рост доходов и потребления пожилых людей, связанный с увеличением доли капитала. Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что снижение параметров фактора труда не только одномоментно негативно повлияет, но и может привести к еще большим негативным макрофинансовым последствиям в долгосрочной перспективе.

Далее, в отдельных сценариях используемой модели можно увидеть, насколько макроэкономические переменные испытывают сильное влияние при снижении доли рабочей силы и с изменением налоговой нагрузки. В базовом сценарии мы придерживались допущения, что доля капитала остается неизменной на уровне 0,4254 в 2025 году. Гипотетически предположим, что доля капитала линейно увеличивается со значения 0,4254 в 2025 году до 0,4554 к 2055 году. Модель показывает, как изменяются процентная ставка, совокупные активы экономики, объем производства и налоговая нагрузка по сравнению с базовыми показателями на 2035 и 2055 годы.

По мере увеличения доли капитала совокупные активы будут увеличиваться за счет стимулирования накопления капитала [19], [23]. При этом можно предположить, что даже если доля капитала может начать увеличиваться уже с 2025 года, последствия этого постепенного увеличения доли капитала станут заметны только после 2055 года, что обусловлено временем, необходимым для накопления капитала. Поскольку общее предложение рабочей силы является экзогенным, то увеличение запаса капитала напрямую приведёт к увеличению объема производства. Несмотря на увеличение общего капитала, процентная ставка незначительно изменится по сравнению с базовым сценарием, и это связано с эффектом увеличения стоимости самой доли капитала. В дальнейшем, по мере увеличения доли капитала, налоговая нагрузка, необходимая для сбалансированности государственного бюджета, вероятно будет снижаться. Хотя до 2035 года эффект от данных мер будет минимальным, но к 2055 году это приведет к снижению налоговой нагрузки более чем

на 3 процентных пункта. Это опять же объясняется тем, что увеличение доли капитала будет способствовать накоплению капитала, что приводит к увеличению объема производства [24].

Далее в исследовании рассматривается, как повышение налоговой нагрузки, в том числе на доходы физических лиц, так и сокращение реальной страховой части пенсий, может повлиять на макрофинансовую стабильность. В частности, хотя в краткосрочной перспективе возможно обе меры могут способствовать улучшению бюджетного баланса, однако, в долгосрочной перспективе эти две меры по-разному влияют на накопление капитала. Сокращение государственных пенсий стимулирует сбережения более молодое поколение для обеспечения будущих расходов, в то время как повышение налогов на рабочую силу сокращает источник сбережений и, таким образом, препятствует накоплению капитала. Следовательно, их влияние на реальную норму прибыли будет также противоположно. Опять же, в используемой модели эффект от сокращения государственных пенсий в отдельных странах особенно значителен, при этом ожидаемый эффект снижения налоговой нагрузки составит примерно 12 процентных пунктов при увеличении доли в капитале. Это явление можно объяснить двумя факторами: усилением мотивации к сбережениям в результате снижения доходов после выхода на пенсию и увеличением доходов от капитала пожилого населения из-за более высокой доли капитала, что приводит к увеличению расходов этой демографически значимой группы. И наоборот, хотя увеличение налоговой нагрузки доходов физических лиц приводит к снижению потребления, его влияние менее выражено, чем сокращение государственных пенсий. Увеличение налоговой нагрузки для физических лиц представляет собой налогообложение источника сбережений для молодых поколений, тем самым сокращая располагаемый доход и негативно влияя на накопление капитала. Тем не менее, поскольку увеличение доли капитала стимулирует дальнейшее накопление капитала, совокупный эффект в конечном итоге положительно сказывается на накоплении капитала в долгосрочной перспективе.

Макрофинансовая направленность таких мер представляет собой некую дихотомию. С одной стороны, это связано с тем, что меры, направленные на сокращение текущих государственных пенсионных выплат, может привести к снижению благосостояния пожилых людей, и, учитывая, что нынешнее демографическое распределение постиндустриальных стран смещено в сторону пожилого населения, можно сказать, что социальная целесообразность вызывает серьезное сомнение. С другой стороны, возможно принятие мер в отношении пенсионной системы для будущих поколений, не изменяя существующий механизм государственной пенсионной системы. Однако такой подход привел бы к возникновению так называемой проблемы «двойного бремени». Иными словами, независимо от того, какой подход будет использоваться, добиться улучшения по теореме Парето, которое повысило бы благосостояние всех поколений, будет чрезвычайно сложно, и страны могут оказаться перед необходимостью выбора модели распределения бремени между поколениями.

Заключение

В данной статье были рассмотрены результаты исследования и сравнительного количественного анализа влияния отдельных демографических факторов на управление трудовым потенциалом в отдельных странах постиндустриального мира через призму человеческого капитала и их макроэкономические и финансовые последствия, в том числе с использованием модели общего равновесия жизненного цикла.

Выводы, полученные в результате исследования указывают на ряд важных последствий формируемой траектории развития экономики постиндустриальных стран. Во-первых, снижение доли рабочей силы в составе макроэкономических драйверов не обязательно является исключительно пагубным фактором, поскольку оно может способствовать дополнительной экономии за счет увеличения прибыли на капитал, тем самым потенциально способствуя смягчению макрофинансовых проблем. Во-вторых, сокращение государственных пенсий в отдельных странах с одновременным ростом доли накоплений потенциально может привести к дальнейшему снижению налоговой нагрузки. В долгосрочной перспективе увеличение доли капитала будет способствовать накоплению

капитала, что приведёт к увеличению объема производства.

Тем не менее, для достижения этих результатов необходимо выполнение нескольких предварительных условий. Прежде всего, номинальные процентные ставки в постиндустриальных странах остаются значительно низкими, а в отдельных странах центральные банки в настоящее время только начали постепенно отходить от политики нулевых процентных ставок. До тех пор, пока не будет соответствующая структура рынка капитала, адекватно обеспечивающая доходность сбережений, ожидаемый эффект от стимулирования сбережений не может быть реализован.

Эмпирические данные, показывают, что снижение доли труда может быть возмещено сочетанием соответствующего макроэкономического управления и институциональными реформами, что в конечном счёте может способствовать восстановлению макрофинансовой устойчивости в странах характеризующихся старением населения и высоким уровнем государственного долга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базуева Е. В., Буторина О. В., Степаненко В. А. «Человеческий капитал и неравенство: новые управленческие вызовы для экономики регионов России» // «Проблемы развития территории». – 2023. – том 27. - №4 - с. 32–51.
2. Бодрова М. И. «Человеческий капитал и социальная ответственность — источники для формирования высокоэффективной организационной культуры» // «Креативная экономика». - 2019. - №9. - с.1635-1649
3. Габдуллин Н. М. «Современные подходы и методы измерения человеческого капитала» // «Вопросы инновационной экономики». - 2018. - №4. – с. 785–798
4. Дробот Е. В., Макаров И. Н., Рязанцева Е. А., Филоненко Н. Ю., Крылова А. Д. «Человеческий капитал и ресурс доверия в контексте групп и индивидов» // «Лидерство и менеджмент». - 2019. - №2. – с. 61–72
5. Карташова Л. В., Савочкин А. В. «Совершенствование измерения и оценки человеческого капитала как фактора развития организации» // «Лидерство и менеджмент». - 2023. - №1. – с. 311–330
6. Коростелева В. В. «Проблемы измерения влияния человеческого капитала на производительность» // «Лидерство и менеджмент». - 2025. - №5. – с.1225-1245
7. Матризаев Б.Д. Исследование теоретико-методологических аспектов концептуальной и эмпирической взаимосвязи проинновационной макрофинансовой политики и долгосрочного экономического роста /Б.Д. Матризаев. - Текст: электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №11. - с.42-54.
8. Парсонс Т. О социальных системах /Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический Проект, 2002 – 832 с.
9. Пряжников, Н.С. Профессиональное и личностное определение [Текст] / Н.С. Пряжников. – Воронеж, 1996
10. Троицкая А. А. «Конкурентоспособный человеческий капитал работника: проблемы формирования и реализации» // «Экономика труда». - 2019. - №2. – с.647-658
11. Abrha T. G., Weldeyohan, B. T. The Role of Human Capital in Economic Development: A Theoretical Analysis. Journal of Human Resource Management, 13(2), 30-35, 2025
12. Boschma R., Heimeriks G., & Balland P. A. Scientific knowledge dynamics and relatedness in biotech cities. Res. Policy, 43, 107–114, 2014.
13. Campante F., Sturzenegger F. and Velasco A. Advanced Macroeconomics: An Easy Guide. Ch. 8. ‘Overlapping generations models’, pp. 115–134. London: LSE Press, 2021. DOI: <https://doi.org/10.31389/lsepress.ame.h> License: CC-BY-NC 4.0.
14. Conradie P., & Choenni S. On the barriers for local government releasing open data. Government Information Quarterly, 31, S10–S17, 2014
15. Cooke P. Cleantech and an analysis of the platform nature of life sciences: Further reflections upon platform policies. Eur. Plan. Stud. 16(3), 375–393, 2008.
16. Cooke P., & Morgan K. The associational economy. Oxford: Oxford University Press, 1998
17. Czarnitzki D., Lopes-Bento C. Innovation subsidies: does the funding source matter for innovation intensity and performance? Empirical evidence from Germany. Ind. Innov. 2014. 21 (5), 380–409.
18. D’Este P., Rentocchini F, Vega-Jurado J. The role of human capital in lowering the barriers to engaging in innovation: evidence from the Spanish innovation survey. Ind. Innov. 2014. 21 (1), 1–19.
19. De Long J.B., Summers L.H., How strongly do developing economies benefit from equipment investment? J. Monet. Econ. 1993. 32 (3), 395–415.
20. Elsby M., Hobbijn B., Sahin A. The decline of the U.S. labor share. Brookings Pap. Econ. Act. Fall, 1–63, 2013
21. Etzkowitz H., & Leydesdorff L. The dynamics of innovation: From National Systems and “Model 2” to a Triple Helix of university-industry-government relations. Res. Policy, 29(2), 109–123, 1998.

22. Fagerberg J., Mowery D. C., & Nelson R. R. *The Oxford Handbook of Innovation*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2005.
23. Fereday J., & Muir-Cochrane, E. Demonstrating rigor using thematic analysis: A hybrid approach of inductive and deductive coding and theme development. *International Journal of Qualitative Methods*, 5(1), 80–92, 2006.
24. Florida R., Mellander C. The city as innovation machine. *Reg. Stud.* 51, 86–96, 2017.
25. Federico Rossi, Michael Weber. *The Accumulation and Utilization of Human Capital over the Development Spectrum*. World Bank Group. People Practice Group Human Capital Project 10891, September, 2024
26. Griliches Z. Capita-skill complementarity. *Rev. Econ. Stat.* 51, 465–468, 1969
27. Hsu, M., Yamada, T. Population aging, health care and fiscal policy reform: The challenges for Japan. *Scand. J. Econ.* 121 (2), 547–588, 2019
28. Karabarbounis, L., Neiman, B. The global decline of the labor share. *Q. J. Econ.* 129 (1), 61–103, 2014
29. Klaus Gründler, Niklas Potrafke. *Population Aging, Retirement, and Aggregate Productivity*. CESifo Working Papers, ISSN 2364-1428
30. Mohamed Fathy Abdelgany, Amira Abdelmoez Saleh. Human Capital and Labour Productivity: Empirical Evidence from Developing Countries. *International Journal of Economics, Finance and Management Sciences*. Vol. 10, No. 4, 2022, pp. 173-184. doi: 10.11648/j.ijefm.20221004.13
31. Nicole Maestas, Kathleen J. Mullen, David Powell. The effect of population aging on economic growth, the labor force and productivity. National bureau of economic research. Working Paper 22452
32. Super D. «A life-span, life-space approach to career development» // *Journal of Vocational Behavior*, 1980, 13, 382–398
33. Piketty, T., 2014. *Capital in the Twenty-First Century*. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge.
34. United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2024). *World Population Prospects 2024: Summary of Results (UN DESA/POP/2024/TR/NO. 9)*

Research on the relationship between labor productivity growth and changes in the age distribution of the population in the post-industrial world: trends and forecast

Churilova Irina Gennadyevna

Doctor of Pedagogics, Associate Professor
Russian University on Tourism and Services, Podolsk, Russian Federation
E-mail: igchurilova@gmail.com

Matrizaev Bahadyr Jumaniyazovich

Doctor of Pedagogics, Associate Professor
Russian University on Tourism and Services, Podolsk, Russian Federation
E-mail: matrizaev@mail.ru

KEYWORDS

cumulative factor
productivity, demographic
syndrome, labor
potential, human
capital, macroeconomic
management, institutional
reforms, economic dynamics

ABSTRACT

The article examines the results of a theoretical, methodological and empirical study of the macroeconomic and financial consequences of certain demographic syndromes of the post-industrial world and their impact on labor potential management in individual countries through the prism of human capital. In particular, the article examines the state and prospects of population aging and the resulting decline in the share of the workforce and their impact on macroeconomic dynamics and financial stability in the post-industrial world, characterized by the highest rates of population aging in the world. This article also contributes to understanding how population aging can affect aggregate factor productivity through individual elements of human capital. While other individual studies have focused on the general downward trend in the share of labor in GDP, the assessment of the macroeconomic and financial consequences of such a trend remains poorly understood. To this end, based on a quantitative model of the general equilibrium of the life cycle, the article provides a quantitative analysis of the impact of a decrease in the share of labor on macroeconomic variables and reforms of the social security system. In particular, the study is based on the model of intersecting generations, the parameters of which are adapted to individual countries of the post-industrial world, while modeling the impact of various institutions of human capital, such as health insurance and pension provision, etc. Empirical evidence shows that the decline in the labor share can be offset by a combination of appropriate macroeconomic management and institutional reforms, which can ultimately contribute to restoring macro-financial stability in countries characterized by an aging population and high levels of public debt.

Макроэкономические факторы промышленного роста в Республике Казахстан: анализ взаимосвязей и тенденций

Ашимова Жанна Рахимовна

кандидат экономических наук, ассистент-профессор,
Алматинский технологический университет, г. Алматы, Республика Казахстан
E-mail: zhanna_15@bk.ru

Абитов Жанай Зулкарнаинович

Магистрант,
Kcell, г. Алматы, Республика Казахстан
E-mail: abitovpro@gmail.com

Абитова Диана Зулкарнаиновна

программист,
Amazon, Восточный Пало-Альто, Калифорния, США
E-mail: abitova97@mail.ru

Уристебек Амина Мухтаровна

Магистрант, начальник отдела экспортных продаж
ТОО Dolce, г. Алматы, Республика Казахстан
E-mail: abitova97@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

индустриализация,
макроэкономика,
производительность,
инвестиции, экспорт,
субсидии, модернизация,
конкурентоспособность,
диверсификация,
устойчивость

АННОТАЦИЯ.

В условиях нестабильной внешнеэкономической конъюнктуры, геополитических вызовов и продолжающихся структурных преобразований в экономике Казахстана всесторонний анализ факторов, определяющих промышленный рост и устойчивость производственного сектора, имеет особое значение. Целью исследования является выявление характера, направленности и силы взаимосвязей между промышленным производством и ключевыми макроэкономическими детерминантами, что позволяет нам определить приоритетные направления промышленной политики. Эмпирическая база исследования основана на официальных статистических данных за 2000-2024 годы, что обеспечивает репрезентативность и достоверность выводов. Методологический подход основан на корреляционном и трендовом анализе, а также SWOT- и PEST-диагностике, что позволило охватить как количественные, так и качественные аспекты влияния инвестиционной, экспортной, трудовой и институциональной составляющих на динамику промышленности. Результаты исследования показали, что наибольшее положительное влияние на промышленное производство оказывают государственные субсидии (коэффициент корреляции 0,7592), уровень заработной платы (0,7126), валовой выпуск товаров и услуг (0,6587) и валовое накопление (0,6552). Чистый экспорт имеет умеренную положительную корреляцию (0,6463), в то время как инвестиции в основной капитал демонстрируют слабую текущую корреляцию (0,092), что указывает на вероятный отложенный эффект. SWOT-анализ выявил сильные стороны отрасли, включая богатую ресурсную базу и значительную государственную поддержку, а также слабые стороны, связанные с зависимостью от ресурсов и технологическим отставанием. PEST-анализ подтвердил высокую чувствительность промышленного сектора к нестабильности цен и валютных курсов. Сделан вывод о необходимости комплексного применения инвестиционных, фискальных и институциональных инструментов, направленных на стимулирование устойчивой индустриализации, ускорение технологического обновления и укрепление международной конкурентоспособности казахстанской промышленности.

JEL codes: E22, O14, O47, C10

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-1-120-139>

Для цитирования: Ашимова, Ж. Макроэкономические факторы промышленного роста в Республике Казахстан: анализ взаимосвязей и тенденций / Ж. Ашимова, Ж. Абитов, Д. Абитова, А. Уристебек. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 1. – С.120-139. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 31.01.2026)

Introduction

The industrial sector of Kazakhstan is a key part of the country's economic system. Its development directly affects the growth rate of GDP, the level of employment and the quality of the economic structure. At the same time, industry simultaneously acts as a source of stability and a zone of vulnerability of the economy. Maintaining and increasing its potential requires a systematic understanding of the factors that determine the dynamics of production.

The modern global economy is characterized by a high degree of uncertainty. Global markets are unstable, and fluctuations in commodity prices are becoming more pronounced. Disruptions to supply chains caused by geopolitical and technological changes are creating new barriers to industrial growth. For Kazakhstan, which accounts for a significant part of its industrial exports in raw materials, these factors pose a particular threat.

The relevance of the study is determined by the fact that in conditions of high external dependence, the industrial sector remains sensitive to global shocks and currency fluctuations. This is compounded by structural limitations, such as low production diversification, technological backwardness, and limited opportunities for rapid modernization. Without an accurate understanding of which macroeconomic factors have the greatest impact on industrial growth, it is impossible to form an effective long-term development strategy. In such a situation, mistakes in economic policy priorities can lead to a loss of competitive advantages, increased vulnerability, and a weakening of the country's position in international markets.

Internal conditions are also not always conducive to accelerating industrial modernization. The wear and tear of production facilities in many industries exceeds acceptable levels, which constrains labor productivity. The innovative activity of enterprises remains at a limited level. High dependence on external demand and narrow diversification of the export basket increase macroeconomic risks.

The socio-economic environment creates additional pressure. Inflationary processes and instability of the national currency increase the costs of enterprises. The shortage of qualified personnel, especially in the engineering and technical field, makes it difficult to introduce modern technologies and automate production processes.

Under these conditions, a scientific problem is emerging related to the lack of certainty in assessing the impact of key macroeconomic factors on industrial growth. Existing approaches produce scattered results, and the impact of individual factors manifests itself with a time lag, which complicates the development of timely regulatory measures.

The lack of a single scientifically based model for assessing the relationship between industrial production and parameters such as investment, exports, wages, government subsidies, and gross savings creates risks for long-term planning. Without a comprehensive understanding of these relationships, it is impossible to form an effective industrial policy capable of adapting to changing conditions of the external and internal environment.

Thus, the need for an in-depth study of the macroeconomic determinants of industrial growth is dictated by both external challenges and internal constraints. Solving this scientific problem will allow us to develop tools aimed at sustainable industrialization, increasing the technological level and strengthening the competitiveness of Kazakhstan's industry in the long term.

LITERARY REVIEW

The problems of financial and investment aspects in the context of innovative development are widely represented in modern scientific literature. Numerous studies point to a close relationship between financial literacy, innovation, and sustained economic growth. It is especially important to consider these issues in the context of industrial development, where innovation becomes a catalyst for production efficiency and increased competitiveness.

Research highlights the role of innovation, finance, and sustainable development as key areas influencing macroeconomic indicators such as economic growth, employment, productivity, and investment activity. The innovative transformation of the financial system, including digitalization, financial technologies, and the development of investment infrastructure, is considered as the basis for the transition to a sustainable model of industrial growth.

The works of such authors as Melnyk et al. (2021, 2022), Hrytsenko et al. (2021), Huseynova & Huseynov (2023), focus on the regional heterogeneity of innovative development and the need for integrated management solutions. It is taken into account that coordinated actions by the government, business and the scientific and educational environment are necessary to activate innovation activity (Sotnyk, 2012; Shkarupa et al., 2022).

The digital economy is considered as the basis of modern industrial transformation. Chen et al. (2023), Pakhnenko & Kuan (2023) highlight the impact of digital innovations on public administration, financial services development, and ethical challenges of digitalization. In turn, Oloveze et al. (2022), Didenko et al. (2022) explore the development of innovations in healthcare, including issues of financing and accessibility.

A number of studies (Liu, 2023; Kaya et al., 2023; Njegovanović, 2023) raise issues of integration of financial technologies (fintech), technological innovations and transformation of investment policy. Considerable attention is paid to intellectual property, international cooperation, marketing, and educational aspects (Samoilikova & Artyukhov, 2023; Yu et al., 2023; Nahla, 2023).

A special place is occupied by the analysis of cause-and-effect relationships between investments, financial development and the level of innovation activity. Leonov et al. (2012), Pradhan et al. (2018), Islam et al. (2018) and others emphasize the need to form a sustainable financial policy aimed at stimulating innovation and increasing economic efficiency. It is noted that there is a need to eliminate financial imbalances and strengthen the role of fiscal policy (Voznyak et al., 2021).

The formation of an effective investment environment requires an analysis of investment attractiveness, the development of innovation financing institutions, including pension and venture funds, as well as specialized banks (Kolodiziev, 2021; Moskalenko et al., 2022; Kozmenko & Vasyl'yeva, 2008).

The purpose of this study is to identify the cause-and-effect relationships between financial and investment indicators and the level of innovation development in the leading countries on the Global Innovation Index and the Republic of Kazakhstan, with an emphasis on the industrial sector.

Summarizing the results of existing research, it can be concluded that industrial development is the result of the complex impact of economic, technological, institutional and social factors. Their integration into government policies and corporate strategies determines the economy's ability to adapt to the challenges of the global environment.

The purpose of the study is to identify and quantify the key macroeconomic factors determining the dynamics of industrial production in the Republic of Kazakhstan, taking into account institutional, investment and technological conditions.

Research hypotheses:

H1: Government subsidies have a sustained positive impact on industrial production.

H2: Investments in fixed assets have a positive deferred effect on industrial growth.

H3: Wages are positively linked to industrial output through stimulating domestic demand.

H4: Net exports have a variable impact depending on the external economic environment.

METHODS

The official statistical data of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan (Bureau of National Statistics) for 2000-2024 were used for the analysis. These data ensure the

reliability, regularity of updates, and representativeness of the sample.

The study includes the following macroeconomic indicators: the volume of industrial production in value terms; investments in fixed assets;

net exports; wages in the income generation account; subsidies for production and imports; gross fixed capital formation.

All indicators are shown at comparable prices using deflators to exclude the impact of inflation.

The examination procedure includes several stages.

Stage 1. Trend analysis.

At the first stage, the dynamics of time series of indicators was studied. Tables of annual values were constructed to determine: steady growth; periods of volatility; cyclical; acceleration or deceleration phases.

Stage 2. Correlation analysis.

Next, the Pearson paired linear correlation method was applied. It allows you to determine the direction and strength of the relationship between variables, provided that the distribution is normal and the dependence is linear. The dependent variable was the volume of industrial production, while the independent variables were investment, net exports, wages, subsidies, and gross savings.

The calculations were based on annual data.

Stage 3. SWOT analysis.

Based on statistical data and expert assessments, the strengths and weaknesses of the industrial sector, as well as external opportunities and threats, have been identified. A SWOT matrix has been compiled that integrates internal and external development factors.

Stage 4. PEST Analysis.

The structuring of political, economic, social and technological factors affecting industrial production has been carried out. This stage was based on the principles of strategic monitoring of the macro environment.

Stage 5. Diagnosis of problems and formation of recommendations

The final stage included the systematization of the identified barriers to sustainable growth: insufficient investment efficiency; lagging technological modernization;

foreign trade imbalances; institutional constraints.

Based on the results, recommendations have been developed to overcome them.

The integration of quantitative analysis methods (trend and correlation) with strategic diagnostic tools (SWOT, PEST) made it possible to comprehensively assess the impact of macroeconomic factors on the development of Kazakhstan's industry. This approach ensured both the statistical validity of the conclusions and their practical applicability.

RESULTS

The analysis revealed a number of objective relationships between macroeconomic indicators and the volume of industrial production in the Republic of Kazakhstan. The processing of statistical data presented in Table 1 and Table 2 confirmed the presence of stable trends and logical relationships significant for assessing the country's industrial potential.

The following results were found:

- the volume of industrial production demonstrates stable positive dynamics;
- fixed capital investments have a weak current relationship with industrial output ($r = 0.1092$);
- net exports have a moderately strong positive effect on industrial output ($r = 0.6463$);
- remuneration positively correlates with industrial growth ($r = 0.7126$), reflecting the impact of consumer demand and employment;
- gross economic output is closely related to industrial production ($r = 0.6587$);
- gross capital formation also shows a stable relationship with output ($r = 0.6552$);
- employment in the «industry and construction» sector has little impact ($r = 0.2293$), which may indicate an increase in labor productivity or automation;
- subsidies for production and imports have a pronounced positive impact on output ($r = 0.7592$).

Trend analysis made it possible to record a steady increase in wages, gross output, gross savings and subsidies, which together creates favorable conditions for industrial growth. At the same time, the volatility of net exports due to foreign economic factors remains.

The weak short-term correlation between investment and output deserves special attention, which requires taking into account time lags in assessing investment efficiency. Subsidies have proven effective as a support tool: their growth is clearly accompanied by an increase in industrial production. The growth of wages forms not only social stability, but also stimulates domestic demand.

The identified dependencies confirm the importance of the integrated impact of macroeconomic regulators on industrial dynamics. The results obtained can serve as the basis for: improving the effectiveness of investment policy; improving subsidy instruments; stimulating export-oriented production; balanced employment planning and technological modernization of the industry.

Thus, the data of Tables 3 and 4 objectively prove that the growth of industrial production requires not only an increase in investment, but also the coordinated action of fiscal, export and institutional mechanisms.

Table 1 - Analysis of the dynamics of the volume of industrial production (goods, services), investments in fixed assets, net exports and wages in Kazakhstan

Indicator:	The volume of production of industrial products (goods, services), in value terms	Investments in fixed assets	Net exports	Remuneration in the income generation account
Unit of measurement:	Thousands of tenge Kazakh	Thousands of tenge Kazakh	Million tenge Kazakh	Million tenge Kazakh
KSP code (Classifier of Statistical indicators):	15110101	161101	111108	111301
Periodicity:	Year	Year	Year	Year
Classifications:	Regions: REPUBLIC OF KAZAKHSTAN, Types of economic activity: Industry	Type of locality and administrative division: Total, The size of legal entities, branches and representative offices, as well as individual business entities by the number of employees: Total, Types of costs in the volume of investments in fixed assets: Total	Classifications: Regions: REPUBLIC OF KAZAKHSTAN	Classifications: Regions: REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
Region				
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN				
2009	9.121.524.692	-	1.345.437,1	5.765.398,7
2010	12.105.526.379	-	-	7.492.514,9
2011	15.929.051.568	-	-	9.225.682,3
2012	16.851.774.700	-	-	10.133.606,0
2013	17.833.994.143	-	-	11.060.875,8
2014	18.529.225.136	-	5.440.144,5	12.474.013,6
2015	14.931.378.263	-	1.628.696,0	13.161.352,4
2016	19.026.781.141	7.762.302.972	1.585.830,9	14.253.989,5

Indicator:	The volume of production of industrial products (goods, services), in value terms	Investments in fixed assets	Net exports	Remuneration in the income generation account
2017	22.790.208.553	8.770.572.291	4.334.058,8	16.610.443,3
2018	27.218.063.341	11.179.036.042	7.246.783,0	18.825.518,4
2019	29.380.341.614	12.576.793.455	5.576.070,0	21.199.133,2
2020	27.028.505.532	12.270.144.010	2.848.124,8	22.038.361,4
2021	37.606.242.930	13.242.233.420	7.237.563,5	26.151.537,8
2022	48.777.088.630	15.251.104.090	15.361.139,2	31.556.468,9
2023	46.991.786.662	17.649.312.955	8.321.390,4	36.821.377,3
2024	51.469.083.552	19.461.332.759	8.219.347,6	42.403.123,3

Table 2 – Analysis of the dynamics of gross output, gross accumulation, subsidies for production and imports, employed population in the group «industry and construction» in Kazakhstan

Indicator:	Gross output in the account of goods and services	Gross accumulation	Subsidies for production and imports	Employed population in the industry and construction group
Unit of measurement:	Tenge Kazakh	Million tenge Kazakh	Million tenge Kazakh	Person
KSP code (Classifier of Statistical indicators):	111101	111106	111306	25120104
Region				
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN				
2009	30.746.805.500.000,0	5.002.725,3	25.989,4	1.473.108
2010	-	-	60.484,8	1.518.590
2011	-	-	80.340,3	1.574.342
2012	-	-	97.924,3	1.648.876
2013	-	-	91.525,0	1.699.117
2014	61.860.129.600.000,0	10.232.495,4	116.315,0	1.768.677
2015	63.958.086.200.000,0	11.409.909,5	122.810,6	1.773.186
2016	74.731.304.600.000,0	13.070.935,7	143.451,8	1.766.257
2017	95.418.867.600.000,0	14.330.178,9	188.984,9	1.704.443
2018	102.753.424.600.000,0	15.614.509,7	164.369,2	1.726.869
2019	111.674.103.000.000,0	19.210.178,5	206.349,3	1.730.504
2020	109.694.845.800.000,0	20.351.807,2	248.281,8	1.720.083
2021	141.092.181.200.000,0	22.275.240,5	305.616,4	1.739.381
2022	170.926.658.900.000,0	25.916.382,0	381.405,81.780.060	1.780.060
2023	183.415.086.800.000,0	33.631.527,4	980.720,0	1.763.792
2024	206.264.410.500.000,0	37.196.883,2	1.122.348,4	1.823.276

Table 3 - Analysis of trends in macroeconomic indicators of the Republic of Kazakhstan

Indicator	Trend	Nature of change	Impact on the industrial sector	Conclusions and interpretations
Volume of industrial production	strong growth	Fluctuations are moderate, but with progressive growth dynamics	Depends on investment activity and exports	Strategic focus on industrialization has a positive effect
Fixed capital investment	growth	Growth with periods of acceleration in construction and production	Direct link to output	Increased capital investment drives infrastructure base
Net exports	volatility	Sharp fluctuations over the years are noticeable	Determines the foreign exchange earnings and external stability of the industry	Stabilization of foreign trade policy is required
Remuneration in the income generation account	volatility	Sustained increase in payroll	Indirectly affects domestic demand and productivity	The growth of incomes of the population can stimulate the sale of industrial products
Gross output in goods and services account	strong growth	Growth as aggregate demand increases	Is an aggregated indicator of total production	Gross output growth supports manufacturing activity
Gross accumulation (Figure 9)	progressive growth	Acceleration and stagnation periods	Is the basis for extended reproduction	Increases production capacity and growth potential
Production and import subsidies	fluctuations	Related to public policy	Reduce costs of enterprises, stimulate investment	Government support boosts output growth
Employed population in the Industry and Construction group	Moderate growth	minor changes	Indirectly affects output through performance	Growth is insignificant, requires technological strengthening

Table 4 – Correlation analysis of industrial production in the Republic of Kazakhstan

Indicator 1	Indicator 2	Correlation coefficient	Interpretation
Volume of industrial production (goods, services) in value terms	Investments in fixed assets	0.1092	The link between fixed investment and industrial output proved weak and almost irrelevant. This may indicate that the investments made in the study period did not have an immediate impact on industrial output. Probably, the effect of investments is manifested with a time lag, or investments were directed to areas not directly related to current industrial production.

Indicator 1	Indicator 2	Correlation coefficient	Interpretation
Remuneration in the income generation account	Volume of industrial production (goods, services) in value terms	0.7126	There is a pronounced positive correlation between the level of wages and the volume of industrial production. This may indicate that with an increase in household incomes, consumer demand is increasing, stimulating industrial production. It can also be assumed that the increase in wages is associated with an increase in employment in the industrial sector and an increase in productivity.
Gross Goods and Services Invoice Issue	Volume of industrial production (goods, services) in value terms	0.6587	A moderately high positive correlation between gross output and industrial output indicates a close relationship between these indicators. Industrial production is an integral part of gross output in the economy. The growth in gross output is likely accompanied by an increase in industrial activity.
Volume of industrial production (goods, services) in value terms	Net export	0.6463	Moderately strong positive correlation. The increase in industrial production is accompanied by an increase in net exports.
Volume of industrial production (goods, services) in value terms	Gross accumulation	0.6552	Strong positive association. Industrial development is closely linked to gross savings, including investment and capital formation.
Volume of industrial production (goods, services) in value terms	Employed population in the Industry and Construction group	0.2293	Weak positive correlation. Production growth is poorly dependent on changes in the number of employed people in this area.
Volume of industrial production (goods, services) in value terms	Production and import subsidies	0.7592	There is a high positive correlation between the volume of industrial production and subsidies for production and imports in the Republic of Kazakhstan. This means that the increase in subsidies from the state, as a rule, is accompanied by an increase in industrial production. Subsidies help reduce costs, increase investment activity of enterprises and modernize production, which has a positive effect on the total volume of products.

Notes: compiled by the authors.

Analysis period: data from 2000 and 2001 (annual slice).

Source: <https://taldau.stat.gov.kz> site, correlation analysis module.

Correlation coefficients were calculated automatically by the system.

All correlation coefficient values are interpreted according to the Cheddock scale. Interpretation based on Cheddock scale: 0.00-0.30 - weak correlation; 0.31-0.70 - moderate; 0.71-0.90 - strong; 0.91-1.00 - very strong.

Table 5 - SWOT - analysis of the industrial sector of the Republic of Kazakhstan

Strengths	Weaknesses
-----------	------------

Rich natural resources (oil, gas, metals). Government support in the form of subsidies and investments. Development of infrastructure and industrial zones. Participation in international integration initiatives (EAEU, SCO).	High dependence on commodity exports. Low level of technological modernization. Insufficient diversification of production. Personnel shortage in engineering and technical specialties.
Opportunities	Threats
Growth of investments in non-primary industries. Attracting foreign investment and technology. Development of «green» industry and renewable energy sources. Expanding export markets to Asia and the Middle East.	Price volatility in global commodity markets. Sanctions pressure and geopolitical instability. Depreciation of fixed assets and rising costs. Currency risks and inflationary pressures.

Table 6 – PEST-analysis of macroeconomic environment of Kazakh industry

Factor	Description and impact
Political	Political stability and government support for industry. Availability of strategic programs («Industrialization,» «National project for the development of the manufacturing industry»).
Economic	Fluctuations in commodity prices. Dependence on world markets. Inflation and rising costs. Currency instability.
Social	Urbanization and human capital development. Decrease in the number of qualified personnel in the regions. Growth of social expectations and environmental requirements.
Technological	Low level of digitalization and automation. Growing interest in «Industry 4.0.» Need for technological modernization. Increasing the role of AI and Big Data in production.

Table 7 – Of problems and recommendations for their elimination in the industry of the Republic of Kazakhstan

Problem	Description	Recommendations
1. Dependence on raw material exports	The predominance of the extractive industry in the structure of GDP.	Develop processing and high-tech industries. Support the cluster approach.
2. Low level of technological modernization	Weak automation and adoption of digital solutions.	Encourage the adoption of AI and digital platforms. Provide grants and incentives for innovation.
3. Personnel deficit	Lack of engineers, technologists, IT specialists.	Increase funding for specialized universities and colleges. Develop dual education.
4. High wear of equipment	More than 50% of fixed assets are obsolete.	Simplify access to investment loans and preferential leasing. Stimulate renewal through subsidies.
5. Restricted export destinations	The main export to a narrow circle of countries (China, Russia).	Expand foreign economic relations. Develop logistics corridors.

6. Currency and price volatility	Exposure to inflation and global shocks.	Form stocks and insurance funds. Reduce the share of raw materials in the economy.
----------------------------------	--	---

SWOT and PEST analysis presented in Tables 5 and 6 made it possible to comprehensively assess the internal and external conditions for the functioning of the industrial sector of the Republic of Kazakhstan, as well as to systematize the risks and strategic vectors of development. The analysis showed a high sensitivity of the sector to global challenges in the presence of significant industrial potential.

The key findings from the SWOT analysis are as follows:

strengths: availability of natural resource base; government support in the form of investments and subsidies; formation of industrial zones; participation in international integration initiatives;

weaknesses: raw material dependence; technological backwardness; limited diversification; shortage of personnel in technical specialties;

opportunities: increased investment in downstream industries; attracting foreign technologies; green energy development; expanding markets in Asia and the Middle East;

threats: commodity price volatility; geopolitical risks; moral and physical depreciation of fixed assets; currency and inflation shocks.

The results of the PEST analysis demonstrate the systemic impact of the macroeconomic environment on industrial development:

political factors: the availability of sustained government support, including strategic industrialization programs;

economic factors: high dependence on foreign markets; price and currency instability; increased production costs;

social factors: accelerated urbanization; reduction of personnel qualifications in the regions; environmental expectations of the population;

technological factors: insufficient digitalization; poor implementation of automated solutions; the growing relevance of AI and «Industry 4.0.»

Based on Table 7, six key problems of Kazakhstan's industry were identified: dependence on commodity exports; technological backwardness of production capacities; personnel shortage of engineering and IT profile; high level of equipment wear; narrow export geography; exposure to inflation and currency risks.

Specific recommendations have been developed to address these limitations. Among the priority measures: the development of the processing industry and cluster structures;

digital adoption and driving innovation; reform of the training system based on dual training; equipment modernization through preferential investment mechanisms; diversification of export destinations with the expansion of logistics; formation of insurance funds and reduction of dependence on external shocks.

Thus, the multilevel analysis made it possible to systematically identify not only the structural relationships between macroeconomic variables, but also institutional constraints and growth points. The results are of practical importance for economic policies aimed at sustainable industrialization, technological renewal and increasing the international competitiveness of the industrial sector of Kazakhstan.

The results of the study confirm the significant influence of macroeconomic factors on the dynamics of industrial production in Kazakhstan. The closest positive relationship was found between the volume of industrial products and subsidies for production and imports; gross fixed capital formation; wages in the structure of gross income. This indicates a high sensitivity of the industrial sector to measures of state support and investment activity.

Fixed capital investments show weak correlation, which may indicate uneven utilization of invested funds; long investment cycle; insufficient efficiency of implemented investment projects. At the same time, a positive value of the coefficient indicates the potential impact of this indicator in the long term.

Net exports have a moderate correlation reflecting the impact of external demand on industrial output. This is consistent with the provisions of the open economy theory, according to which export potential

stimulates capacity utilization; increases the competitiveness of industries; contributes to the expansion of production volumes.

The strong relationship between the volume of production and the level of wages confirms the relevance of the theory of factor income. The growth of labor incomes is accompanied by an increase in consumer demand; activation of the domestic market; growth in output.

Positive correlations between output and subsidies prove the effectiveness of government support instruments. This is consistent with the Keynesian concept, which asserts the importance of fiscal stimulus in an unstable economic environment.

Tables 1-4 summarize the statistical information and provide the basis for the analytical conclusions.

The findings are consistent with previous research in industrial policy and investment analysis. The theoretical positions of the Cobb-Douglas production function are confirmed; investment multiplier concepts; open economy models.

The practical significance of the work lies in the possibility of applying the results to improve sectoral policies; developing subsidy programs; increasing efficiency of capital investments use.

It is advisable to expand the study taking into account regional differences; time lags between investment and production effect; including additional macroeconomic factors such as inflation; interest rates; national currency rate.

The analysis made it possible to identify the key macroeconomic factors influencing the dynamics of industrial production in Kazakhstan. The use of official statistics for 2000-2024 ensured the reliability of the conclusions.

Trend analysis showed that the volume of industrial production as a whole had an upward trajectory. At the same time, there were periods of accelerated growth, stabilization, and temporary recessions coinciding with external economic shocks and internal structural problems.

Correlation analysis confirmed the strong positive impact of a number of factors: government subsidies ($r = 0.7592$); salary level ($r = 0.7126$); gross output of goods and services ($r = 0.6587$); gross domestic product ($r = 0.6552$).

Net exports showed a moderate positive relationship ($r = 0.6463$), which is explained by dependence on external demand and fluctuations in world prices for raw materials. Investments in fixed assets had a weak current correlation ($r = 0.092$), which indicates the presence of a delayed effect that manifests itself in a few years.

The SWOT analysis revealed the strengths of the industry - a rich resource base and the availability of government support. Among the weaknesses are high dependence on the export of raw materials, technological lag and depreciation of fixed assets. The prospects of digitalization and the expansion of processing are noted as opportunities, while price and currency instability and increased competition in foreign markets are among the threats.

The PEST analysis confirmed the high sensitivity of the industry to political and economic fluctuations, and also emphasized the need to adapt to technological trends and changes in the social structure of employment.

Hypothesis testing has shown that:

the first hypothesis about the leading role of subsidies and wages has been confirmed;

The second hypothesis about the impact of net exports and gross accumulation is partially confirmed, provided the external economic environment is stable.;

the third hypothesis about the lag effect of investments is confirmed by the data;

The fourth hypothesis about the impact of technological development and institutions is confirmed by the results of SWOT and PEST analysis.

The complex application of econometric and strategic tools allowed not only to identify statistical dependencies, but also to give them an economic interpretation. The results obtained confirm the need for a balanced combination of investment, technological and institutional policies for the sustainable growth of

Kazakhstan's industrial sector.

DISCUSSION

The results obtained confirm that the key drivers of industrial production dynamics in the Republic of Kazakhstan are government subsidies, investments in fixed assets and wages, while the impact of net exports is more variable. The high positive correlation of subsidies with industrial output is consistent with the findings of Hrytsenko et al. (2021) and Voznyak et al. (2021), which indicate that targeted budgetary incentives are able to compensate for the institutional and technological constraints of the industry. This confirms the H1 hypothesis that government support is a sustainable source of growth.

The average positive relationship between fixed asset investment and industrial output is consistent with the results of Iastremska et al. (2023) and Kolodiziev et al. (2021). Their research demonstrates that the effect of capital investments is manifested with a time lag, which is associated with long cycles of implementation of infrastructure and technological projects. Thus, the H2 hypothesis is also confirmed, although the identified effect has a pronounced delayed character.

Wages have shown a strong positive relationship with industrial output, which is consistent with the conclusions of Melnyk et al. (2021) and Yu et al. (2023), which emphasize the role of household income as a factor in stimulating domestic demand and modernizing human capital. This confirms the H3 hypothesis and demonstrates that wage growth not only increases consumption, but also improves the quality of the workforce.

The impact of net exports turned out to be unstable, which corresponds to the theses of Huseynova and Huseynov (2023) on the dependence of foreign economic indicators on global economic conditions, commodity prices and the structure of foreign trade. This partially confirms the H4 hypothesis, while emphasizing that in an open economy, foreign trade effects can be both positive and negative, depending on the phase of the economic cycle.

A comparison of the results obtained with international studies (WIPO, 2022; Strielkowski et al., 2022) shows that Kazakhstan demonstrates a model of industrial growth typical of resource-based economies, where government support mechanisms and domestic demand play a greater role than sustainable export advantages.

The reasons for the identified dependencies lie in the peculiarities of the institutional structure of the Kazakh economy; the dominance of the raw materials sector and its multiplicative impact on the manufacturing industry; limited export diversification; the high role of government subsidy programs and investments in industry; gradual digitalization of production processes, which so far has not had a systemic effect.

It is advisable to focus future research on: in-depth analysis of time lags between investment and industrial output; consideration of cross-industry differences in sensitivity to macroeconomic factors; expansion of the model due to indicators of innovation activity and technological modernization; assessment of spatial heterogeneity of industrial growth in the regions of Kazakhstan.

This direction will make it possible to refine forecasts and develop more targeted industrial policy measures that take into account both the institutional and market characteristics of the country's economy.

CONCLUSION

The purpose of the study was to identify and quantify the key macroeconomic factors determining the dynamics of industrial production in the Republic of Kazakhstan, taking into account institutional, investment and technological conditions.

The analysis confirmed that government subsidies have a sustained positive impact on industrial output, which is consistent with the H1 hypothesis. Wages also showed a stable positive relationship with production, realizing the effect of stimulating domestic demand (H3). Investments in fixed assets have a weak current but pronounced delayed relationship with growth, which confirms the H2 hypothesis. The impact of net exports is variable and depends on the external economic environment, which partially confirms the H4 hypothesis.

Based on the results obtained, the following key conclusions can be identified:

- industrial policy should take into account the priority role of direct financial support and incentives;
- long-term investment projects require special planning and evaluation tools, taking into account time lags;
- the export strategy should be diversified to reduce dependence on price volatility;
- the integration of institutional and market factors will increase the sustainability of industrial growth.

The practical significance of the work lies in the possibility of applying the results to adjust subsidy programs; planning investments; developing measures to reduce external risks; and improving strategic management of industrial development.

The findings confirm the achievement of this goal and form the basis for further research aimed at a detailed study of the sectoral and regional characteristics of industrial growth.

The results obtained confirm the achievement of this goal and form the basis for further research aimed at in-depth study of the sectoral and regional characteristics of industrial growth.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Artyukhov, A., Volk, I., Vasylieva, T., & Lyeonov, S. (2021). The role of the university in achieving SDGs 4 and 7: A Ukrainian case. Paper presented at the E3S Web of Conferences, 250 <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125004006>
2. Baum, C. F., Hurn, S., & Otero, J. (2022). Testing for time-varying Granger causality. *Stata Journal*, 22, 355-378. <https://doi.org/10.1177/1536867X221106403>
3. Berezhnyska, U., Dobrovolska, O., Uniat, L., Shevchenko, A., Horiashchenko, Y., & Halaz, L. (2022). Institutional principles of intensifying the innovative development of small and medium agribusiness. *Journal of Agriculture and Crops*, 8(4), 275-282. <https://doi.org/10.32861/jac.84.275.282>
4. Box-Steffensmeier, J. M., Freeman, J. R., Hitt, M. P., & W. Pevehouse, J. C. (2014). *Time Series Analysis for the Social Sciences*. New York: Cambridge University Press.
5. Boyarko, I. M., & Samusevych, Y. V. (2011). Role of intangible assets in company's value creation. *Actual Problems of Economics*, 117(3), 86-94. Retrieved from https://essuir.sumdu.edu.ua/bitstream/download/123456789/57863/5/Boiarko_Rol_nematerialnykh_aktyviv.pdf
6. Chen, Y., Xu, S., Lyulyov, O., & Pimonenko, T. (2023). China's digital economy development: incentives and challenges. *Technological and Economic Development of Economy*, 29(2), 518-538. <https://doi.org/10.3846/tede.2022.18018>
7. Didenko, I., Syhyda, L., & Markauskaitė, R. (2022). Promotion of Innovative Microchip in the Market of Medical Services: Marketing Aspects. *Health Economics and Management Review*, 3(2), 86-96. <https://doi.org/10.21272/hem.2022.2-10>
8. Dykha, M. V., Kuzina, V., & Serdyukov, K. (2021). Grain pricing in Ukraine: A case study of malted barley. *Innovative Marketing*, 17(4), 26-36. [https://doi.org/10.21511/im.17\(4\).2021.03](https://doi.org/10.21511/im.17(4).2021.03)
9. Fakhrunnas, F., Astuti, R. D., & Hendrie Anto, M. B. (2022). Determinants of non-performing financing in Indonesian Islamic banks: A regional and sectoral analysis. *Banks and Bank Systems*, 17(4), 72-86. [https://doi.org/10.21511/bbs.17\(4\).2022.07](https://doi.org/10.21511/bbs.17(4).2022.07)
10. Gallo, P., Mihalcova, B., & Balogova, B. (2023). Work Motivation of Social Workers in the Context of Management Innovations. *Marketing and Management of Innovations*, 1, 55-63. <https://doi.org/10.21272/mmi.2023.1-05>
11. Granger, C. W. J. (1969). Investigating causal relations by econometric models and cross-spectral methods. *Econometrica*, 37, 424-438. <https://doi.org/10.2307/1912791>
12. Hryhorash, O., Bocharov, D., Korneyev, M., Rudyanova, T., & Hryhorash, T. (2022). The quality of higher education and its funding in countries with different levels of socioeconomic development. *Knowledge and Performance Management*, 6(1), 46-61. [https://doi.org/10.21511/kpm.06\(1\).2022.05](https://doi.org/10.21511/kpm.06(1).2022.05)
13. Hrytsenko, P., Voronenko, V., Kovalenko, Ye., Kurman, T., Omelianenko, V. (2021). Assessment of the development of innovation activities in the regions: Case of Ukraine. *Problems and Perspectives in Management*, 19(4), 77-88. [https://doi.org/10.21511/ppm.19\(4\).2021.07](https://doi.org/10.21511/ppm.19(4).2021.07)
14. Huseynova, L., & Huseynov, A. (2023). Management of International Trade in the Context of Ensuring Innovative Development. *Marketing and Management of Innovations*, 1, 87-98. <https://doi.org/10.21272/mmi.2023.1-08>
15. Iastremska, O., Strokovych, H., & Gasimov, F. (2023). Relationship of Investment in Innovation and Logistics Activity in the Conditions of the Experience Economy Development. *Marketing and Management of Innovations*, 1, 12-23. <https://doi.org/10.21272/mmi.2023.1-02>
16. INSEAD & WIPO. (2012). *The Global Innovation Index 2012. Stronger Innovation Linkages for Global Growth* (464 p.). France, Fontainebleau.
17. INSEAD. (2011). *The Global Innovation Index 2011. Accelerating Growth and Development* (381 p.). France, Fontainebleau.
18. Islam, M. A., Liu, H., Khan, M. A., Reza, S. M., Yahia, Y. E., & Nasrin, L. (2018). Causal Relationship between Economic Growth, Financial Deepening, Foreign Direct Investment and Innovation: Evidence

from China. *Asian Economic and Financial Review*, 8(8), 1086-1101. <https://doi.org/10.18488/journal.aefr.2018.88.1086.1101>

19. Kaya, H., Kwok, J. S., & LaTurner, J. (2023). Experiential Learning Through the Creation of an Investment Lab. *Financial Markets, Institutions and Risks*, 7(1), 16-25. [https://doi.org/10.21272/fmir.7\(1\).16-25.2023](https://doi.org/10.21272/fmir.7(1).16-25.2023)

20. Kolodiziev, O., Telnova, H., Krupka, I., Kulchytskyi, M., & Sochynska-Sybirtseva, I. (2021). Pension assets as an investment in economic growth: The case of post-socialist countries and Ukraine. *Investment Management and Financial Innovations*, 18(3), 166-174. [https://doi.org/10.21511/imfi.18\(3\).2021.15](https://doi.org/10.21511/imfi.18(3).2021.15)

21. Konieva, T. (2021). The impact of financing policy on the cost of debt. *Investment Management and Financial Innovations*, 18(4), 177-189. [https://doi.org/10.21511/imfi.18\(4\).2021.16](https://doi.org/10.21511/imfi.18(4).2021.16)

22. Kozmenko, S., & Vasylyeva, T. (2008). Specialized innovative investment banks in Ukraine. *Banks and Bank Systems*, 3(1), 48-56. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/299408736_Specialized_innovative_investment_banks_in_Ukraine

23. Kuzior, A., & Zozul'ak, J. (2019). Adaptation of the idea of phronesis in contemporary approach to innovation. *Management Systems in Production Engineering*, 27(2), 84-87. <https://doi.org/10.1515/mspe-2019-0014>

24. Kuzior, A., Arefieva, O., Kovalchuk, A., Brożek, P., & Tytykalo, V. (2022). Strategic guidelines for the intellectualization of human capital in the context of innovative transformation. *Sustainability (Switzerland)*, 14(19) <https://doi.org/10.3390/su141911937>

25. Leonov, S. V., Vasylieva, T. A., & Tsyganyuk, D. L. (2012). Formalization of functional limitations in functioning of co-investment funds basing on comparative analysis of financial markets within FM CEEC. *Actual Problems of Economics*, 134(8), 75-85. Retrieved from <https://eco-science.net/archive/2012/APE-08-2012.rar>

26. Liu, K. (2023). Shanghai Stock Exchange's Science and Technology Innovation Board: A Review. *Financial Markets, Institutions and Risks*, 7(1), 1-15. [https://doi.org/10.21272/fmir.7\(1\).1-15.2023](https://doi.org/10.21272/fmir.7(1).1-15.2023)

27. Lutkepohl, H. (2005). *New Introduction to Multiple Time Series Analysis*. New York: Springer.

28. Melnyk, L., Kubatko, O., Matsenko, O., Balatskyi, Y., & Serdyukov, K. (2021). Transformation of the human capital reproduction in line with industries 4.0 and 5.0. *Problems and Perspectives in Management*, 19(2), 480-494. [https://doi.org/10.21511/ppm.19\(2\).2021.38](https://doi.org/10.21511/ppm.19(2).2021.38)

29. Melnyk, L., Matsenko, O., Kubatko, O., Korneyev, M., & Tulyakov, O. (2022). Additive economy and new horizons of innovative business development. *Problems and Perspectives in Management*, 20(2), 175-185. [https://doi.org/10.21511/ppm.20\(2\).2022.15](https://doi.org/10.21511/ppm.20(2).2022.15)

30. Moskalenko, B., Lyulyov, O., & Pimonenko, T. (2022). The investment attractiveness of countries: Coupling between core dimensions. *Forum Scientiae Oeconomia*, 10(2), 153-172. https://doi.org/10.23762/FSO_VOL10_NO2_8

31. Mtar, K., & Belazreg, W. (2021). Causal Nexus Between Innovation, Financial Development, and Economic Growth: the Case of OECD Countries. *Journal of the Knowledge Economy*, 12, 310-341. <https://doi.org/10.1007/s13132-020-00628-2>

32. Nahla, N. (2023). Universitycompany collaboration: what are the obstacles in Algeria? *SocioEconomic Challenges*, 7(1), 59-64. [https://doi.org/10.21272/sec.7\(1\).59-64.2023](https://doi.org/10.21272/sec.7(1).59-64.2023)

33. Njegovanović, A. (2023). Financial Evolution and Interdisciplinary Research. *Financial Markets, Institutions and Risks*, 7(1), 71-95. [https://doi.org/10.21272/fmir.7\(1\).71-95.2023](https://doi.org/10.21272/fmir.7(1).71-95.2023)

34. Oloveze, A. O., Ugwu, P. A., Okonkwo, R. V. O., Okeke, V. C., Chukwuoyims, K., & Ahaiwe, E. O. (2022). Factors motivating end-users' behavioural intention to recommend m-health innovation: multi-group analysis. *Health Economics and Management Review*, 3(3), 17-31. <https://doi.org/10.21272/hem.2022.3-02>

35. Onodugo, C., Onodugo, I., Ogbo, A., Okwo, H., & Ogbaekirigwe, C. (2021). Moderating role of social capital on the effect of financial behavior on financial inclusion. *Problems and Perspectives in Management*, 19(3), 502-512. [https://doi.org/10.21511/ppm.19\(3\).2021.41](https://doi.org/10.21511/ppm.19(3).2021.41)

36. Pakhnenko, O., & Kuan, Z. (2023). Ethics of Digital Innovation in Public Administration. *Business Ethics and Leadership*, 7(1), 113- 121. [https://doi.org/10.21272/bel.7\(1\).113-121.2023](https://doi.org/10.21272/bel.7(1).113-121.2023)
37. Paz, B., & Fontaine, G. (2018). A Causal Mechanism of Policy Innovation. *Revista de Estudios Sociales*, 63, 2-19. Retrieved from <https://journals.openedition.org/revestudsoc/1171?lang=en>
38. Pearson, K. (1896). Mathematical contributions to the theory of evolution – III. Regression, heredity, and panmixia. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London, Series A*, 187, 253-318. <https://doi.org/10.1098/rsta.1896.0007>
39. Pearson, K., & Filon, L. N. G. (1898). Mathematical contributions to the theory of evolution.IV. On the probable errors of frequency constants and on the influence of random selection on variation and correlation. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London, Series A*, 191, 229-311. <https://doi.org/10.1098/rsta.1898.0007>
40. Pradhan, R. P., Arvin, M. B., & Bahmani, S. (2018). Are innovation and financial development causative factors in economic growth? Evidence from a panel granger causality test. *Technological Forecasting and Social Change*, 132, 130-142. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.01.024>
41. Rajbhandari, A. (2016). Vector autoregression– simulation, estimation, and inference in Stata. *The Stata Blog: Not Elsewhere Classified*. Retrieved from <http://blog.stata.com/2016/02/18/vector-autoregressionsimulation-estimationand-inference-in-stata/>
42. Rossi, B., & Wang, Y. (2019). Vector autoregressive-based Granger causality test in the presence of instabilities. *Stata Journal*, 19, 883-899. <https://doi.org/10.1177/1536867X19893631>
43. Samoilkova, A., & Artyukhov, A. (2023). Analysis of the relationship between “business-science” cooperation and intellectual property receipts. *Socio Economic Challenges*, 7(1), 149-157. [https://doi.org/10.21272/sec.7\(1\).149-157.2023](https://doi.org/10.21272/sec.7(1).149-157.2023)
44. Shapiro, S. S., & Francia, R. S. (1972). An approximate analysis of variance test for normality. *Journal of the American Statistical Association*, 67, 215-216. <https://doi.org/10.1080/01621459.1972.10481232>
45. Shapiro, S. S., & Wilk, M. B. (1965). An analysis of variance test for normality (complete samples). *Biometrika*, 52, 591-611. <https://doi.org/10.2307/2333709>
46. Shkarupa, O., Vlasenko, D., Makedon, H., Bilan, S., & Serafimova, D. (2022). Economy of knowledge and transfer of innovations: Ukraine’s progress through the lens of European development trends. *Knowledge and Performance Management*, 6(1), 100-113. [https://doi.org/10.21511/kpm.06\(1\).2022.09](https://doi.org/10.21511/kpm.06(1).2022.09)
47. Skliar, I. D., & Samoilkova, A. V. (2014). Risk evaluation at enterprise innovation and investment activity financing. *Actual Problems of Economics*, 161(11), 173-178. Retrieved from: https://essuir.sumdu.edu.ua/bitstreamdownload/123456789/80841/1/Skliar_riskiness.pdf
48. Sotnyk, I. M. (2012). Trends and problems in management of production and consumption dematerialization. *Actual Problems of Economics*, 134(8), 62-67. Retrieved from https://essuir.sumdu.edu.ua/bitstreamdownload/123456789/28907/3/Sotnyk_APE.PDF
49. Soumadi, M. M. (2023). Intellectual Property and Patent Rights Protection for Innovators in Jordan. *Business Ethics and Leadership*, 7(1), 12-24. [https://doi.org/10.21272/bel.7\(1\).12-24.2023](https://doi.org/10.21272/bel.7(1).12-24.2023)
50. Spearman, C. E. (1904). The proof and measurement of association between two things. *American Journal of Psychology*, 15, 72-101. <https://doi.org/10.2307/1412159>
51. Stata. (n.d.a). *vargranger* — Pairwise Granger causality tests after var or svar. Retrieved from <https://www.stata.com/manuals/tsvargranger.pdf>
52. Stata. (n.d.b). *correlate* — Correlations of variables. Retrieved from <https://www.stata.com/manuals/rcorrelate.pdf>
53. Stata. (n.d.c). *swilk* — Shapiro – Wilk and Shapiro –Francia tests for normality. Retrieved from <https://www.stata.com/manuals/rswilk.pdf>
54. Stata. (n.d.d). *spearman* — Spearman’s and Kendall’s correlations. Retrieved from <https://www.stata.com/manuals/rspearman.pdf>
55. Stata. (n.d.e). *var* — Vector autoregressive models. Retrieved from <https://www.stata.com/manuals/>

tsvar.pdf

56. Strielkowski, W., Samoilkova, A., Smutka, L., Civin, L., & Lieonov, S. (2022). Dominant trends in intersectoral research on funding innovation in business companies: A bibliometric analysis approach. *Journal of Innovation and Knowledge*, 7(4) <https://doi.org/10.1016/j.jik.2022.100271>

57. Vasilyeva, T. A., Leonov, S. V., & Lunyakov, O. V. (2013). Analysis of internal and external imbalances in the financial sector of Ukraine's economy. *Actual Problems of Economics*, 150(12), 176-184. Retrieved from https://ssuir.sumdu.edu.ua/bitstreamdownload/123456789/50836/5/Vasilyeva_Analysis_of_internal.pdf

58. Vasilyeva, T. A., Leonov, S. V., & Lunyakov, O. V. (2014). Countercyclical capital buffer as a macroprudential tool for regulation of the financial sector. *Actual Problems of Economics*, 158(8), 278-283. Retrieved from https://essuir.sumdu.edu.ua/bitstreamdownload/123456789/80849/1/Vasilyeva_countersyclical.pdf

59. Voznyak, H., Mulska, O., Kloba, T., & Kloba, L. (2021). Assessing and strengthening budgetary security of regions and their amalgamated hromada in an unstable economy: A case for Ukraine. *Public and Municipal Finance*, 10(1), 138-150. [https://doi.org/10.21511/pmf.10\(1\).2021.11](https://doi.org/10.21511/pmf.10(1).2021.11)

60. WIPO. (2022). *Global Innovation Index 2022. What is the future of innovation driven growth?* (15th ed.) (89 p.). WIPO, Geneva, Switzerland. Retrieved from <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2022-report>

61. WIPO. (n.d.) *Global Innovation Index Reports*. Retrieved from <https://www.wipo.int/publications/en/series/index.jsp?id=129>

62. Yu, Y. (2023). Performance Analysis of Public Investment in Chinese University Education Based on Regional Differences and Influencing Factors. *Business Ethics and Leadership*, 7(1), 37-49. [https://doi.org/10.21272/bel.7\(1\).37-49.2023](https://doi.org/10.21272/bel.7(1).37-49.2023)

63. Yu, Y., Xinxin, W., Ruoxi, L., & Tingting, Y. (2023). The Mediating Role of Human Capital in the Relationship between Education Expenditure and Science and Technology Innovation: Evidence from China. *SocioEconomic Challenges*, 7(1), 129-138. [https://doi.org/10.21272/sec.7\(1\).129-138.2023](https://doi.org/10.21272/sec.7(1).129-138.2023)

64. Indicators of industrial and innovative development of the Republic of Kazakhstan (2000-2024) [Electronic resource] / Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Bureau of National Statistics. — Access mode: <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/113866/file/ru/>

Macroeconomic factors of industrial growth in the Republic of Kazakhstan: analysis of interrelations and tendencies

Ashimova Zhanna Rakhimovna

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor,
Almaty Technological University, Republic of Kazakhstan
E-mail: zhanna_15@bk.ru

Abitov Zhanai Zulkarnainovich

master's student
Kcell, Republic of Kazakhstan, Almaty,
E-mail: abitovpro@gmail.com

Abitova Diana Zulkarnainovna

programmer
Amazon, USA, East Palo Alto, California
E-mail: abitova97@mail.ru

Uristembek Amina Mukhtarovna

Head of the Export Sales Department
Dolce LLP, Republic of Kazakhstan, Almaty
E-mail: abitova97@mail.ru

KEYWORDS

industrialization,
macroeconomics,
productivity, investments,
exports, subsidies,
modernization,
competitiveness,
diversification, sustainability

ABSTRACT

In the context of unstable foreign economic conditions, geopolitical challenges and ongoing structural transformations in the economy of Kazakhstan, a comprehensive analysis of the factors determining industrial growth and the sustainability of the manufacturing sector is of particular importance. The purpose of the study is to identify the nature, orientation and strength of the relationships between industrial production and key macroeconomic determinants, which allows us to identify priority areas of industrial policy. The empirical base of the study is based on official statistical data for 2000-2024, which ensures the representativeness and reliability of the conclusions. The methodological approach is based on correlation and trend analysis, as well as SWOT and PEST diagnostics, which made it possible to cover both quantitative and qualitative aspects of the impact of investment, export, labor and institutional components on industrial dynamics. The results of the study showed that government subsidies (correlation coefficient 0.7592), wage levels (0.7126), gross output of goods and services (0.6587) and gross accumulation (0.6552) have the greatest positive impact on industrial production. Net exports have a moderate positive correlation (0.6463), while investments in fixed assets show a weak current correlation (0.092), indicating a likely delayed effect. The SWOT analysis revealed the strengths of the industry, including a rich resource base and significant government support, as well as weaknesses related to resource dependence and technological lag. The PEST analysis confirmed the high sensitivity of the industrial sector to price and currency instability. The conclusion is made about the need for a comprehensive application of investment, fiscal and institutional instruments aimed at stimulating sustainable industrialization, accelerating technological renewal and strengthening the international competitiveness of Kazakhstan's industry.

Города в мировой экономике и международных отношениях: прошлое, настоящее и будущее

Шустров Максим Андреевич

Аспирант

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

Государственное бюджетное учреждение «Центр налоговых доходов» (Правительство Москвы), г. Москва, Россия

E-mail: shustrov20002401@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

глобальный город, геоэкономическая фрагментация, макрорегионы, урбанистика, мегатренды, трансформация мировой экономики, акторы, глобализация

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена исследованию роли городов в мировых экономических и политических процессах. Актуальность темы обусловлена текущими трансформациями мирового порядка в условиях геополитической напряженности, а также возрастанием роли негосударственных и субнациональных акторов в мировой экономике и политике. Вместе с тем в академической литературе отмечается отсутствие научных работ, посвященных анализу роли мегаполисов в новых условиях внешней среды. Таким образом, цель статьи заключается в выявлении генезиса городской теории, а также в ее критическом переосмыслении. В результате анализа автором определен генезис теории в сфере международной роль городов, который может быть представлен в следующем виде: мировой город – глобальный город. Наибольшее внимание в исследовании посвящено концепции глобального города американского урбаниста С. Сассен, поскольку она является наиболее популярной в настоящее время. Выявление характерных черт отнесения города к глобальному позволило обозначить ключевую тенденцию, которая способствовала появлению глобальных городов – глобализация. Анализ текущих мегатрендов, выявленных на основе аналитических докладов и научных работ, позволил выделить современный тренд, направленный на трансформацию глобализации. Таким образом, была обоснована необходимость пересмотра существующих теоретических концепций в целях адекватного описания роли городов в условиях фрагментации мировой экономики и глобальной нестабильности. С учетом изложенного представлена авторская концепция макрорегионального города. Данная концепция представляется актуальной в современных условиях фрагментации мировой экономики, геополитического противостояния и цивилизационного разлома. Данная концепция представляет собой политически нейтральную теорию, которая отражает многополярность формирующегося миропорядка и охватывает все мировое разнообразие.

JEL codes: F40, F50, F62

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-1-140-152>

Для цитирования: Шустров, М.А. Города в мировой экономике и международных отношениях: прошлое, настоящее и будущее / М.А. Шустров. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 1. – С. 140-152. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2026)

Введение

Несмотря на продолжающееся преобладание национальных государств в международной экономической и политической сферах, новые субъекты (негосударственные и субнациональные), включая городские образования, активно заявляют о себе на мировой арене. Особым авторитетом на международной арене обладают мегаполисы, которые становятся центральными игроками в формировании международных и глобальных решений благодаря сосредоточению в них значительных экономических, финансовых, человеческих и культурных ресурсов. Кроме того, авторитет городов подкрепляется их субнациональным статусом, что по сути означает, с одной

стороны, их относительную независимость от государства, с другой стороны, тесную взаимосвязь с национальным государством, что предопределяет значимость и весомость принимаемых городами решений.

Ранее в академической среде города и городские агломерации не рассматривались как самостоятельные участники международных процессов, что было связано с господством государственно-центричного подхода. К примеру, Дж. Розенау выделял так называемые «два мира» в мировой политике: первый — мир государств, формирующих и реализующих ключевые решения посредством переговоров и договоров, и второй — мир негосударственных акторов, которые занимаются менее значимыми вопросами, такими как культурное сотрудничество [14]. Тем не менее, с укреплением влияния негосударственных участников, способных оспаривать традиционную международную систему, существенно возросло значение изучения роли городов в международной и внешнеэкономической деятельности. Сегодня городская дипломатия развивается как самостоятельное направление исследований, а сотрудничество между мегаполисами стало важной частью глобального стратегического партнерства. Примеры включают активное участие крупных мировых городов в международных форумах и альянсах, что подтверждает трансформацию традиционной модели международных отношений с расширением круга значимых акторов за пределы суверенных государств.

В связи с этим исследования, посвященные анализу роли городов в международных процессах, становятся все более актуальными. Особую востребованность данная проблематика приобретает в текущих условиях геополитического противостояния национальных государств, поскольку в такой обстановке принятие коллективных решений между некоторыми лидерами стран попросту невозможно. Города, в отличие от государств, принято считать более «гибкими» агентами мировой экономики и международных отношений, которые в определенной степени свободны от суверенитета и идеологических рамок [2,31].

В отечественной научной литературе нашли отражения вопросы увеличения роли негосударственных и субнациональных акторов в международных и внешнеэкономических связях. Среди исследователей, изучающих данную проблематику, следует отметить А.В. Фененко [37], А.В. Торкунова [35], И.Л. Прохоренко [33], М.М. Лебедеву [28-29] и других.

Вместе с тем вопрос о роли городов в международных процессах в отечественной мысли остается малоизученным. Ученые, исследуя проблематику субнациональных акторов, преимущественно акцентируют внимание на отдельных регионах (субъектах Российской Федерации), не выделяя при этом мегаполисы в отдельную категорию, что в свою очередь не позволяет выявить характерные черты участия городов в мировой экономике и политике, оценить их роль и потенциал развития в данном направлении. Несмотря на это, труды, освещающие вопросы развития международной роли субъектов России, значимы с точки зрения увеличения внимания к деятельности субнациональных акторов. Среди таких трудов следует выделить работы Д.С. Хайруллова [39], Е.А. Анисимовой [21], Г.А. Манукяна [30], И.Р. Насырова [32] и пр.

В целом, анализ существующих трудов показал, что вопросам развития городской теории и генезиса роли городов в международных процессах большую заинтересованность проявляют зарубежные, преимущественно западные (европейского и американского происхождения) ученые. Так, теоретические основы городской теории по вопросам участия городов в международных процессах заложили такие видные исследователи, как П. Геддес [7], который ввел в научный оборот понятие мирового города, П. Холл [10-11], Ф. Бродель [22] и Дж. Фридман [5-6], поспособствовавшие развитию научной мысли в направлении концептуализации международной и внешнеэкономической роли мегаполисов.

Значительный вклад сделала американская урбанистка С. Сассен, заложившая новую основу для теоретического переосмысления процесса повышения роли городов в мировой экономике в условиях нарастающих процессов глобализации [15].

Отечественная литература до настоящего времени уделяет крайне незначительное внимание изучению потенциала городов в международных процессах. В связи с этим особенно ценными представляются существующие труды, сформированные в российской науке. Так, указанной проблематике посвящены работы М.М. Лебедевой [28-29], Д.П. Шатило [41], Н.А. Слуки [16,34], а также Е.Г. Трубиной [36].

На основе анализа научной литературы сделан вывод о том, что в отечественной научной литературе наблюдается нехватка комплексных трудов, охватывающих генезис городской теории в сфере международных процессов. Кроме того, как в отечественных, так и в зарубежных академических трудах отсутствует попытка переосмысления теоретических основ городской теории в новых международных реалиях. Все это определяет актуальность представленной работы.

Гипотеза данной работы основывается на предположении, что при условии, если теоретико-концептуальные модели, отражающие роль городов в международных процессах, тесно связаны с текущими внешнеполитическими и экономическими условиями, тогда трансформация международной среды должна стать фундаментом для пересмотра и адаптации городской теории. Иными словами, изменившиеся политические и экономические реалии требуют обновления теоретической базы, направленной на объяснение роли городов в мировой экономике и политике.

Научная новизна исследования состоит в разработке, обосновании и введении на основе анализа генезиса городской теории авторской концепции макрорегионального города, который трактуется как ключевой узел в рамках обособленных геоэкономических кластеров, формирующих полицентричный миропорядок.

Методы

В исследовании использовались комплекс теоретических и эмпирических подходов, направленных на всесторонний анализ роли городов в международных процессах. Методологической основой исследования послужил системный и междисциплинарный подход, объединяющий элементы городской теории («urban studies»), международных отношений и мировой экономики.

Автором проведен критический анализ и синтез существующей зарубежной и отечественной научной литературы по городской теории, теории глобальных и мировых городов, а также по вопросам роли субнациональных акторов в международных и внешнеэкономических связях. Этот подход позволил выявить основные концептуальные модели, их генезис, а также пробелы и перспективы развития теоретической базы.

Также в работе использовались методы сопоставления и классификации для систематизации различных понятий (например, «мировой город», «глобальный город», «макрорегиональный город»). Особое внимание уделялось выявлению взаимосвязей между локальными и глобальными процессами, а также оценке влияния мегатрендов на трансформацию роли городов.

Кроме того, применялся аналитический метод с опорой на данные международных рейтингов и исследований, таких как классификация GaWC, позволяющая оценить статус и функции городов на глобальном уровне.

Данные методы в совокупности обеспечили комплексный подход к изучению феномена городов как новых субъектов мировой политики и экономики.

Результаты

Внимание к городам как к участникам мировых экономических и политических процессов увеличилось в конце XX – начале XXI веков. В настоящее время популярность дискуссии о роли мегаполисов в современном мире нарастает. Такая тенденция связана как с внутренними процессами, которые происходят в самих городах (увеличение экономического, финансового, международного потенциала, реформы в сфере управления городской средой, привлечение значительного человеческого капитала, формирование города в качестве ключевого узла для принятия экономических и политических решений и пр.), так и во внешней среде (разочарование правилами

текущего мирового порядка, неспособность государств и институтов глобального управления найти решение глобальным проблемам современности, геополитическое противостояние и идеологические разногласия между национальными государствами).

На основе анализа существующих академических работ автором выделены тенденции, легшие в основу увеличения роли городов в международных процессах (рисунок 1) [3-4,15-16,29,36,].

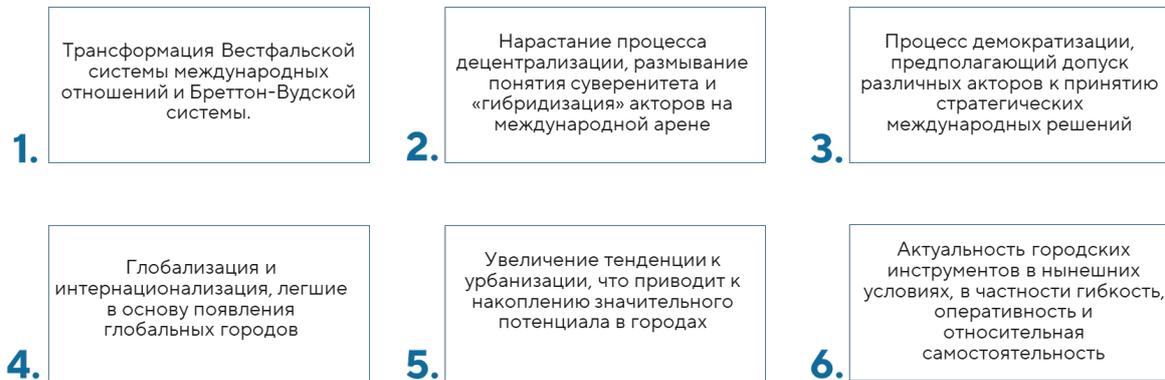

Рисунок 1 – Тенденции, способствующие повышению роли городов в международных и внешнеэкономических процессах

Источник: разработано автором.

Переосмысление роли городов в международных процессах в академическом дискурсе сопровождалось появлением новых теоретических конструкций, с помощью которых исследователи предпринимали попытки объяснить происходящие процессы. Следствием этого стало появление новых терминов в городской теории, описывающих роль городов в мировых процессах. Среди разработанных терминов встречаются, как общие («зонтичные») понятия, которые стали достаточно популярны и часто встречаются в научной литературе, так и более частные термины, призванные описать характеристики городов для конкретных целей. В настоящий момент возможно выделить наиболее часто встречающиеся термины, которые описывают роль городских образований в мировой экономике и политике:

1. Международный город – такие города больше обращают внимания на процесс обмена, например, на внешнеторговые сделки, развитие туристической отрасли, миграционные процессы. К. Аббот противопоставляет международный город мировому, поскольку последний предполагает иерархическую структуру, в то время как международный акцентирует внимание на сетевом подходе [1].

2. Мегалополис – данный тип города не обязательно предполагает значительную международную роль. К мегалополисам относятся образования городского типа с определенной численностью населения. Порог численности может варьироваться от 4 млн человек до 10 млн человек. При этом необходимо подчеркнуть, что именно мегалополисы обладают наибольшим потенциалом в развитии международных и внешнеэкономических связей.

3. Мегалополис – в отличие от мегалополиса данный термин предполагает не конкретный город, а крупные формы расселения (слияние нескольких агломераций). Например, к мегалополисам относят агломерацию БосВаш (Бостон – Вашингтон, округ Колумбия).

4. Мировой город – города, которые в первую очередь являются культурными, историческими, политическими и цивилизационными центрами [10-11,26].

5. Глобальный город – города, сформировавшиеся в результате процесса глобализации [15,26].

Помимо указанных выше терминов также встречаются следующие: метрополис, город-ворота, транзакционный город, регионально-национальный город, зональный и региональный центры, первичные и вторичные города и пр.

Наличие значительного количества терминов, с одной стороны, отмечает положительную тенденцию, связанную с попыткой теоретического осознания процессов возвышения городов в международных процессах, с другой стороны, приводит к определенной терминологической и теоретической «путанице». Указанные теоретические конструкции, несмотря на их значимость, во многом повторяют друг друга, поэтому в таких условиях существует риск потери содержательного зерна.

В связи с этим целесообразным представляется выделение из всей совокупности концепций наиболее важных теоретических конструкций в городской теории и выявление их генезиса.

Мировой город – основа городской теории

Считается, что первую попытку описать международную роль городов предпринял П. Геддес в начале XX века. Исследователь в работе «Эволюция городов» представил новое понятие мирового города. В то время Геддес выделял несколько крупных центров на основе концентрации в них политической, экономической мощи и населения. Так, ученый отнес к мировым городам столицы многих европейских государств, например, Париж, Лондон, Берлин, а также наиболее крупные города США, такие как Нью-Йорк, Чикаго и др [7].

Дальнейшее развитие данная теория получила благодаря работам П. Холла, который во второй половине XX века сформировал собственное видение мировых городов. Согласно Холлу, к мировым городам относятся те города, в которых происходят значимые события мирового масштаба по разным направлениям от экономики до культуры. Исследователь одним из первых обратил внимание на сетевой подход в деятельности городов, который позволяет им выходить за привычным нам национальные рамки [11].

Основные функции, выполняемые мировыми городами, придают им уникальный характер и определяют специфику их развития. По мнению П. Холла, определенный круг городов становится центром сосредоточения различных видов деятельности, требующих высокой квалификации специалистов: медицины, юриспруденции, науки, высшего образования и других. Эти города выступают в роли центров накопления и распространения информации, активно используя средства печати и масс-медиа. Кроме того, они являются важнейшими очагами культуры, искусства и развлечений, а также площадками для потребления [10].

Особая деловая атмосфера и наличие необходимых ресурсов способствуют снижению значения традиционных индустриальных видов деятельности в этих городах, ускоряя их трансформацию и рост влияния новых, часто транснациональных функций. Эти процессы стимулируют постоянное возникновение и развитие новых направлений деятельности, которые получают международное признание и влияют на формирование мировых экономико-культурных центров [26].

Дж. Фридман также внес вклад в развитие теории мировых городов. Исследователь рассматривал мировые города с точки зрения их политического веса в условиях нового международного разделения труда. Среди ключевых характеристик отнесения города к мировому он выделял следующие: интеграция в мировые экономические процессы и разделение труда, привлечение иностранного капитала в городскую экономику, формирование города в качестве ключевого «узла» мировой экономики, то есть территории, где принимаются решения мирового масштаба [5-6].

Кроме того, Фридман представил иерархию мировых городов. Так, он разделил все мировые города на две группы (первичные и вторичные центры) и на два типа стран (развитые государства и развивающиеся, то есть страны полупериферии). Так, в соответствии с классификацией Дж. Фридмана, к первичным центрам отнесены, например, Париж, Лондон, Нью-Йорк, а также Токио и Сингапур. К вторичным центрам относятся в том числе Милан, Мадрид, Торонто, Сидней, Бангкок, Сеул и другие [5].

Концептуализация термина мировой город произошла в том числе благодаря появлению иных схожих понятий, которые исследователи пытались противопоставить уже существующему мировому городу. Например, американский урбанист К. Аббот, предлагая термин «международный город»,

противопоставляет его мировому, уделяя при этом особое внимание неиерархическому (сетевому) подходу. Согласно К. Абботу, мировой город обладает следующими характерными чертами:

- иерархическая структура,
- точное (прогнозируемое) повторение ведущих секторов;
- совместим с теорией центрального места,
- фокус на одном измерении финансового и корпоративного контроля,
- совместим с исторической социологией,
- применим к ограниченному кругу «наиболее важных» городов [1].

Таким образом, можно заключить, что понятие «мировой город» подразумевает один из крупнейших в мире урбанистических центров, который играет значимую роль в международных отношениях благодаря своему историческому статусу, политическому влиянию и мощному экономическому потенциалу. Такой город характеризуется значительной численностью населения и функционирует как важнейший центр мировых событий. С учетом этого количество таких городов всегда крайне ограничено.

Глобальный город – ответ глобализации

Как было отмечено ранее, внешняя среда серьезным образом влияет на теоретические основы, в том числе в рамках городской теории. Новые внешние вызовы и мегатренды со временем находят свое отражение в академическом дискурсе. К началу XXI века существенно увеличился интерес к процессу глобализации, который, как считается, повлиял на все сферы деятельности. Глобализация, таким образом, способствовала развитию концептуальных основ городской теории. Ключевым вопросом в новых реалиях становился следующий: как повлияет процесс глобализации на роль городов в международных процессах? Достаточно ли уже существующего терминологического аппарата для описания новых процессов?

Ответ на указанные вопросы представила американская урбанистка Саския Сассен, которая ввела в научный оборот и практический дискурс термин «глобальный город». В книге «Города в мировой экономике» 1991 года С. Сассен в качестве глобального города определила стратегические места, в которых осуществляется процесс управления глобальными экономическими операциями [15]. Важным для С. Сассен является также постиндустриальный характер экономики глобального города, который глубоко интегрирован в мировые экономические процессы.

Сассен продолжает преемственность городской теории и сравнивает новую концепцию с мировыми городами. По ее мнению, термин «глобальный город» отличается от понятия «мировой город» акцентом на глобальный масштаб, который стал возможен в условиях развития глобализационных процессов. Вопреки распространенной идее о том, что глобализация ведет к унификации и стиранию локальных различий, Сассен утверждает, что локальное сохраняет важное значение. Она подчеркивает, что глобальные процессы всегда материализуются в конкретных территориальных рамках и институциональных формах, значительная часть которых находится в пределах национальных границ [15]. Таким образом, глобальность и локальность не исключают друг друга, а взаимодействуют, формируя сложную структуру мирового устройства.

Развивая собственную теорию, Сассен приходит к выводу, что иерархическая структура не свойственна глобальным городам, поэтому такие города формируют «новые географии центральности», которые связывает между собой крупнейшие экономические центры, образуя тем самым сети городов [15].

В отличие от автора теории глобального города, отечественный исследователь Е. Трубина отмечает, что формирование глобальных городов относится к 1970-м годам, когда происходило расширение мировой финансовой системы и становление международного капитала. Следующий этап активного развития такого типа городов пришелся на 1990-е годы, когда распад Советского Союза и исчезновение биполярной системы мира способствовали распространению неолиберальных идей. Эти идеи оказали заметное влияние на трактовку глобализации как процесса внедрения

неолиберальной идеологии в глобальном масштабе [36].

Теория глобального города приобрела невероятную популярность и до настоящего времени остается наиболее общепринятой теоретической конструкцией, объясняющей роль городов в международных экономических и политических процессах.

Концепция глобального города нашла отражение в исследованиях аналитической группы «Глобализация и мировые города» (GaWC) под руководством ученого П. Тейлора. Исследователи GaWC предложили собственный метод оценки значимости городов в глобальном масштабе на основе их корпоративного потенциала, то есть с учетом размещения в таких городах офисов транснациональных компаний (с акцентом на сферу услуг). По итогам проведения оценки исследовательская группа разделила всю совокупность городов на следующие группы: альфа, бета и гамма города, а также города с достаточным объемом сферы услуг (рисунок 2). Несмотря на то, что методология GaWC однозначно опирается на теорию глобальных городов, в отчетах аналитики группы используют термин «мировой город» («world city»).

Рисунок 2 – Классификация городов, согласно GaWC

Источник: разработано автором.

В 2024 году исследователи GaWC в целях формирования классификации проанализировали данные более 780 городов и деятельность 175 ключевых компаний сферы услуг. По итогам анализа к наивысшей категории традиционно отнесены Лондон и Нью-Йорк, далее следуют Гонконг, Пекин, Сингапур, Шанхай, Париж и Дубай.

Примечательно, что в последнее время по разным оценкам к категории глобальных городов относят не только «классические» глобальные города, как, например, Лондон, Нью-Йорк, но и иные мегаполисы, в том числе из стран Глобального Юга. Данный факт отражает изменения в географической концентрации экономической и политической силы, которая перераспределяется, образуя новые центры силы за пределами Запада.

Несмотря на это, теория глобального города обладает определенной идеологической окрашенностью. Данная концепция преимущественно развивается в рамках западной академической мысли в условиях формирования неолиберального подхода к глобализации. Более того, становление и развитие данной теории неслучайно совпало с другими значимыми мировыми событиями, которые нашли отражение в том числе в концепции «конца истории» Ф. Фукуямы и «конца географии» П. Вирильо [20].

Определенную идеологическую направленность теории глобального города подчеркивают и западные исследователи. Например, уже упомянутый в работе К. Аббот отмечает, что городская

теория находится во взаимосвязи с так называемой теорией зависимости [1]. Э. Кинг приходит к выводу, что данная система направлена на распространение западных концепций и принципов коммерческой деятельности [12].

Таким образом, можно заключить, что глобальный город – город, который аккумулирует в себе значительный потенциал, активно участвует в мировых экономических процессах, принимает значимые глобальные решения и является центром глобальных корпораций. Важно отметить, что глобальный город представляет собой продукт глобализации, в частности в ее неолиберальном проявлении.

Трансформация глобализации как вызов для глобальных городов

Несмотря на популярность теории глобальных городов события последних лет, в частности все нарастающая дискуссия о трансформации глобализации, ставит под сомнение адекватность и способность объяснения существующих реалий с помощью концепции глобальных городов.

Поскольку глобальный город сформировался благодаря глобализации и, по сути, существует исключительно в условиях глобального мира, процессы трансформации глобализации приводят к переосмыслению городской теории.

В настоящий момент в результате продолжающихся кризисных тенденций, в частности украинского конфликта, санкционного давления, геополитического и идеологического противостояния, широкое распространение получила позиция о смене существующего мирового экономического и политического порядка. Вместе с тем в условиях противостояния национальных государств, введения протекционистских мер, зарождения новых блоков стран актуализируется вопрос об актуальности процесса глобализации.

В связи с этим в научном дискурсе сложилось несколько позиций относительно того, какое развитие в ближайшем будущем получит глобализация:

1. Реглобализация – процесс перераспределения и реорганизации глобальных экономических и политических потоков, который характеризуется укрупнением региональных интеграций и многополярностью в мировой системе. В отличие от классической глобализации, акцент в реглобализации смещается на формирование взаимосвязей и сотрудничества в рамках регионов геополитических блоков, что отражает стремление к более диверсифицированной и сбалансированной мировой экономике.

2. Деглобализация – процесс обратный глобализации, обусловленный низкими темпами роста мировой экономики, которые подталкивают национальные государства к использованию мер защиты национальных производителей от конкурентов внешнего рынка [27].

3. Слоуболизация – процесс замедления глобализации, который выражается в замедлении роста международного сотрудничества, торговли и движения капитала, при этом, не приводя к радикальному разрушению существующих глобальных связей

Процесс пересмотра глобализации стал очевидным после финансового кризиса 2008 года, когда впервые отметили финансовое замедление глобализации. В результате ослабления институтов глобального управления и экономической нестабильности идеология глобализма была поставлена под сомнение. К 2010-м годам эта тенденция стала настолько явной, что получила название – слоуболизация. В начале 2020-х годов мир столкнулся с новым кризисом в связи с распространением COVID-19, в результате которого мировая экономика сжалась, а международное взаимодействие сократилось. Так, согласно докладу Европейского парламента, усиление темпов слоуболизации привело к замещению этого термина новым – деглобализация [18]. Вместе с тем следует отметить, что в настоящий момент указанные понятия часто используются в качестве синонимов.

Независимо от того, какой процесс мы сейчас наблюдаем, очевидно, что происходит трансформация глобализации. Ключевые мегатренды, которые влияют на процесс изменения глобализации отражены на рисунке 3.

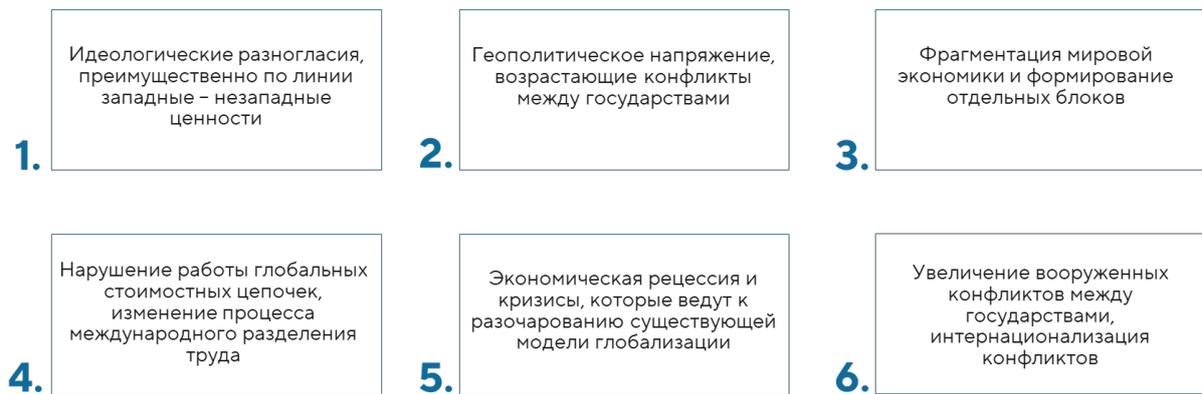

Рисунок 3 – Мегатренды, способствующие трансформации глобализации

Источник: составлено автором на основе [8-9,13,17,19,38,40]

В связи с этим необходимым является доработка городской теории, в частности переосмысление концепции глобального города, который своим появлением обязан глобализации.

Макрорегиональный город – будущее городской теории

Современные мегатренды, включающие нарастающую геополитическую фрагментацию мировой экономики, изменение характера мировых экономических связей, объективно усиливают значимость формирования макрорегиональных объединений. Несмотря на очевидность этого процесса, в научной среде и на практике отсутствует единая общепринятая трактовка границ формирующихся макрорегионов. Связано это с высокой степенью динамичности и многомерности факторов, влияющих на регионализацию, а также с разнообразием методологических подходов к их классификации и пониманию.

Исследователи Дипломатической академии МИД России предприняли попытку спрогнозировать будущую конфигурацию мира. По их мнению, современная поляризация и блоковость на международной арене ляжет в основу распада единого глобального мира на «региональные кластеры и макрорегионы». Такое деление мира будет отвечать принципам полицентричности и культурного, цивилизационного многообразия [25].

Аналогичной позиции придерживаются Д. Евстафьев [23] и М. Делягин [24], которые отмечают нарождающуюся тенденцию по формированию макрорегионов, которые станут «ядрами» нового мирового экономического порядка.

Очевидно, что основные критерии создания макрорегионов в современных условиях включают несколько взаимосвязанных аспектов:

Во-первых, наличие общего цивилизационного фундамента, который выступает основой для формирования внутреннего единства и устойчивости макрорегиональных образований.

Во-вторых, совпадение идеологических и ценностных позиций между участниками, что способствует укреплению солидарности и снижает риски конфликтов.

Наконец, интеграция в общие геополитические и экономические объединения повышает международный статус макрорегиона и его членов, способствуя их совместному развитию и укреплению позиций на мировой арене.

Таким образом, макрорегиональные объединения отражают сложное переплетение культурных, политических и экономических факторов, формируя новые устойчивые структуры взаимодействия на пространственном и институциональном уровнях. Они играют ключевую роль в современной геополитике и стратегии регионального развития, выступая звеньями, связывающими национальные интересы с международными процессами.

Так, учитывая современные мегатренды, необходимо отказаться от идеологически окрашенных терминов, которые сложились в эпоху господства неолиберальной модели глобализации при

господстве стран Запада, в пользу нейтральных понятий, охватывающих все мировой многообразие. В связи с этим концепцию глобального города необходимо пересмотреть с той позиции, что в условиях отсутствия глобального мира, невозможно формирование абсолютно глобальных городов.

В качестве нового термина предлагается авторское понятие – макрорегиональный город – город, который играет ключевую роль в рамках макрорегиона, обладает широкими международными связями и является «ядром» данного макрорегиона, представляя геостратегическую, экономическую, политическую, цивилизационную значимость.

Выводы

Таким образом, в настоящей статье проведен анализ трансформации роли городов в международных отношениях и мировой экономике в условиях изменяющегося глобального миропорядка. Подчеркивается, что несмотря на доминирование национальных государств, мегаполисы постепенно становятся самостоятельными субъектами внешнеполитических процессов, благодаря сконцентрированным в них экономическим, финансовым и культурным ресурсам, а также субнациональному статусу, обеспечивающему сочетание относительной автономии и тесных связей с национальными государствами.

Анализ литературы демонстрирует, что отечественная наука лишь начинает уделять внимание роли городов в международных процессах, в то время как зарубежные исследования показали высокую академическую заинтересованность и заложили теоретические основы городской теории. На основе существующих научных трудов выявлен генезис городской теории, который в наиболее общем виде можно включает две ключевых теории: мирового и глобального города.

При этом особое значение имеет теория С. Сассен, которая переосмыслила роль мегаполисов как узлов глобальной экономики, подчеркнув взаимосвязь локального и глобального в условиях глобализации.

В работе выдвинута и эмпирически доказана гипотеза о том, что трансформация международной среды должна стать фундаментом для пересмотра и адаптации городской теории. Так, текущие геополитические и экономические вызовы, включая украинский конфликт, санкции и сдвиги в мировой политической архитектуре, актуализируют необходимость пересмотра городской теории. Предложенная в работе авторская концепция макрорегионального города, отражает современную полицентричную структуру мирового порядка и отвечает вызовам новой эпохи.

Подытоживая, можно отметить, что вклад данной работы заключается в том, что она не только систематизирует существующие представления о роли городов, но и открывает путь к новому пониманию городской теории, что особенно важно в условиях глобальной нестабильности и усиления блоковости в международных отношениях. В перспективе это позволит не только теоретически, но и на практике усилить влияние городов как активных субъектов международных отношений и мировой экономики, способствуя формированию более гибкой и адаптивной системы глобального управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abbot, C. The International City Hypothesis: An Approach to the Recent History of U.S. Cities. Portland: Portland State University, 1997. - 41 p.
2. Chan, D. K. City Diplomacy and «Glocal» Governance: Revitalizing Cosmopolitan Democracy / D. K. Chan // Innovation: The European Journal of Social Science Research. – 2016. – № 29. – P. 134-160.
3. Cities as global actors: Bringing governance closer to the people // FIIA. – URL: <https://www.fiaa.fi/sv/publikation/cities-as-global-actors?read#:~:text=Studies%20on%20international%20relations%20and,global%20governance%20of%20common%20challenges> (дата обращения: 10.11.2025).
4. Curtis, S., Acuto, M. The Foreign Policy of Cities / S. Curtis, M. Acuto // RUSI Journal. – 2018. – Vol. 163. - № 6. - P. 1-10.
5. Friedmann, J., Wolff, G. World City Formation: An Agenda for Research and Action / J. Friedmann, G. Wolff // International Journal of Urban and Regional Research. – 1982. – Vol. 6, №. 3. – pp. 309–344.
6. Friedmann, J. The World City Hypothesis / J. Friedmann // Development and Change. - 1986. - № 4. - P. 12-50.
7. Geddes, P. Cities in Evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics. L.: Williams & Norgate, 2015. – 442 p.
8. Global Trends 2025: A Transformed World // National Intelligence Council. 100 p.
9. Global Trends to 2040. Choosing Europe's future // ESPAS. 2024. 70 p.
10. Hall, P. The World Cities. London. McGraw-Hill, 1966. – 256 p.
11. Hall, P. Cities of Tomorrow. An Intellectual History of Urban Planning and Design Since 1880. Fourth Edition. John Wiley & Sons Limited, 2014 - 642 p.
12. King, A. Urbanism, Colonialism, and the World-Economy: Cultural and Spatial Foundations of the World Urban System. London: Routledge, 1990. – 185 p.
13. Megatrends. Five global shifts reshaping the world we live in // PwC. - 2024. - 25 p.
14. Rosenau, J. N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton University Press, USA, 1990. - 504 p.
15. Sassen, S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, USA, 1991. – 480 p.
16. Sluka, N.A., Karyakin, V.V., Kolyasev, E.F. Global Cities as the Hubs of New Transnational Actors / N.A. Sluka, V.V. Karyakin, E.F. Kolyasev // Outlines of global transformations: politics, economics, law. - 2020. - № 13(1). – P. 203-226.
17. The Global Risks Report 2025. 20th Edition. Insight Report // World Economic Forum. 2025. 105 p.
18. Titievskaja, J., Kononenko, V., Navarra, C., Stamegna, C., Zumer, K. Slowing down or changing track? Understanding the dynamics of «Slowbalisation». EPRS, European Parliamentary Research Service. – 2020. – 28 p.
19. Top Risks 2025 // Eurasia Group. URL: <https://www.eurasiagroup.net/issues/top-risks-2025> (дата обращения: 26.05.2025).
20. Virilio, P. The information bomb. Verso, 2005. – 149 p.
21. Анисимова, Е.А. Международная деятельность субъектов Российской Федерации и участие в ней региональных парламентов / Е.А. Анисимова // Вопросы российского и международного права. - 2018. - Том 8. - № 4А. - С. 34-41.
22. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. / Ф. Бродель. - Т. 1. М.: Прогресс, 1986. – 624 с. –
23. Евстафьев, Д. Новый мировой порядок: потребность в «чистом листе» и геоэкономические реалии сегодняшнего дня / Д. Евстафьев // Международная жизнь. - URL: <https://interaffairs.ru/news/show/34937> (дата обращения: 20.05.2025)
24. И треснул мир на макрорегионы // Ведомости. - URL: <https://www.vedomosti.ru/analytics/outlook/columns/2025/04/27/1107006-mir-na-makroregioni> (дата обращения: 20.05.2025).

25. Картина нарождающегося мира: базовые черты и тенденции // Дипломатическая академия МИД России. Доклад. Второе издание. – 2024. – 75 с.
26. Колыхалов, М.И. Теоретические аспекты международной деятельности мегаполисов в транснациональной городской сети / М.И. Колыхалов // Регионоведение. – 2022. – Т. 30. – № 4. – С. 961–979
27. Комолов, О.О. Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике / О.О. Комолов // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2021. – № 18(2). – С. 34-47
28. Лебедева, М. Современные мегатренды мировой политики / М. Лебедева // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 9. – С. 29-37.
29. Лебедева, М.М. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике / М.М. Лебедева // Ойкумена. – 2019. – № 1. – С. 7-16.
30. Манукян, Г.А. Международная деятельность субъектов федеративных государств в XXI веке. Международный опыт и российская практика [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Г. А. Манукян; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2020. – 214 с
31. Маркетти, Р. Дипломатия городов: монография / Р. Маркетти / Под ред. М.М. Лебедевой; пер. с англ. Ю. А. Карауловой. – Москва: КНОРУС, 2022. – 154 с.
32. Насыров, И.Р. Сотрудничество российских регионов с международными организациями: форматы и возможности на примере Республики Татарстан / И.Р. Насыров // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – № 15(3). – С. 84-101.
33. Прохоренко, И. Л. Место и роль международных организаций в будущей архитектуре мирового порядка / И. Л. Прохоренко // Международные отношения: грани настоящего и будущего. – М.: РСМД, 2023. – С. 390–405.
34. Слука, Н. Эволюция концепции «мировых городов» / Н. Слука // Демоскоп. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2008/0343/analit01.php> (дата обращения: 17.11.2025).
35. Торкунов, А. В. Современные международные отношения. Учебник / Под. ред. А. В. Торкунова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 584 с.
36. Трубина, Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства / Трубина Е.Г. М.: Новое литературное обозрение, 2011 – 520 с.
37. Фененко, А.В. Современная история международных отношений: 1991–2016 / А. В. Фененко. – Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2016. – 432 с.
38. Фрагментация и слабый рост. Глобальные экономические тренды 2024 // Росконгресс. 2024. 17 с.
39. Хайруллов, Д.С. Организация и регулирование внешнеэкономической деятельности Татарстана с исламскими странами: Учебное пособие. / Д.С. Хайруллов, Ш.И. Гафуров– Казань: К (П) ФУ, 2011. – С. 5-11.
40. Шаклеин, Т.А. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: Учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. – М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013. – 448 с.
41. Шатило, Д.И. Трансформация социального пространства глобальных городов: аналит. обзор / Д. И. Шатило. – ИНИОН РАН, Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем., Отд. глобал. проблем. – Москва: ИНИОН РАН, 2021. – 78 с.

Cities in the World Economy and International Relations: Past, Present, and Future

Shustrov Maksim Andreevich

ostgraduate Student

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

State Budgetary Institution «Center for Tax Revenues» (Moscow Government), Moscow, Russia

E-mail: shustrov20002401@mail.ru

KEYWORDS

global city, geoeconomic fragmentation, macroregions, urban studies, megatrends, transformation of the world economy, actors, globalization

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the role of cities in global economic and political processes. The relevance of the topic is determined by the ongoing transformations of the world order amid geopolitical tensions, as well as the increasing role of non-state and subnational actors in the global economy and politics. At the same time, academic literature notes a lack of scientific works dedicated to the analysis of the role of cities in the new external environment. Thus, the aim of the article is to identify the genesis of urban theory and critically rethink it. As a result of the analysis, the author outlines the evolution of theory in the field of the international role of cities, which can be represented as: world city – global city. The study focuses primarily on the global city concept coined by American urbanist Saskia Sassen, as it is currently the most popular. The identification of key characteristics for classifying a city as global allowed highlighting the main trend that influenced the emergence of global cities – globalization. The analysis of current megatrends, based on analytical reports and scientific works, revealed a modern trend aimed at the transformation of globalization. Consequently, the analysis showed the need for revising existing theoretical concepts to adequately describe the role of cities amid the fragmentation of the world economy and global instability. Taking this into account, the author's concept of the macroregional city is presented. This concept appears relevant in today's conditions of world economic fragmentation, geopolitical confrontation, and civilizational divides. At the same time, it represents a politically neutral theory that reflects the multipolarity of the emerging world order and encompasses the full world diversity.

Современный рынок фитнес-индустрии в России: от производства фитнес-услуг к достижению целей стратегического развития

Головчанская Елена Эдуардовна

кандидат экономических наук, доцент,

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия

E-mail: eegolovchanskaya@fa.ru

Радько Мария Александровна

Студент,

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия

E-mail: radkomarra@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

фитнес-услуги, фитнес-рынок, спортивные клубы, здоровый образ жизни, динамика рынка, конкурентоспособность, цифровизация, бизнес-процессы, потребительские предпочтения, производство услуг

АННОТАЦИЯ

В современных экономических условиях фитнес-индустрия стремительно трансформируется из узкоспециализированной сферы в мощную социально-экономическую отрасль, интегрирующую государственные приоритеты, технологические инновации и новые модели потребительского поведения. Несмотря на значительный рост рынка фитнес-услуг в России (объем рынка за первое полугодие 2025 года составил 150,5 млрд рублей, рост на 23,9% в годовом исчислении), остаются недостаточно изученными механизмы адаптации отрасли к вызовам цифровизации, региональной экспансии и изменениям в форматах потребления. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа современных трендов и выработки стратегических ориентиров для повышения конкурентоспособности фитнес-компаний в условиях насыщенного рынка и растущих ожиданий клиентов. Целью работы является комплексный анализ тенденций развития производства услуг в фитнес-индустрии России и определение путей совершенствования деятельности компаний. Методологическая база исследования основана на анализе статистических данных и нормативных документов. В результате исследования выявлены ключевые тренды: переход к рекуррентным моделям оплаты (65,3% клубов в 2025 году), рост популярности автоматизированных фитнес-пространств 24/7, региональная экспансия с акцентом на сегмент среднего и эконом-класса, а также внедрение CRM-систем и искусственного интеллекта для персонализации услуг и повышения клиентской лояльности. Особое внимание уделено цифровизации клиентского пути, управлению загрузкой залов и оптимизации маркетинговых стратегий через программы лояльности и онлайн-форматы. Научная новизна представленного исследования заключается в комплексном анализе трансформации производства услуг в российской фитнес-индустрии в период 2024-2025 гг., рассматриваемой как модель экономики впечатлений и подписочной экономики в условиях пост-пандемийных изменений и структурных сдвигов рынка. В отличие от предыдущих работ, фокусирующихся на маркетинговых механизмах или общих трендах, данное исследование выявляет и систематизирует специфические драйверы и барьеры роста, возникающие на стыке государственной политики, потребительского поведения и технологической адаптации.

JEL codes: L83, M10, M31, O33, Z21

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-1-153-168>

Для цитирования: Головчанская, Е.Э. Современный рынок фитнес-индустрии в России: от производства фитнес-услуг к достижению целей стратегического развития / Е.Э. Головчанская, М.А. Радько. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 1. – С.153-168. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 31.01.2026)

Введение

Актуальность темы обусловлена стремительной эволюцией производства услуг в фитнес-индустрии в ответ на глобальные тренды. Это динамичная, технологичная и социально значимая часть отрасли, которая является содержательной моделью для изучения того, как современный бизнес создает ценность, выстраивая долгосрочные отношения с клиентом вокруг фундаментальных ценностей — здоровья, общения и личного благополучия. Ее исследование позволяет не только анализировать текущее состояние экономики услуг, но и прогнозировать будущие изменения на рынках, тесно связанных с повседневной жизнью человека [1].

По оценкам, рынок физических упражнений и тренировок составляет 244 млрд долларов США по всему миру и растет со скоростью 5–10 % в год. Это лишь один из столпов многотриллионного рынка велнес-услуг, который также включает в себя здоровье, питание, сон, осознанность и внешний вид [2]. В настоящее время производство услуг в фитнес-индустрии в России интегрировано в общемировой тренд здорового образа жизни. Деятельность спортивных клубов в данной области развилась от простых тренажерных залов до многопрофильных центров, предлагающих комплексные решения для поддержания физической формы, реабилитации и социальной адаптации. По данным IHRSA (International Health, Racquet & Sportsclub Association), глобальный рынок фитнес-услуг оценивается в более чем 100 млрд долларов, а количество фитнес-клубов превышает 200 тысяч.

Российский фитнес-рынок демонстрирует устойчивый рост даже в условиях экономической нестабильности. Данный рост обусловлен изменением потребительских предпочтений, государственной поддержкой и технологической модернизацией. По данным аналитического агентства «Делойт», в 2024 году количество фитнес-клубов в стране превысило 7 тысяч, а объем рынка составил более 250 млрд рублей.

По данным FitnessData, только за первые семь месяцев 2025 года было зарегистрировано 906 новых организаций фитнес-профиля, что на 27% больше по сравнению с прошлым годом. Это связано с возрастающим спросом на услуги: в июле посещаемость фитнес-клубов выросла на 14,7% по сравнению с аналогичным периодом 2024 года. С начала года по 12 августа число транзакций по оплате услуг фитнес-залов и спортивных центров выросло на 5% в годовом исчислении, в то время как средний чек увеличился на 10,1%, достигнув 4,1 тыс. рублей. Объем рынка фитнес-услуг за полгода составил 150,5 млрд рублей, что является ростом на 23,9% в годовом исчислении. (см. Таблицу 1).

Таблица 1 – Ключевые показатели развития фитнес-рынка России

Показатель	2024 год	2025 год	Динамика
Объем рынка	263 млрд руб.	150,5 млрд руб. (за I полугодие)	+23,9% (январь-июнь)
Средний чек	3,9 тыс. руб.	4,1 тыс. руб.	+10%
Количество посещений	372,7 млн	-	+29% (к 2022 году)
Число занимающихся	6,94 млн чел.	-	+5,5% (к 2023 году)

Источник: составлено автором

Оборот рынка фитнес-услуг в I квартале 2025 года составил 79,7 млрд рублей, показав рост на 25,5% относительно аналогичного периода 2024 года

Однако, несмотря на положительную динамику, компании сталкиваются с рядом вызовов: высокая конкуренция, изменение потребительских предпочтений, необходимость внедрения цифровых технологий и оптимизации бизнес-процессов.

В связи с этим цель работы – исследование отраслевых тенденций развития производства услуг в фитнес-индустрии и выработка ориентиров совершенствования.

Методология и данные исследования

Основой используемой методологии явился метод системного анализа исследуемого объекта, который позволил выявить проблемные зоны современного рынка фитнес-индустрии. Метод синтеза явился основой в разработке направлений развития рынка фитнес-индустрии. Источниками данных послужили официальные сайты субъектов спортивной отрасли: Правительства Российской Федерации, Единый Методический Информационный Ресурс Министерства спорта Российской Федерации (сводные аналитические отчеты о физической культуре и спорте, стратегические планы, финансовые показатели и др.), Росстат (статистика о доходах населения и расходах на спорт и отдых), Национальное фитнес-сообщество (исследование рынка фитнес-услуг), а также специализированные отраслевые СМИ и порталы, открытые годовые отчеты и презентации крупных сетевых операторов и др.. Теоретической базой исследования послужили работы Прохоровой О. К., Куршина И. А., Пьянковой С.Г., Аркалова Д. П., Ивановой Ю. О., Ермаковой В. Д. и др.

Теоретические и нормативные основы исследования

В Российской Федерации развитие фитнес индустрии основано на государственных приоритетах развития в сфере физической культуры и спорта, которые в своей основе опираются на систему стратегического планирования. Данную сферу регулирует ряд нормативных документов, представленных в таблице 2.

Таблица 2 – Нормативные документы в сфере физической культуры и спорта

Название документа	Основное содержание
Закон о защите прав потребителей (ЗоЗПП, № 2300-1)	Регулирует права потребителей фитнес-услуг, включая качество, безопасность и информационную прозрачность. Обязывает фитнес-центры предоставлять достоверную информацию о услугах, условиях абонементов, возвратах и гарантиях.
Федеральный закон № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ» (ред. от 24.06.2025)	Определяет правовые основы деятельности в сфере физкультуры и спорта, включая фитнес. Устанавливает требования к безопасности, качеству услуг, квалификации персонала, а также права и обязанности организаций и граждан. Включает нормы по адаптивной физической культуре, массовому спорту и инфраструктуре.
Распоряжение Правительства РФ № 3081-р от 24.11.2020 «Стратегия развития физической культуры и спорта в РФ до 2030 года».	Предусматривает развитие фитнес-индустрии как части массового спорта, цифровизацию отрасли, повышение доступности и качества услуг, строительство новых объектов, привлечение инвестиций.

Источник: составлено автором с использованием [15-17]

Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2030 года, утверждённая Распоряжением Правительства РФ № 3081-р, закладывает основы для комплексного развития фитнес-индустрии как неотъемлемой части массового спорта и здорового образа жизни.

В стратегии сформированы цели развития физической культуры и спорта, направленные на повышение уровня физической активности населения, формирование культуры здорового образа жизни и создание условий для массового вовлечения граждан в регулярные занятия спортом. Достижение данных целей основано, в том числе, и на решении задач развития фитнес-индустрии, которые включают повышение доступности фитнес-услуг, развитие кадрового потенциала, цифровизацию, интеграцию фитнес-культуры в систему образования и медицины, а также совершенствование нормативно-правовой базы.

Так, одним из ключевых направлений стратегии является цифровизация отрасли. В рамках этого

процесса планируется внедрение электронных паспортов спортсменов, создание единой цифровой платформы для сбора, обработки и анализа данных о занятиях физической культурой и спортом. Это позволит не только упростить доступ граждан к фитнес-услугам через портал Госуслуг, но и обеспечит прозрачность и эффективность управления отраслью. Цифровизация отрасли проявляется также во внедрении специализированных онлайн-платформ. Эти сервисы позволяют дистанционно записываться на тренировки, отслеживать посещаемость и формировать аналитическую отчетность. Подобные данные становятся основой для взвешенных управленческих решений и перманентного совершенствования клиентского сервиса.

Стратегическая линия также подразумевает планомерно расширение материально-технической базы с целью обеспечения равного доступа к фитнес-услугам для различных социальных групп. В рамках данной задачи предусматривается активизация инвестиционной деятельности и развитие механизмов государственно-частного партнерства, направленных на реконструкцию действующих и возведение новых спортивных комплексов.

Создание условий для регулярных занятий фитнесом для всех категорий граждан, независимо от места проживания, возраста или социального статуса – это еще один стратегический ориентир развития. Для этого предусмотрено строительство новых фитнес-центров не только в крупных городах, но и в сельских территориях, где доступ к спортивной инфраструктуре ранее был ограничен. Например, в 2025 году была запущена программа «Земский тренер», направленная на развитие спортивной инфраструктуры в сельских районах и подготовку квалифицированных кадров. Это позволило расширить географию фитнес-центров, сделать их более доступными для жителей удаленных регионов и обеспечить высокий уровень профессионализма тренеров.

Таким образом, отечественная фитнес-индустрия последовательно встраивается в реализацию национальных приоритетов в области физической культуры, трансформируясь в значимый социальный институт, ответственный за популяризацию ценностей здоровья и активного долголетия.

Отдельно следует отметить рост значимости качества фитнес – услуг, что сопровождается активным внедрением ГОСТов и санитарных норм и является обязательным условием для всех фитнес-центров. (см. Таблицу 3).

Таблица 3 – Содержание ГОСТов в сфере фитнес-индустрии

Название документа	Основное содержание
ГОСТ Р 56644-2015	Устанавливает стандарты качества фитнес-услуг, требования к персоналу, оборудованию, безопасности, гигиене, программному обеспечению и документации.
ГОСТ Р 57116-2016	Регламентирует требования к помещениям, оснащению, квалификации тренеров, организации процессов, включая доступность для лиц с ограниченными возможностями.
ГОСТ Р 52025-2021	Определяет требования к безопасности и качеству услуг, включая фитнес, а также методы контроля и испытаний оборудования.

Источник: составлено автором с использованием [7-9]

Данные нормативные акты устанавливают четкие критерии к техническому оснащению, уровню профессиональной подготовки сотрудников, санитарно-гигиеническому состоянию объектов и обеспечению безопасности тренировочного процесса. Плановый мониторинг соблюдения установленных требований направлен на систематическое снижение вероятности получения травм и поддержание стабильного качества предоставляемых услуг. Ключевым элементом выступает работа с кадрами: тренерский состав обязан соответствовать актуальным профессиональным стандартам и систематически подтверждать свою квалификацию в рамках аттестационных процедур.

В контексте государственной политики в сфере физической культуры, индустрия фитнеса также реализует социально-ориентированные инициативы. Приоритетом является разработка и

внедрение адаптированных программ для различных социально-демографических групп, включая детей, подростков, а также лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов.

Адаптивный фитнес позволяет вовлекать в регулярные занятия спортом максимально широкий круг граждан, способствуя их социальной интеграции и улучшению качества жизни.

Таким образом, фитнес-индустрия в России развивается как часть государственной стратегии. Вследствие можно отметить, что производство услуг в фитнес-индустрии — это сложный, многоуровневый процесс создания, продвижения и предоставления нематериального продукта, направленного на удовлетворение потребностей клиента в физическом совершенствовании, психологической разгрузке и социальной реализации. В его основе лежит не выпуск тиражируемого товара, а производство уникального, персонифицированного опыта и достижимого результата.

«Производство услуг в фитнес-индустрии» - это специфическое научное явление. Особенность данного явления заключается в том, что потребитель фитнес-услуг – это не пассивный пользователь, а соавтор производственного процесса. От его дисциплины, настроения и энергии напрямую зависит конечный «выход продукции». Без его усилий самый совершенный «проект» останется на бумаге.

Можно констатировать, что производство услуг в фитнес-индустрии – это нелинейный, эмоционально насыщенный процесс, где главным продуктом является не разовая тренировка, а измеримое позитивное изменение в жизни человека, созданное в результате стратегического партнерства клиента и профессионала. Это производство не вещей, а новых качеств: силы, выносливости, здоровья и уверенности в себе [14]. Т.е., влияние фитнес услуги на качество жизни человека в значительной степени определяет степень достижения целей стратегического развития России.

Результаты исследования.

Российский рынок фитнес-услуг в 2024–2025 годах демонстрирует переход от разовых покупок к регулярному потреблению с опорой на подписочные модели и продления абонементов. По итогам 2024 года совокупный оборот оценивался порядка 262,8 млрд руб., а за январь–сентябрь 2025 года выручка приблизилась к 160 млрд руб. В таких условиях конкурентоспособность компаний определяется не столько краткосрочными промо-акциями, сколько качеством стандартизированного сервиса, дисциплиной процессов и уровнем цифровизации, позволяющей управлять когортами и оттоком в непрерывном режиме. Вместе с тем индустрия сталкивается с ростом операционных издержек, в частности, расходов на аренду и оплату труда. По данным первого полугодия 2025 года маржинальность остается на уровне около 7-9%, фонд оплаты труда в отрасли с начала года вырос на 11–12%, арендные платежи — на 8–9%, затраты на ремонт и оборудование — на 12–13%. Вместе с тем клубы ограничены в возможностях повышения цен [23]. В этих условиях клубы стремятся к цифровизации и внедрению технологий искусственного интеллекта, особенно в части индивидуального планирования и кастомизации услуг. Персонализированный подход становится ключевым элементом конкурентной стратегии фитнес-клубов по всей стране. [12]

В 2023 году количество посещений фитнес-занятий в России достигло 372,7 млн — это на 29% больше по сравнению с 2022-м. Столь значительному росту способствуют популяризация здорового образа жизни и возрастающее внимание людей к своему здоровью.

Пандемия COVID-19 существенно отразилась на деятельности фитнес-клубов [20]. В 2020-м на фоне пандемии COVID-19 произошел резкий спад: показатель рухнул на 47,4% — до 183,8 млн посещений. В условиях карантина фитнес-клубы были вынуждены приостановить работу, однако появился онлайн-формат занятий, что продолжало приносить прибыль клубам.

В 2022 году показатель достиг 289,1 млн посещений. Основной причиной сдержанного спроса в сравнении с 2021 годом стало ускорение инфляции, вызванное нарушением логистических цепочек и усложнением платежей по внешнеэкономическим сделкам. Кроме того, сократились реальные доходы россиян. Уход западных компаний с российского рынка в связи с санкциями привел к сокращению числа корпоративных клиентов фитнес-центров [25]. В марте 2022 года продажи клубных карт

и абонементов в фитнес-отрасли также снизились на 8,4% в сравнении с докризисным периодом, продажи дополнительных услуг – на 8,3%. Российский рынок фитнес-услуг на фоне санкций потерял 6,2 млрд рублей выручки в I квартале 2022 года по сравнению с аналогичным периодом докризисного 2019 года. Также стоит отметить, что в результате блокировки интернет-ресурсов и социальных сетей индустрия потеряла ряд маркетинговых инструментов для продвижения услуг, которые являлись драйверами в генерации клиентского трафика и увеличивали количество потенциальных клиентов [4].

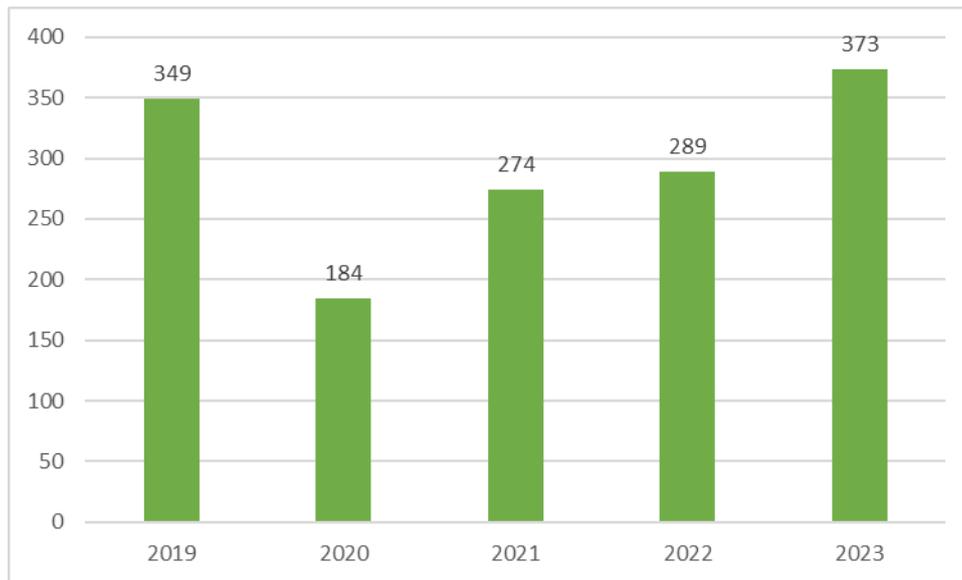

Рисунок 1 – Численность посещений фитнес-клубов в России в 2019-2023 гг.

Источник: составлено автором на основе: Фитнес-услуги (рынок России) [Электронный ресурс] // ZDRAV.EXPERT. – URL: [https://zdrav.expert/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A4%D0%B8%D1%82%D0%BD%D0%B5%D1%81-%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B8_\(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8\)](https://zdrav.expert/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A4%D0%B8%D1%82%D0%BD%D0%B5%D1%81-%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B8_(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8)) (дата обращения: 12.10.2025)

Отраслевой рост поддерживается тремя согласованными факторами. Во-первых, расширением продуктовых форматов: бутик-студии усиливают ценность за счёт фокусной специализации и сообществ, дешевый сегмент — за счёт высокой доступности и прозрачной матрицы тарифов, полноформатные клубы — за счёт ширины предложения и сервисной экосистемы (групповые программы, wellness-зоны). Во-вторых, цифровизацией клиентского пути: онлайн-запись, мобильные приложения, напоминания, дневники прогресса и рекуррентные списания сокращают трение, повышают доходимость на пробное занятие и стабилизируют продления. В-третьих, управлением загрузкой через ценовую и расписательную политику: выравнивание «прайм/вне пика», перепродажа мест при неявке, тонкая настройка тайм-слотов и окон восстановления инфраструктуры [22].

Маркетинг смещается к функциям сервиса: основными целями становятся не одномоментный охват, а повышение конверсии «заявка - визит», завершение стартового плана из трёх тренировок и рост доли продлений в когорте. Соответственно, ключевые KPI концентрируются вокруг удержания: месячный отток по подпискам, доля продлений на 30/60/90-й день, отношение LTV/CAC, NPS/CSAT после контрольных касаний.

В крупных агломерациях фиксируется рост среднего чека и ускоренная ротация продуктовой матрицы: потребительский запрос быстрее переключается между форматами и направлениями тренировок, а конкуренция стимулирует внедрение подписочных тарифов «вне пика», семейных и парных планов, корпоративных пакетов. На периферийных рынках ключевым фактором выступает предсказуемость сервиса и локальная репутация; здесь решают стандарты фронт-офиса, стабильность расписания и точность коммуникаций, тогда как сложные продуктовые линейки дают меньший прирост к выручке, чем снижение неявок и повышение доходимости на пробное занятие [22].

Риск-профиль отрасли в 2024–2025 годах определяется тремя группами угроз. Регуляторные и санитарные риски нивелируются соблюдением требований к объекту и персоналу, журналами микроклимата, графиками ТО и расследованием инцидентов по циклу Деминга (PDCA). Экономические риски связаны с демпингом и удорожанием закупок/аренды; противодействие обеспечивается лимитами скидок, управлением продуктовым миксом и акцентом на удержание как главным источнике маржи [22].

Современные модели в фитнес-индустрии

Высокая конкуренция, насыщение рынка, рост ожиданий клиентов и технологические инновации формируют сложную бизнес-среду, в которой традиционные подходы к управлению перестают быть эффективными.

Для успешного функционирования и развития фитнес-компаниям необходимо не только оперативно реагировать на текущие вызовы, но и строить долгосрочную стратегию, основанную на глубоком анализе рисков, оптимизации процессов и внедрении передовых практик управления, что в свою очередь приводит к появлению новых моделей развития. Среди современных тенденций развития новых моделей в фитнес индустрии можно выделить рост франчайзинговых сетей в отрасли, уменьшение средней цены клубного членства, развитие автоматизации и новых технологий в клубах, бурный рост региональных рынков, коллаборация со смежными отраслями (см. Рисунок 2) [19].

Рисунок 2 – Современные модели в фитнес-индустрии

Источник: составлено автором

Устойчивое функционирование фитнес-компаний опирается на автоматизацию процессов. В частности, активно развиваются подписочные процедуры и омниканальные коммуникации, поскольку приложения упрощают запись, напоминания и автосписания. По-прежнему, внедрение CRM системы весьма актуально (система управления взаимоотношениями с клиентами), что связано с возможностями автоматически инициировать контакты на основе событий, таких как отсутствие активности, истечение срока или отсутствие прогресса. Автоматизированная система контроля и управления доступом (СКУД) обеспечивает точный учёт визитов. Автоматизация фитнес-компаний отражается и на возможностях изменения графика работы. Наблюдается рост популярности автоматизированных фитнес-пространств, работающих в формате 24/7 без постоянного присутствия персонала. Эти клубы, как правило, оснащены современным оборудованием с интегрированными системами доступа (например, через мобильные приложения или биометрические данные), что позволяет клиентам заниматься в любое удобное время, не завися от графика работы персонала. Автоматизированные клубы часто предлагают более доступные тарифы, так как их эксплуатационные расходы ниже за счет отсутствия необходимости содержать большой штат сотрудников.

Еще одна тенденция формирования новой модели фитнес-компаний - переход к рекуррентной модели. Рекуррентная модель опирается на систему оплаты помесечными платежами, которые обеспечивают клиентам гибкость и доступность, а клубам — стабильный денежный поток. Согласно

данным за январь–июнь 2025 года, доля клубов, работающих по рекуррентной модели, достигла 65,3% от общего числа стартовавших проектов, что на 17,3 процентных пункта выше показателя прошлого года (48%). Данная тенденция отражает изменение потребительского поведения в пользу гибких подписок с помесечной оплатой. Такая модель позволяет избегать долгосрочных контрактных обязательств и оперативно адаптировать график тренировок к изменяющимся личным обстоятельствам. Этот тренд становится особенно востребованным в периоды экономической неопределенности, когда пользователи стремятся к снижению финансовых рисков и сохранению свободы в управлении персональным бюджетом [5, 6].

Еще одна перспективная модель фитнес-индустрии на сегодняшний день основывается на региональной экспансии. «Региональная модель фитнес-индустрии» — это уникальный социально-экономический симбиоз, возникающий на стыке локальных демографических, климатических, культурных кодов и предпринимательских стратегий, который кристаллизуется в специфический набор форматов услуг, ценностных предложений для потребителя и правил рыночной игры, отличных от общественных трендов. Это всегда компромисс между глобальными фитнес-трендами и локальной идентичностью, рождающий уникальные модели — от сетевых спортклубов в столице до придорожных силовых залов в промышленном городе или сообществ моржевания и скандинавской ходьбы в курортной зоне. Несмотря на то, что основной объем фитнес-услуг по-прежнему сосредоточен в Москве и Санкт-Петербурге, где рынок находится на стадии зрелости и характеризуется высокой конкуренцией, региональные рынки демонстрируют значительный потенциал для роста [24].

Наиболее заметный рост числа посетителей в 2022 году был зафиксирован в Республике Тыва и Калининградской области, где количество занимающихся увеличилось в три раза. Значительный прирост также наблюдался в Новгородской и Пензенской областях, а также на Алтае — здесь число посетителей выросло в два раза. Среди других регионов с высокими темпами роста можно выделить Карелию (+85%), Мордовию (+76,1%), Кировскую область (+75,5%), Орловскую область (+70%) и Амурскую область (+60,5%). Однако, чем меньше город, тем ниже у населения интерес к фитнесу. Если в Москве и Санкт-Петербурге вовлеченность составляет 12%, то в городах-субмиллионниках этот показатель снижается до 9%. А в городах с населением менее 300 тысяч — до 4% [11].

В то же время в 2022 году в 20 регионах России наблюдалось сокращение числа постоянных посетителей фитнес-клубов. Наиболее значительное падение было зафиксировано в Чукотском автономном округе, где количество тренирующихся уменьшилось на 72,9%. Существенное снижение также произошло в Ямало-Ненецком автономном округе (-55,2%), Ульяновской области (-40,9%), Псковской области (-39,3). (см. Рисунок 3).

Данную динамику можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, в большинстве регионов России наблюдается неудовлетворенный спрос на фитнес-услуги, особенно в сегментах среднего и эконом-класса. Согласно данным, насыщенность эконом-сегмента в регионах не превышает 12%, тогда как премиум-сектор, напротив, перенасыщен (до 60%). Это указывает на дисбаланс в предложении: премиальные клубы часто ориентированы на узкую аудиторию с высоким уровнем дохода, в то время как основная масса потенциальных клиентов — представители среднего класса — остаются без качественных и доступных фитнес-услуг. Во-вторых, региональная экспансия становится возможной благодаря изменению бизнес-моделей и снижению издержек на открытие и эксплуатацию фитнес-клубов. Современные технологии, такие как автоматизация процессов, использование ИИ для управления клубом, а также внедрение рекуррентных моделей оплаты, позволяют снижать операционные расходы и делают фитнес-бизнес более рентабельным даже в условиях меньшей платежеспособности региональной аудитории. Следует заметить, что ориентация моделей на разные потребительские группы приводят к различным точкам маржинальности: бутик-студии монетизируют сообщество и специализацию (высокая цена за счёт высокой вовлечённости), дешёвый сегмент строит экономику на обороте и самообслуживании (жёсткая дисциплина издержек и динамическая цена вне пика), полноформатные клубы сочетают ширину предложения и допродажи.

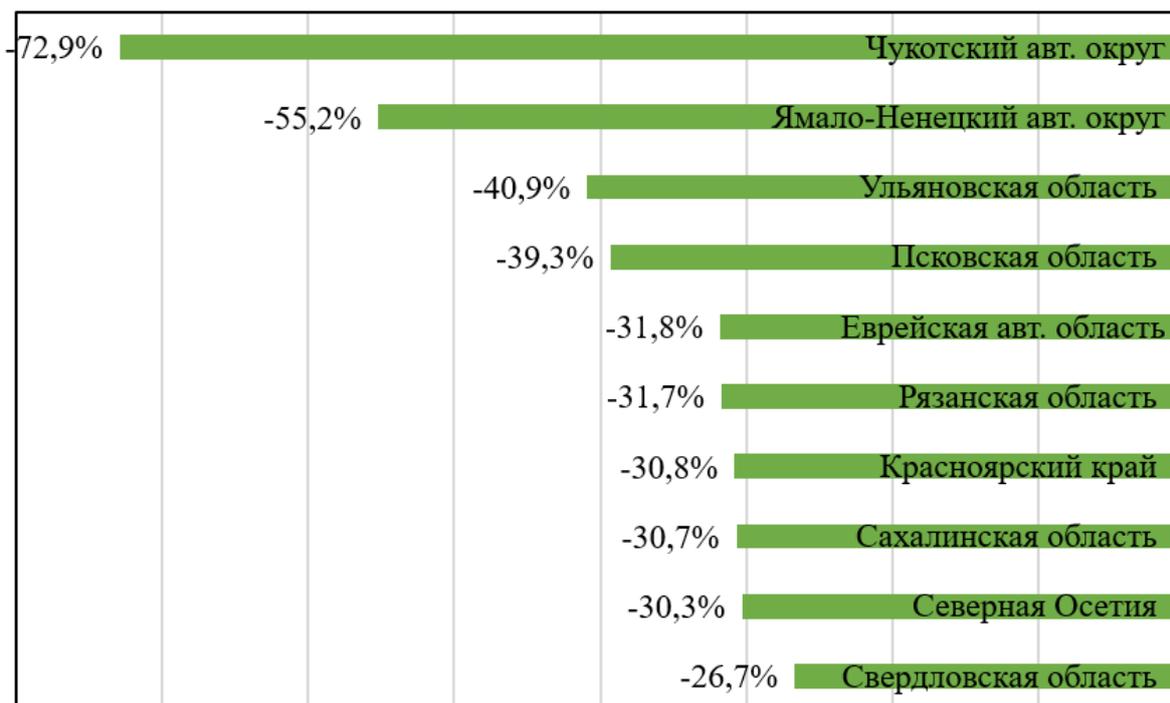

Рисунок 3 – Динамика посещаемости фитнес-клубов в регионах

Источник: составлено автором на основе: Фитнес-услуги (рынок России) [Электронный ресурс] // ZDRAV.EXPERT. – URL: [https://zdrav.expert/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A4%D0%B8%D1%82%D0%BD%D0%B5%D1%81-%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B8_\(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8\)](https://zdrav.expert/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A4%D0%B8%D1%82%D0%BD%D0%B5%D1%81-%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B8_(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8)) (дата обращения: 12.10.2025)

В совокупности все эти тенденции формируют новый облик фитнес-индустрии, где ключевыми факторами успеха становятся гибкость, технологичность и ориентация на потребности широкой аудитории.

Обсуждение

В ходе анализа, мы пришли к выводу, что насыщение рынка фитнес-услуг и усиление конкуренции требуют от компаний не только поддержания высокого качества услуг, но и внедрения инновационных подходов к управлению, маркетингу и взаимодействию с клиентами. (см. Рисунок 4). В Российской Федерации дополнительным стимулом для развития отрасли стало введение с 2022 года социального налогового вычета за фитнес-услуги, что повышает доступность занятий спортом для широких слоев населения и создает новые возможности для бизнеса. Вместе с тем, рост конкуренции, изменение потребительских предпочтений в сторону гибридных форматов, а также необходимость адаптации к экономическим вызовам требуют от фитнес-компаний системного подхода к оптимизации деятельности.

Одним из ключевых направлений совершенствования деятельности фитнес-компаний является оптимизация бизнес-процессов посредством внедрения современных технологий. Как мы упоминали выше по-прежнему высокой актуальностью обладают CRM-системы и автоматизация рутинных операций. CRM-системы (Customer Relationship Management) позволяют централизовать управление клиентской базой, автоматизировать процессы бронирования, оплаты и взаимодействия с клиентами, а также персонализировать маркетинговые коммуникации. Согласно исследованию компании McKinsey & Company, автоматизация бизнес-процессов в фитнес-индустрии может сократить операционные издержки на 20–30% и повысить удовлетворенность клиентов за счет оперативного и качественного сервиса. Внедрение CRM-систем позволяет фитнес-клубам собирать и анализировать данные о посещаемости, предпочтениях клиентов, истории их взаимодействия с

клубом, что в свою очередь способствует более точной сегментации аудитории и таргетированному предложению услуг. Согласно исследованиям, 82% российских фитнес-клубов используют такие системы управления, при этом лидером рынка CRM-систем является «1С: Фитнес клуб» с долей 52% [25].

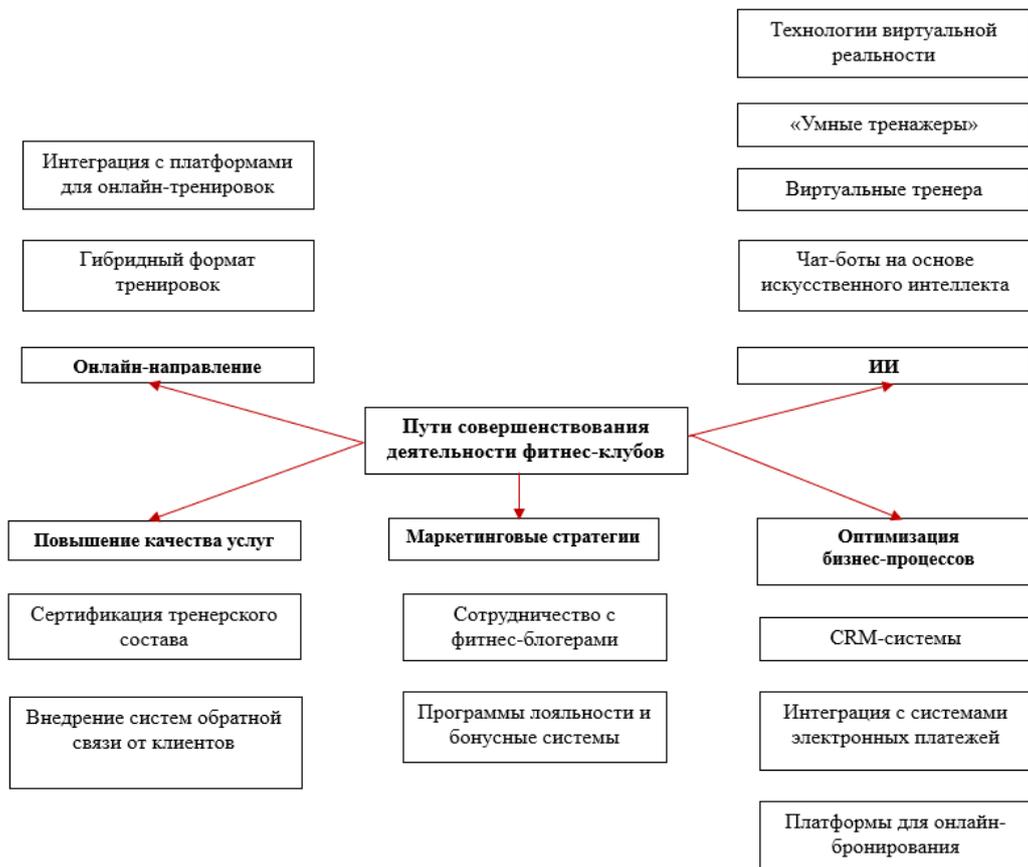

Рисунок 4 – Пути совершенствования деятельности фитнес-клубов

Источник: составлено автором

Наряду с CRM-системами, важным элементом оптимизации бизнес-процессов является автоматизация бронирования и оплаты услуг. Современные платформы онлайн-бронирования, такие как Mindbody, Glofox или ClubRight, позволяют клиентам в режиме реального времени выбирать удобное время для тренировок, оплачивать абонементы и дополнительные услуги, а также получать уведомления о предстоящих занятиях. Интеграция с системами электронных платежей (например, Сбербанк Онлайн, Тинькофф, Apple Pay) упрощает процесс оплаты, снижает риск неоплаченных посещений и повышает прозрачность финансовых операций. Еще одним существенным преимуществом цифровизации является повышение операционной эффективности через автоматизацию управления ресурсами. Системы онлайн-бронирования не только предоставляют клиентам удобный инструмент планирования, но и позволяют администрации оптимизировать распределение нагрузки по залам, сглаживать пиковую посещаемость и рационально формировать график работы инструкторов. Как показывают аналитические данные (исследование Deloitte, 2023), клубы, использующие подобные решения, достигают увеличения регулярной посещаемости на 15–25% и сокращают отток клиентов на 10–20% по сравнению с организациями, применяющими традиционные методы записи.

Еще одно направление развития - качество предоставляемых услуг. Качество производимых фитнес-услуг формируется за счет двух взаимодополняющих факторов: уровня компетенции персонала и эффективности сервисных процессов. Поддержание высоких стандартов обеспечивается

за счет внедрения системы непрерывного профессионального развития тренеров, включающей сертификацию по международным протоколам и регулярное обновление знаний в соответствии с актуальными трендами фитнес-индустрии. Параллельно внедряются клиентоориентированные практики сбора и анализа обратной связи, позволяющие оперативно выявлять зоны улучшения и адаптировать сервис под индивидуальные ожидания посетителей. Такой комплексный подход способствует созданию устойчивой репутации и повышению конкурентоспособности на рынке фитнес-услуг.

Регулярный сбор и анализ отзывов позволяют оперативно выявлять проблемные зоны и корректировать бизнес-процессы. Согласно исследованию компании Harvard Business Review, компании, активно работающие с обратной связью от клиентов, демонстрируют на 25% более высокий уровень удержания клиентов и на 30% более высокую прибыльность по сравнению с теми, кто игнорирует отзывы.

Маркетинговые стратегии являются важным звеном в технологиях привлечения и удержания клиентов фитнес-клубов. В условиях цифровизации и роста популярности социальных сетей, маркетинг влияния становится эффективным инструментом продвижения. Согласно данным агентства HubSpot, 71% потребителей с большей вероятностью совершат покупку, если она рекомендована блогером или лидером мнений. Важно поддерживать сотрудничество с фитнес-блогерами, проводить совместные акции, челленджи и прямые эфиры, что позволит клубам формировать положительный имидж в представлениях целевой аудитории. Следует выделить еще один инструмент маркетинга - программы лояльности и бонусные системы. Программы лояльности, предусматривающие начисление баллов за посещения, покупку абонементов, приглашение друзей и другие активности, стимулируют клиентов к более частому посещению клуба и повышают их лояльность [10, 21].

Развитие онлайн-направления становится обязательным условием конкурентоспособности фитнес-клубов в 2025 году. Онлайн-фитнес — один из самых быстрорастущих сегментов в индустрии фитнеса в целом. Его ежегодный прирост составляет +33,1 %, что выше, чем у спортивных залов (+7,5 %), оборудования (+3,7 %) и отрасли в целом (+5,6 %) [3]. Пандемия COVID-19 ускорила переход к гибридным форматам тренировок, и сегодня многие клиенты предпочитают сочетать офлайн- и онлайн-занятия. Согласно статистике, 73% клиентов фитнес-клубов ожидают, что их клуб будет предлагать онлайн-тренировки как часть стандартного абонемента. В связи с этим фитнес-компании активно разрабатывают собственные мобильные приложения, которые позволяют клиентам бронировать тренировки, оплачивать услуги, отслеживать прогресс и получать персонализированные рекомендации. Интеграция с платформами для онлайн-тренировок расширяет аудиторию клуба и предлагает клиентам гибкие форматы занятий.

Совершенствование деятельности фитнес-клубов невозможно без внедрения инновационных технологий. ИИ трансформирует традиционные подходы к организации тренировочного процесса, управлению ресурсами, взаимодействию с клиентами и аналитике, открывая перед фитнес-клубами новые горизонты для роста и развития. Системы на основе искусственного интеллекта способны анализировать данные о посещаемости клуба в разные временные периоды, прогнозировать пиковые нагрузки и оптимально распределять персонал, что позволяет избежать как перегрузки сотрудников, так и простоев оборудования. Кроме того, ИИ может использоваться для автоматизации управления запасами: система анализирует спрос на спортивное питание, инвентарь и аксессуары, прогнозирует необходимость пополнения складов и формирует заказы поставщикам, что минимизирует риск дефицита или избытка товаров.

Внедрение искусственного интеллекта позволяет принципиально изменить подход к организации клиентского сервиса в фитнес-индустрии, создавая адаптивную и персонализированную среду. Эволюция в данной сфере проявляется через несколько ключевых технологических решений.

Автоматизированные клиентские сервисы на основе ИИ, такие как интеллектуальные чат-боты,

обеспечивают непрерывное взаимодействие с пользователями. Эти системы способны обрабатывать запросы, регистрировать клиентов на занятия, уведомлять о расписании и информировать об обновлениях. За счет анализа данных о предыдущих взаимодействиях, алгоритмы формируют индивидуальные предложения, что способствует усилению клиентской привязанности.

Параллельно развиваются решения для дистанционного контроля тренировочного процесса. Виртуальные тренеры, использующие компьютерное зрение, анализируют выполнение упражнений по видео в режиме реального времени, предоставляя рекомендации по коррекции техники, что приближает онлайн-формат к персональным занятиям с инструктором.

Дополнительный импульс задает интеграция интеллектуальных систем непосредственно в тренажерное оборудование. Датчики и алгоритмы ИИ позволяют автоматически регулировать параметры нагрузки, отслеживать биомеханические показатели и предотвращать ошибки при выполнении упражнений. Расширяется и интерактивная составляющая: совмещение таких тренажеров с VR-технологиями переносит пользователя в иммерсивные симуляции, например, имитируя велопробег по живописным локациям. Это преобразует рутинную физическую активность в увлекательный процесс, положительно влияя на регулярность посещений.

Таким образом, искусственный интеллект выступает катализатором формирования нового качества сервиса, делая фитнес-услуги более гибкими, индивидуальными и технологичными.

Заключение

Современная фитнес-индустрия в России активно трансформируется в ответ на глобальные тренды здорового образа жизни, становясь не только экономически значимой отраслью, но и инструментом социального развития. Основные направления развития фитнес-индустрии в рамках стратегии включают обеспечение доступности и расширение инфраструктуры, повышение качества и безопасности услуг, цифровизацию процессов, а также социальную направленность программ. Достижение стратегических целей отрасли основывается на комплексном подходе, включающем цифровизацию, расширение доступности услуг и повышение их качества, а решение ключевых задач фитнес-индустрии — таких как высокая конкуренция, изменение потребительских предпочтений и необходимость оптимизации бизнес-моделей — требует внедрения инновационных подходов и гибких стратегий. Переход к рекуррентным моделям оплаты, доля которых в 2025 году достигла 65,3%, отражает стремление потребителей к финансовой гибкости и позволяет клубам стабилизировать денежные потоки. Автоматизированные фитнес-пространства, работающие в формате 24/7, снижают эксплуатационные расходы и делают услуги более доступными, а региональная экспансия открывает новые рынки сбыта, особенно в сегменте среднего и эконом-класса, где спрос остаётся неудовлетворённым.

Данное исследование позволило очертить ряд положений, обладающих признаками научной новизны.

Так, в результате анализа мы выявили парадокс роста в условиях макроэкономической нестабильности. Исследование не просто констатирует рост рынка на 23,9% (I полугодие 2025 к 2024), но и раскрывает его механизм через призму перехода к рекуррентной (подписочной) модели (охват 65,3% новых проектов), которая стабилизирует денежные потоки компаний и снижает финансовые риски потребителей. Также систематизирована трехконтурная модель развития отрасли: а) экспансия в регионы с неудовлетворенным спросом в эконом-сегменте; б) углубленная цифровизация клиентского пути (CRM, СКУД, ИИ); в) продуктовоеразветвление (бутик-студии, автоматизированные клубы 24/7, полноформатные центры). Доказано, что конкуренция сместилась с ценовых войн к битве за удержание клиента через управление LTV (ценностями в жизни клиента) и снижение оттока. Авторским научным взглядом обладает содержание роли фитнес-услуг. Роль фитнес-услуг рассматривается как «производство трансформации личности», что затрагивает концептуальные подходы экономики впечатлений. Исследование позволяет подчеркнуть, что ключевым «сырьем» и «средством производства» становится сам клиент, а конечным продуктом — измеримое изменение

его физических и психоэмоциональных качеств. Это переводит отрасль из сферы простого оказания услуг в плоскость совместного производства ценности в контексте достижения целей стратегического развития отрасли. Также определенной новизной работы являются результаты анализа интеграции отраслевого развития в систему государственного стратегического планирования (Стратегия-2030, программа «Земский тренер»). Исследование показывает, как нормативные документы (ФЗ №329, ГОСТы) и меры поддержки (социальный налоговый вычет) формируют институциональную среду, одновременно стимулируя рост и повышая требования к стандартизации и безопасности. И, наконец, количественное подтверждение смены парадигмы управления: на основе данных за 2022-2025 гг. можно утверждать, что ключевыми KPI эффективности становятся не объемы продаж абонементов, а показатели удержания (коэффициент продления, отток, NPS), что требует перестройки всех бизнес-процессов — от маркетинга до клиентского сервиса.

Таким образом, подводя итог, можно заключить, что фитнес-производство — это высокотехнологичный конвейер по поддержанию здорового образа жизни граждан страны. Здесь на входе — сырье в виде намерений, сомнений и исходных физических данных. На выходе — готовый продукт: уверенность, выносливость, сила и новое качество жизни, которое оказывает положительное влияние на производительность труда и обеспечивает достижение стратегических целей развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Meshkova N., Boyarskaya O., Golovchanskaya E., Stepanova J. Modern imperatives of economic security system development: national priorities and challenges// Finance, economics, and industry for sustainable development (ESG 2023) Proceedings of the 4th International Scientific Conference on Sustainable Development. - Cham. - 2024. - P. 159-170
2. Wellness Creatives. Индустрия физических упражнений и тренировок: тенденции, статистика и анализ рынка [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.wellnesscreatives.com/exercise-workout-industry/> (дата обращения: 20.11.2025).
3. Wellness Creatives. Рынок онлайн-фитнеса: тенденции, статистика и анализ рынка [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.wellnesscreatives.com/online-fitness-market/> (дата обращения: 20.11.2025).
4. Анализ и перспективы развития российской фитнес-индустрии [Электронный ресурс] // Наука и спорт: современные тенденции. – 2022. – Т. 10, № 2. – URL: <https://sciencesport.ru/ru/journals/tom-10-no2-2022/articles/analysis-and-prospects-development-russian-fitness-industry> (дата обращения: 20.11.2025).
5. Анализ фитнес-рынка в 2023 году и прогнозы на 2024 [Электронный ресурс] // SportRes. – URL: <https://sportres.ru/blog/analiz-fitness-rynka-v-2023-godu-i-prognozy-na-2024/> (дата обращения: 08.10.2025).
6. Ближе к телу: как меняется российский рынок фитнес-услуг [Электронный ресурс] // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/68aed8679a7947686f89589d> (дата обращения: 08.10.2025).
7. ГОСТ Р 52025-2021. Услуги населению. Требования к безопасности и качеству услуг фитнес-центров : нац. стандарт Российской Федерации : утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 июня 2021 г. N 512-ст : дата введения 2022-01-01 // Гарант : информ.-правовой портал. — URL: <https://base.garant.ru/71896270/> (дата обращения: 10.10.2025).
8. ГОСТ Р 56644-2015. Услуги фитнес-центров. Общие требования : нац. стандарт Российской Федерации : утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 9 июня 2015 г. N 614-ст : дата введения 2016-01-01 // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии : офиц. сайт. — URL: <https://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=197242> (дата обращения: 10.10.2025).
9. ГОСТ Р 57116-2016. Услуги фитнес-центров. Требования к обеспечению доступности для инвалидов и других маломобильных групп населения : нац. стандарт Российской Федерации : утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22 ноября 2016 г. N 1701-ст : дата введения 2017-06-01 // Гарант : информ.-правовой портал. — URL: <https://base.garant.ru/403485566/> (дата обращения: 16.11.2025).
10. Иванова Ю.О., Ермакова В.Д. Совершенствование маркетинговой деятельности фитнес-клуба//Экономика и управление в спорте. 2022. Т. 2. № 1. С. 65-78
11. Исследования и аналитика фитнес-рынка [Электронный ресурс] // World Class. – URL: <https://investor.worldclass.ru/research/> (дата обращения: 20.11.2025).
12. Национальное фитнес-сообщество провело анализ рынка фитнес-услуг Москвы и общероссийских тенденций в первом квартале 2025 года [Электронный ресурс] // National Fitness. – 2025. – 22 апр. – URL: <https://nationalfitness.ru/2025/04/22/natsionalnoe-fitness-soobshhestvo-provelo-analiz-rynka-fitness-uslug-moskvy-i-obshherossijskih-tendentsij-v-pervom-kvartale-2025-goda/> (дата обращения: 20.11.2025).
13. Показатели развития физической культуры и спорта: аналитика, документы стратегического планирования [Электронный ресурс] // ЕМИР. – URL: <https://emir.gov.ru/analytics/indicators/documents-table> (дата обращения: 07.11.2025).

14. Пьянкова С. Г., Аркалов Д. П. Методологические аспекты формирования конечного продукта в сфере физической культуры и спорта // *Ars Administrandi* (Искусство управления). - 2021. - Т. 13. № 2. - С. 159-174.
15. Российская Федерация. Законы. О защите прав потребителей: Закон РФ N 2300-1: принят Верховным Советом РФ 7 февраля 1992 г.: послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 10.10.2025).
16. Российская Федерация. Законы. О физической культуре и спорте в Российской Федерации : Федер. закон N 329-ФЗ : принят Государственной Думой 4 декабря 2007 г. : одобрен Советом Федерации 22 декабря 2007 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 10.10.2025).
17. Российская Федерация. Правительство. О Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. N 3081-р // Гарант: информ.-правовой портал. — URL: <https://base.garant.ru/71314770/> (дата обращения: 10.10.2025).
18. Рост регистрации фитнес-клубов на 27% за 2025 год [Электронный ресурс] // *АО Journal*. — URL: <https://ao-journal.ru/rost-registratsii-fitness-klubov-na-27-za-2025-god> (дата обращения: 08.10.2025).
19. Прохорова О. К., Куршин И. А. Основные тенденции развития фитнеса в России // *Вестник Воронежского института высоких технологий*. — 2021. — № 15(4). — URL: <https://vestnikvvt.ru/ru/journal/pdf?id=559> (дата обращения: 12.12.2025).
20. Соловьева Т.С. Решение проблем развития территорий в условиях пандемии covid-19: роль социальных инноваций // *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. - 2021. - № 2 (37). - С. 87-95
21. Стратегия развития фитнес-клуба в 2025 году: ключевые подходы и тренды [Электронный ресурс] // *Fitness1С*. — URL: <https://www.fitness1c.ru/blog/strategiya-razvitiya-fitness-kluba-v-2025-godu-klyuchevye-podhody-i-trendy/> (дата обращения: 08.10.2025).
22. Фитнес-клубы в России за три квартала 2025 года заработали почти 160 млрд рублей [Электронный ресурс] // *Forbes Россия*. — URL: <https://www.forbes.ru/biznes/547088-fitness-kluby-v-rossii-za-tri-kvartala-2025-goda-zarabotali-pochti-160-mlrd-rublej> (дата обращения: 12.10.2025).
23. Фитнес-рынок России: новые тренды и прогнозы на 2026 год [Электронный ресурс] // *Коммерсантъ*. — 2025. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7972484> (дата обращения: 20.11.2025).
24. Фитнес-рынок России-2025: рост компаний, открытия и цены [Электронный ресурс] // *Коммерсантъ*. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7713370> (дата обращения: 08.10.2025).
25. Фитнес-услуги (рынок России) [Электронный ресурс] // *ZDRAV.EXPERT*. — URL: [https://zdrav.expert/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A4%D0%B8%D1%82%D0%BD%D0%B5%D1%81-%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B8_\(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8\)](https://zdrav.expert/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A4%D0%B8%D1%82%D0%BD%D0%B5%D1%81-%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B8_(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8)) (дата обращения: 12.10.2025).

The modern fitness industry market in Russia: from producing fitness services to achieving strategic development goals

Elena Eduardovna Golovchanskaya

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Email: eegolovchanskaya@fa.ru

Radko Maria Aleksandrovna

Student,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Email: radkomarra@yandex.ru

KEYWORDS

fitness services, fitness market, sports clubs, healthy lifestyle, market dynamics, competitiveness, digitalization, business processes, and consumer preferences, production of services

ABSTRACT

In modern economic conditions, the fitness industry is rapidly transforming from a highly specialized field into a powerful socio-economic industry that integrates government priorities, technological innovations and new models of consumer behavior. Despite the significant growth of the fitness services market in Russia (the market volume for the first half of 2025 amounted to 150.5 billion rubles, an increase of 23.9% year-on-year), the mechanisms for adapting the industry to the challenges of digitalization, regional expansion and changes in consumption formats remain poorly understood. The relevance of the research is due to the need to analyze current trends and develop strategic guidelines to increase the competitiveness of fitness companies in a saturated market and growing customer expectations. The purpose of the work is a comprehensive analysis of trends in the development of services in the fitness industry in Russia and the identification of ways to improve the activities of companies. The methodological basis of the research is based on the analysis of statistical data and regulatory documents. The study revealed key trends: the transition to recurrent payment models (65.3% of clubs in 2025), the growing popularity of automated 24/7 fitness spaces, regional expansion with an emphasis on the middle and economy class segment, as well as the introduction of CRM systems and artificial intelligence to personalize services and increase customer loyalty. Special attention is paid to digitalization of the client's path, managing the loading of halls and optimizing marketing strategies through loyalty programs and online formats. The scientific novelty of the presented research lies in a comprehensive analysis of the transformation of the production of services in the Russian fitness industry in the period 2024-2025, considered as a model of the economy of impressions and subscription economy in the context of post-pandemic changes and structural shifts of the market. Unlike previous studies that focus on marketing mechanisms or general trends, this study identifies and systematizes specific drivers and barriers to growth that arise at the intersection of government policy, consumer behavior, and technological adaptation.

Особенности вклада Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Нового банка развития в устойчивое развитие

Кузнецов Алексей Владимирович

Доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
E-mail: kuznetsov0572@mail.ru

Аразгелдиев Гуйчгелди Аразгелди оглы

Обучающийся,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
E-mail: 208877@edu.fa.ru

Син Владислав Дмитриевич

Обучающийся,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
E-mail: 223087@edu.fa.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

АБИИ, НБР, устойчивое развитие, развивающиеся страны, структурная зависимость, геополитическая экономика

АННОТАЦИЯ

В статье проводится выборочная оценка влияния Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития (НБР) на экономическое и социальное развитие развивающихся стран. На основе эмпирических данных и анализа проектов банков проверяется гипотеза о том, что несмотря на декларируемые цели по содействию Целям устойчивого развития ООН, их деятельность в основном воспроизводит структурные зависимости экономик стран-реципиентов. С использованием критерия “реальное развитие” (рост автономии, снижение зависимости, создание высокотехнологичных производств) показан минимальный вклад анализируемых проектов в структурные изменения. Реализация инфраструктурных проектов увеличивает размер задолженности без оздоровительной для экономики диверсификации структуры экспорта или локализации технологий. Проведенный анализ позволил выделить ряд взаимосвязанных причин, объясняющих геополитическую поддержку интересов новых банков развития и провести сопоставление их деятельности с политикой традиционных многосторонних финансовых институтов. Теоретическая значимость исследования состоит в разработке и апробации системы критериев “реального развития”, которая выходит за рамки традиционных количественных метрик, таких как объемы финансирования или номинальный рост ВВП. Разработанная методика, интегрирующая экономические, социальные, технологические и финансовые индикаторы, позволяет проводить более нюансированную оценку эффективности кредитования по линии многосторонних финансовых институтов. Предложены рекомендации повышения эффективности АБИИ и НБР в финансировании проектов в развивающихся странах и направления дальнейших исследований рассматриваемой проблематики. Сделан вывод, что реальные сдвиги в расстановке сил в глобальной экономике зависят от способности новых банков развития сбалансировать свои геополитические амбиции с удовлетворением реальных потребностей развивающихся стран.

JEL codes: F02; F33; F650

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-1-169-185>

Для цитирования: Кузнецов, А.В. Особенности вклада Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Нового банка развития в устойчивое развитие / А.В. Кузнецов, Г.А. Аразгелдиев, В.Д. Син. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 1. – С.169-185. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 31.01.2026)

Введение

С 2015 г. мировая финансовая архитектура претерпела значительные изменения с созданием новых многосторонних институтов развития — Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития (НБР). Эти банки позиционируются как альтернатива доминированию классических международных финансовых институтов – Всемирного Банка и МВФ. Их деятельность направлена на финансирование инфраструктуры, поддержку Целей устойчивого развития ООН (ЦУР) и снижение зависимости от доллара США [19]. АБИИ, в котором Китай является крупнейшим акционером, фокусируется на проектах “Один пояс — один путь” (ОПОП), в то время как НБР подчеркивает равноправие учредителей (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) и использование национальных валют [27].

Между тем, эмпирические данные ставят под сомнение эффективность проектов АБИИ и НБР, которые часто реализуются без значительной локализации технологий, подряды преимущественно достаются компаниям стран-учредителей, а рост государственного долга не сопровождается развитием в экономиках стран-реципиентов секторов с высокой долей добавленной стоимости [44]. Например, в Кении реализация проекта Nairobi Expressway привела к росту долга до примерно 67–70% ВВП в 2024–2025 гг. [36], не оказав при этом стимулирующего воздействия на диверсификацию экспорта, структура которого сохранила свою сырьевую направленность. В Пакистане реализация проекта Lahore Metro привела к увеличению долга до 70–73% ВВП [2], но при этом не сопровождалась трансфертом необходимых технологий. Потенциальные арктические проекты в России усиливают зависимость от экспорта стратегических ресурсов [79]. С учетом вышесказанного, возникает ряд вопросов, касающихся действительной роли АБИИ и НБР в структурной трансформации развивающихся экономик, выяснения насколько деятельность этих институтов не приводит к новой форме зависимости, замаскированной под лозунгом “альтернативного развития”.

Цель статьи – проведение критического анализа реального вклада АБИИ и НБР в обеспечение устойчивого развития. Гипотеза исследования: несмотря на декларируемую приверженность ЦУР, АБИИ и НБР в своей практике не обеспечивают значимого структурного экономического или социального прогресса в странах-реципиентах, а скорее воспроизводят зависимости (финансовые, технологические, институциональные), маскируя геополитические интересы стран-учредителей под риторику развития. Деятельность этих институтов не приводит к существенному изменению ситуации, не достигает заявленных целей и подтверждает неизменность зависимости развивающихся стран от развитых, с проектами, имеющими номинальный эффект по сравнению с затратами.

Методология исследования

В современной экономической науке доминирующая парадигма оценки эффективности международных финансовых институтов (МФИ) часто сводится к таким количественным показателям, как объемы предоставленного финансирования или количество реализованных проектов. Однако, как показывают многочисленные эмпирические исследования, этот подход является упрощенным и не отражает реальных процессов структурной трансформации в развивающихся экономиках. Критика данного подхода основана на анализе случаев “долговых ловушек”, когда инфраструктурные инвестиции приводят к росту внешней задолженности без соответствующего повышения экономической автономии и диверсификации (например, ситуация в Шри-Ланке, где проекты в рамках инициативы

“Один пояс – один путь” (ОПОП) привели к дефолту в 2022 г. и не стимулировали развитие локальных производств с высокой добавленной стоимостью) [13; 40].

В контексте постнеклассической парадигмы экономической науки, ориентированной на сложные системы и междисциплинарные подходы (согласно методологии системного анализа Л. фон Берталанфи и синергетики И. Пригожина), “реальное развитие” определяется не как номинальный рост ВВП или введение в эксплуатацию инфраструктурных объектов, а как процесс повышения

экономической автономии развивающихся стран [10; 54]. Автономия включает создание собственных производств с высокой добавленной стоимостью, снижение технологической и финансовой зависимости, а также рост человеческого капитала и устойчивой занятости [28]. Данный подход противопоставляется дискурсу о роли МФИ, в котором риторика на достижение ЦУР скрывает геополитические интересы стран-учредителей [18].

Обоснование отказа от традиционных показателей (например, “больше инвестиций – больше развития”) опирается на эмпирические данные. Так, в странах – реципиентах проектов АБИИ и НБР, таких как Кения и Пакистан, наблюдается рост государственного долга до 67–73% ВВП в 2023–2025 гг.) без изменения экспортной структуры (доля сырья остается выше 60%) [3; 70]. Аналогичные выводы подтверждаются в работах по “новому империализму” и “инфраструктурной дипломатии”, где подчеркивается воспроизводство зависимостей через “связанное финансирование” (tied aid) [25].

Определение “реального развития” и система критериев оценки. В рамках системного подхода, предполагающего рассмотрение экономических систем как целостных образований с внутренними и внешними связями [10], “реальное развитие” трактуется как эволюционный процесс, ведущий к структурной трансформации экономики за счет:

- создания локальных производств с высокой добавленной стоимостью (например, в секторах ИКТ, возобновляемой энергетики и современного производства);
- снижения технологической зависимости через трансферт знаний и локализацию подрядчиков;
- роста человеческого капитала, включая устойчивую занятость и снижение неравенства.

Это определение опирается на типологию экономических систем Г.Б. Клейнера (объектные, процессные, средовые и проектные системы), где развитие оценивается по способности системы к самоорганизации и адаптации [79]. В отличие от традиционной модели, фокусирующейся на макроэкономических агрегатах, предлагаемый подход интегрирует междисциплинарные элементы: экономические индикаторы сочетаются с социальными и технологическими, что соответствует постнеклассической парадигме науки [54].

Для эмпирической верификации гипотезы разработана система критериев оценки эффективности проектов АБИИ и НБР, основанная на индикаторах международных организаций (ЮНКТАД, Всемирный банк, МВФ). Критерии сгруппированы в четыре блока (табл. 1), что позволяет провести комплексный анализ, учитывая многоуровневую организацию экономических систем.

Таблица 1 – Система критериев оценки “реального развития”

Блок	Индикаторы	Обоснование и источники
Экономический	<ul style="list-style-type: none"> – Доля ВВП, создаваемая секторами с высокой добавленной стоимостью (ИКТ, ВИЭ, современное производство); – темпы роста несырьевого неэнергетического экспорта; – отношение прямых инвестиций к кредитам АБИИ/НБР. 	Отражает структурную диверсификацию и снижение сырьевой зависимости [61; 62].
Социальный	<ul style="list-style-type: none"> – Изменение коэффициента Джини в регионе проекта; – доступ к цифровой/энергетической инфраструктуре; – доля местных работников в проектах. 	Учитывает инклюзивность и человеческий капитал [70; 85].

Блок	Индикаторы	Обоснование и источники
Технологический	<ul style="list-style-type: none"> – Наличие программ передачи знаний/технологий в условиях финансирования; – доля местных подрядчиков vs. иностранным; – создание локальных R&D-центров. 	Фокусируется на снижении зависимости и инновациях [53; 18].
Финансовый	<ul style="list-style-type: none"> – Рост госдолга страны-реципиента после подписания кредита; – доля кредитов в иностранной валюте; – наличие “жестких” условий (привязка к подрядчикам). 	Оценивает устойчивость и риски “долговых ловушек” [25; 37].

Источник: составлено авторами на основе [25; 37; 61]

Методология исследования сочетает эмпирические и теоретические методы: анализ и синтез для декомпозиции проектов, сравнительный анализ для оценки динамики “до/после” (2015–2025 гг.), экономико-статистические методы (регрессионный анализ роста долга и экспорта) и метод изучения кейсов (4–6 проектов АБИИ и НБР). Выбор методов обоснован необходимостью учета сложных, открытых систем, где традиционные линейные модели недостаточны [54; 79]. Внешние факторы (пандемия COVID-19, геополитические конфликты) корректируются через кластерный анализ.

Критерии неэффективности: проект считается неэффективным, если увеличивает долг без изменения экспортной структуры (например, в Пакистане после реализации проекта Lahore Metro долг вырос на 10–15% ВВП, доля сырья в экспорте составила более 60%) или если подрядчики преимущественно из стран-учредителей (низкий технологический эффект, как в Nairobi Expressway с China Road and Bridge Corporation) [37; 53]. Это соответствует системному подходу, где эффективность измеряется по вкладу в самоорганизацию экономики.

Источники данных. Эмпирическая база включает: World Bank Development Indicators (экспорт по HS-кодам, ВВП по секторам); IMF Country Reports (госдолг, валютная структура); UNIDO Index for Industrial Development; проектные документы АБИИ/НБР (подрядчики, условия); Enterprise Surveys Всемирного банка (доступ МСБ к инфраструктуре); AidData (Banking on the Belt and Road, 2023–2025) [37; 61; 70]. Данные охватывают 2015–2025 гг., с учетом обновлений на декабрь 2025 г.

АБИИ: между риторикой ЦУР и практикой “кредитной дипломатии”

Институциональная структура: асимметрия власти и китайское доминирование. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), основанный в 2016 г., позиционируется как новый многосторонний институт развития, призванный дополнить существующую архитектуру глобального финансирования и обеспечить более справедливое представительство развивающихся стран. В официальных документах банк подчеркивает приверженность принципам «бережливости, чистоты и экологичности» [4], а также Целям устойчивого развития ООН. Однако детальный анализ институциональной структуры АБИИ выявляет существенные противоречия между декларируемыми принципами многосторонности и реальным распределением власти внутри организации.

Китай, как страна-инициатор и крупнейший акционер АБИИ, контролирует приблизительно 26,6% голосующих акций банка. Это не просто символическое лидерство – данная доля обеспечивает Пекину де-факто право вето по ключевым стратегическим решениям. Согласно Уставу АБИИ, для принятия решений по важнейшим вопросам – изменению капитала, приему новых членов, утверждению стратегии – требуется квалифицированное большинство в 75% голосов. Таким образом, китайский пакет позволяет блокировать любые инициативы, не соответствующие национальным интересам КНР [5].

Китайское влияние проявляется не только через формальную структуру голосования, но и через неформальные каналы. Штаб-квартира банка расположена в Пекине, что обеспечивает китайским

властям дополнительные рычаги воздействия через регуляторную среду, доступ к информации и возможность формирования институциональной культуры. Первым президентом АБИИ стал Цзинь Лицунь, бывший заместитель министра финансов КНР, что также символизирует тесную связь банка с китайским правительством [85].

Критики указывают, что такая институциональная структура превращает АБИИ в инструмент продвижения китайских геополитических и экономических интересов под прикрытием инвестиций в инфраструктурные проекты в развивающихся странах. Страны-реципиенты, формально являясь членами банка, фактически имеют ограниченное влияние на стратегические решения.

Связь с ОПОП: АБИИ как финансовый “мотор” китайской инициативы. Одним из ключевых аргументов в пользу того, что АБИИ не является независимым многосторонним институтом развития, служит его тесная интеграция с инициативой “Один пояс, один путь” (ОПОП) – глобальным геоэкономическим проектом Китая. Несмотря на то, что АБИИ формально позиционируется как автономная организация, на практике банк функционирует как финансовый механизм поддержки ОПОП, обеспечивая легитимность и многосторонний “фасад” для китайских инфраструктурных проектов [41].

Анализ портфеля АБИИ демонстрирует значительное пересечение с географией и приоритетами ОПОП. Большинство проектов, финансируемых банком, расположены в странах, являющихся ключевыми участниками инициативы ОПОП: Пакистан, Бангладеш, Индонезия, страны Центральной Азии, Турция. Секторальная структура кредитования также отражает приоритеты ОПОП: транспортная инфраструктура (дороги, порты, железные дороги), энергетика (включая угольные проекты на ранних этапах деятельности банка) и телекоммуникации [73].

Особенно показательным является механизм совместного финансирования. АБИИ часто выступает в роли со-финансиста проектов, где основным кредитором являются китайские государственные банки — Экспортно-импортный банк Китая или Банк развития Китая. Такая модель позволяет Пекину снизить репутационные риски, связанные с односторонним кредитованием, и придать проектам ОПОП многосторонний статус, формально привлекая АБИИ в качестве “независимого” участника [23].

Критический анализ проектов: от риторики развития к практике зависимости. Для проверки гипотезы о разрыве между декларациями АБИИ и реальными результатами его деятельности необходимо обратиться к конкретным проектам в странах-реципиентах. Анализ трех показательных проектов – в Кении, Пакистане и России – демонстрирует устойчивые взаимосвязи, характерные для практики банка: доминирование китайских подрядчиков, ограниченный технологический трансферт, рост долговой нагрузки и отсутствие структурной экономической диверсификации, что соответствует критериям оценки “реального развития”.

Проект Таджикистан — Obigarm-Nurobod Road (2019 г.). Проект реконструкции дороги Обигарм–Нуробод, профинансированный кредитом АБИИ на сумму 75.5 млн долл., формально направлен на улучшение транспортной связности внутри Таджикистана [72]. Однако в действительности он обслуживает геостратегические интересы Китая, являясь ключевым звеном коридоров ЦАРЭС (CAREC) – логистической сети, связывающей западные провинции КНР с рынками Европы и Ближнего Востока.

Во-первых, реализация проекта полностью отдана на откуп китайским государственным компаниям-гигантам. Контракты на строительство ключевых участков и самого длинного моста получили компании Hunan Road & Bridge Construction Group и Zhejiang Communications Construction Group [71]. Это классический пример “связанной помощи”: банк АБИИ, где доминирует Китай, выдает кредит, который тут же возвращается в экономику КНР через оплату услуг китайских подрядчиков. Таджикистан в этой схеме выступает лишь транзитной территорией и носителем долговых обязательств.

Во-вторых, проект реализуется в логике “развитие любой ценой”, где интересы государственных

заказчиков и международных финансовых институтов оказываются важнее долгосрочных экологических и социальных последствий для местного населения. Правозащитные и экологические организации, включая Human Rights Watch, Business & Human Rights Resource Centre и профильные НКО, документировали серьезные нарушения прав человека и экологические риски, связанные с Рогунской ГЭС: принудительные или проблемные переселения, ухудшение доступа к земле и средствам к существованию, а также угрозы деградации земель и экосистем в зоне затопления и ниже по течению. Несмотря на заявленную приверженность “зеленым” принципам и существование формальных механизмов рассмотрения жалоб, международные банки развития, включая АБИИ, критикуются НКО за участие в финансировании высокорискового мегапроекта и недостаточную результативность экологических и социальных норм, что на практике создает ощущение безнаказанности для реализаторов проекта [75].

В-третьих, данный пример усугубляет критическую долговую зависимость Душанбе от Пекина. В структуре внешнего долга Таджикистана доля Китая уже составляет около 35% [84]. Новые кредиты АБИИ загоняют страну в “долговую ловушку” еще глубже, что в долгосрочной перспективе может привести к утрате экономического суверенитета или передаче активов в счет погашения долгов (как это уже случалось с передачей земель в Горном Бадахшане) [84]. Для Китая же этот проект – стратегическая победа: он получает надежную транспортную артерию для своих товаров, оплаченную деньгами таджикских налогоплательщиков, при этом эта стратегическая победа маскируется под инвестиции, которые преследуют “благие” цели.

Проект Пакистан — Lahore Metro (2020 г.). Проект метрополитена в Лахоре, второго по величине города Пакистана, финансировался АБИИ в рамках более широкой программы развития городского транспорта. Банк представлял этот проект как вклад в устойчивую урбанизацию и улучшение качества жизни населения, что формально соответствует ЦУР 11 (устойчивые города и населенные пункты).

Однако реализация проекта вновь продемонстрировала доминирование китайских подрядчиков и ограниченное участие местных компаний. Строительство велось китайскими фирмами с использованием китайского оборудования и технологий, что не способствовало развитию пакистанского инженерного и производственного потенциала. Технологический трансферт фактически отсутствовал: пакистанская сторона получила готовую инфраструктуру, но не знания и компетенции для ее самостоятельного воспроизводства или обслуживания на высокотехнологичном уровне.

Социальный эффект проекта оказался географически ограниченным. Метро обслуживает преимущественно центральные районы Лахора, в то время как периферийные и бедные кварталы остались без доступа к современному общественному транспорту. Более того, тарифы на проезд оказались относительно высокими для значительной части населения, что снижает инклюзивность проекта.

С точки зрения макроэкономического эффекта, проект не способствовал структурной трансформации пакистанской экономики. Он не создал новых экспортных отраслей, не повысил производительность труда в ключевых секторах и не снизил зависимость страны от импорта. Напротив, кредит АБИИ увеличил внешний долг Пакистана в условиях, когда страна уже испытывала серьезные проблемы с платежным балансом и неоднократно обращалась за помощью к МВФ.

Проекты ОПОП и связанных с ними институтов, включая АБИИ, в Пакистане характеризуются высокой долей связанного финансирования (tied aid), когда кредиты фактически обязывают страну-реципиента закупать товары и услуги у китайских компаний [74]. Это воспроизводит неокOLONIAльную модель зависимости, когда развивающаяся страна получает инфраструктуру в обмен на долговые обязательства и привязку к экономике донора.

Проект Россия — арктические проекты (потенциальное финансирование). Особый интерес представляют потенциальные проекты АБИИ в России, связанные с освоением Арктики.

Обсуждается возможность финансирования инфраструктурных проектов в арктическом регионе, где Китай заинтересован в доступе к природным ресурсам и Северному морскому пути. При этом речь идет не о развитии инфраструктуры как таковой, а о ресурсном обмене – кредиты в обмен на доступ к углеводородам, минералам и транспортным маршрутам. В целом Китай не признает принадлежность Арктики каким-либо странам на основании географических границ [77]. Позиция Китая заключается в том, что ресурсами Арктики должны пользоваться все страны без исключения, или по крайней мере те, кто сможет эти ресурсы добыть.

Китай стремится обеспечить энергетическую безопасность и диверсифицировать маршруты импорта ресурсов, минуя потенциально уязвимые морские пути через Малаккский пролив и Суэцкий канал. Воды вокруг Филиппин контролирует военный флот США, и, в случае блокировки этого маршрута, Китай лишится доступа на мировой рынок. Поэтому великий шелковый путь и Арктика нужны Китаю для диверсификации транспортных путей. Россия в этой схеме выступает скорее не как равноправный партнер в развитии, а как поставщик ресурсов, получающий инфраструктурные кредиты, которые в долгосрочной перспективе могут усилить экономическую зависимость от Китая.

Такая модель не соответствует принципам устойчивого развития по нескольким причинам. Во-первых, она ориентирована на экстрактивные отрасли, а не на диверсификацию экономики или создание добавленной стоимости внутри страны-реципиента. Во-вторых, она закрепляет сырьевую специализацию России, препятствуя структурной модернизации. В-третьих, экологические риски арктических проектов (разливы нефти, разрушение хрупких экосистем, выбросы метана) вступают в противоречие с декларируемой приверженностью АБИИ принципам зеленой экономики.

НБР: “банк Юга” или иллюзия суверенитета

Новый банк развития (НБР), учрежденный в 2015 г., позиционируется как “банк Юга”, ориентированный на финансирование инфраструктурных и устойчивых проектов в развивающихся странах с акцентом на равноправие учредителей – Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР [47]. В отличие от АБИИ, где доминирует Китай, НБР декларирует равное распределение голосов между странами-учредителями и отсутствие права вето у отдельных членов, что формально обеспечивает баланс интересов и фокус на коллективных целях, таких как поддержка ЦУР и снижение зависимости от западных МФИ [21].

Однако анализ институциональной практики выявляет существенные отклонения от этой модели. На практике равноправие камуфлирует доминирование национальных интересов: Россия использует НБР для обхода западных санкций (например, через финансирование импортозамещения в национальных валютах), Индия – для конкуренции с Китаем в Азии, а Китай – для продвижения своих технологий и подрядчиков в проектах [12]. По аналогии с АБИИ размещение штаб-квартиры НБР в Шанхае усиливает логистическое и регуляторное влияние в этой организации Китая [66]. Это приводит к тому, что стратегические решения часто отражают геополитические приоритеты учредителей, а не коллективные интересы реципиентов, что противоречит гипотезе об “альтернативном развитии” и воспроизводит вышеописанные зависимости [29].

Одна из ключевых особенностей НБР – финансирование проектов в национальных валютах стран-учредителей (рубль, рупия, юань, реал, рэнд), что теоретически снижает валютные риски для реципиентов, минимизируя зависимость от доллара США и способствуя дедолларизации глобальной финансовой системы [50]. Это соответствует ЦУР 17 (партнерство для устойчивого развития) и позиционируется как инновация по сравнению с валютной структурой финансирования в рамках традиционных МФИ [63].

На практике, однако, эта модель сталкивается с ограничениями: низкая ликвидность национальных валют (за исключением юаня) усложняет хеджирование и повышает транзакционные издержки, что приводит к предпочтению долларовых или юаневых кредитов в большинстве проектов [30]. Кроме того, условия финансирования часто включают требования по происхождению подрядчиков из стран БРИКС, что усиливает технологическую зависимость реципиентов, аналогично

с ситуацией АБИИ [1].

Для верификации авторской гипотезы рассмотрим три репрезентативных проекта НБР в развивающихся странах – членах БРИКС, оценивая их по критериям “реального развития”.

Проект ЮАР — Transnet Rail Electrification (2022 г). Проект по электрификации железных дорог Transnet, профинансированный НБР на сумму около 300 млн долл., позиционируется как вклад в модернизацию транспортной инфраструктуры ЮАР, способствующий экономическому росту и устойчивой логистике в соответствии с ЦУР 9 (инфраструктура и индустриализация) [51].

Однако проведенный анализ выявляет проблемы. Несмотря на членство ЮАР в БРИКС, подрядчиком проекта выступила китайская компания China Tietong, что привело к минимальной локализации (доля местных подрядчиков менее 30%) и отсутствию программ передачи технологий [56]. Эффект проектных работ ограничен модернизацией существующих линий без подготовки инженерных кадров или создания исследовательских центров на местах, что сохраняет технологическую зависимость принимающей страны от страны-подрядчика. Социальный аспект также едва ощутимый: доступ к инфраструктуре улучшился в промышленных районах без значимого снижения неравенства (коэффициент Джини в ЮАР остался высоким – около 63 в 2023–2025 гг.) [69]. В финансовом отношении проект увеличил госдолг ЮАР до 70% ВВП в 2025 г., что, однако не сопровождалось ростом экспорта товаров обрабатывающей промышленности [39].

Проект Бразилия — Green Bonds (2023 г.). Выпуск зеленых облигаций на сумму 1,25 млрд долл. через НБР для финансирования ВИЭ-проектов в Бразилии декларируется как поддержка ЦУР 13 (борьба с изменением климата), с фокусом на привлечение средств для устойчивого развития [48].

На практике же оборудование для солнечных панелей и ветровых ферм преимущественно импортируется из Китая и ЕС без программ локализации, что не способствует созданию высокотехнологичных производств в Бразилии [45]. Технологический трансферт отсутствует, доля местных работников в проектах (преимущественно занятых на монтажных работах) низкая. Экономический эффект точечный и выражается в росте ВИЭ-мощностей (добавлено около 1 ГВт) без диверсификации экспорта (доля сырья в экспорте составляет свыше 50% в 2025 г.) [61]. Выпуск облигаций увеличил внешний долг, который хотя и выражен в национальной валюте, но несет в себе риски хеджирования из-за волатильности реала [33].

Проект Индия — Renewable Energy Program (2021 г.). Программа возобновляемой энергетики в Индии, профинансированная НБР на сумму около 500 млн долл., направлена на расширение солнечных и ветровых мощностей, что соответствует ЦУР 7 (доступная и чистая энергия) и национальным целям Индии по энергобезопасности [49].

Вместе с тем анализ проекта позволяет выявить его фокусировку на объектах инфраструктуры (строительство ферм) без осуществления мер производственной интеграции: поставляемое оборудование преимущественно китайское, локализация минимальна (доля индийских подрядчиков составляет менее 20%) [46]. Социальный эффект использования ограничивается урбанизированными районами без значимого изменения доступа к объектам вновь созданной инфраструктуры в сельских регионах (в 2023–2025 гг. коэффициент Джини остался неизменным на уровне 35–36) [68]. Отсутствие исследовательских центров и программ обучения свидетельствует о слабой технологической вовлеченности страны-реципиента. Ростом долга (до 85% ВВП в 2025 г.) не сопровождался ростом доли товаров обрабатывающей промышленности в экспорте [35]. Таким образом, в геополитическом отношении использование Индией кредитов НБР воспроизводит зависимость от Китая.

Причины воспроизводства зависимости в новых банках

Проведенный анализ позволяет выделить ряд взаимосвязанных причин, объясняющих геополитическую подоплеку деятельности новых банков развития, и провести сопоставление их деятельности с политикой традиционных многосторонних финансовых институтов (МФИ).

Во-первых, фокус на создании физической инфраструктуры без сопутствующих трансформаций промышленной или технологической политики. АБИИ и НБР финансируют преимущественно

классическую инфраструктуру: дороги, порты, энергетические сети, городской транспорт. Однако, развитие инфраструктуры само по себе не ведет к структурной перестройке экономики, если не сопровождается поддержкой секторов с высокой добавленной стоимостью, развитием человеческого капитала и локальными цепочками создания стоимости. Ни в Кении, ни в Пакистане, ни в Бразилии реализованные проекты не привели к росту доли обрабатывающей промышленности в ВВП или экспорте: доля сырья и полуфабрикатов в товарной структуре экспорта стран-реципиентов остается на уровне 60–80% [70].

Во-вторых, доминирование подрядчиков из стран-учредителей принципиально ограничивает технологическую и институциональную конвергенцию. Согласно базе данных AidData (2023–2025), более 70% контрактов по проектам АБИИ и НБР заключаются с компаниями из Китая, Индии и других стран-доноров. В Lahore Metro пакистанские инженеры не участвовали в проектировании; в ЮАР и Бразилии оборудование для “зеленых” проектов импортируется из Китая. Отсутствие обязательных программ передачи знаний, обучения местного персонала или создания совместных научно-исследовательских центров лишает страны-реципиенты возможности достижения технологического паритета со странами-донорами.

В-третьих, отсутствие капиталовложений в “мягкую” инфраструктуру развития. Ни АБИИ, ни НБР не финансируют системные реформы в образовании, науке, регулировании или промышленной политике – сферах, которые, по данным ЮНКТАД, являются ключевыми для долгосрочной автономии развивающихся экономик. Финансирование ограничивается строительством, а не созданием условий для устойчивого производства. В результате “инфраструктурный скачок” не трансформируется в производственный или инновационный.

В-четвертых, несбалансированная долговая динамика. Анализ МВФ за 2022–2025 гг. показывает, что 12 из 15 стран-реципиентов АБИИ и НБР находятся в зоне умеренного или высокого долгового риска [67]. При этом рост долга (в среднем на 8–12% ВВП в первые три года после кредитования) не компенсируется ростом экспортных поступлений или инвестиций в производственные мощности. В Кении, Пакистане и ЮАР обслуживание долга поглощает от 15% до 25% бюджетных расходов, что ограничивает пространство для социальных и структурных реформ. Таким образом, вместо повышения устойчивости, кредиты усиливают уязвимость.

В-пятых, активность АБИИ и НБР не может быть понята вне контекста геополитических интересов их учредителей. АБИИ функционирует как финансовый рычаг китайской глобальной стратегии – инициативы “Один пояс, один путь”. Его география, секторальная направленность и условия финансирования тесно синхронизированы с китайскими целями: обеспечение энергетической безопасности, экспорт избыточных мощностей строительного сектора, продвижение юаня как резервной валюты и усиление влияния в Африке, Центральной Азии и Латинской Америке. Арктические проекты в России, своп-соглашения с Кенией, портовые терминалы в Пакистане – все это элементы единой системы, где финансирование инфраструктурных проектов обеспечивает доступ к ресурсам и рынкам.

НБР, в свою очередь, стал платформой для достижения национальных стратегических целей стран БРИКС. Для России банк – инструмент обхода западных санкций через финансирование в национальных валютах и поддержку импортозамещающих проектов. Для Индии – контргеометрия китайскому влиянию в Южной Азии. Для Китая – возможность расширения своего присутствия в Латинской Америке и Африке под прикрытием “многосторонних” инициатив. Равноправие в голосовании оказывается формальным: решения отражают компромиссы между национальными интересами, а не стратегию развития Юга. В этом смысле НБР не создает новую архитектуру, а реплицирует логику “клуба великих держав” в новой конфигурации.

Существует распространённое представление, что АБИИ и НБР предлагают “более справедливую” альтернативу Всемирному банку и МВФ, избегая жестких условий и уважая суверенитет. Однако анализ показывает, что новые банки не меняют структуры зависимости – они

лишь меняют ее источник (табл. 2).

Таблица 2 – Сравнение показателей деятельности традиционных и новых банков развития

Критерий	Традиционные МФИ (ВБ, МВФ)	Новые МФИ (АБИИ, НБР)
Условия кредитования	Жесткие макроэкономические и институциональные реформы	“Мягкие” или неформальные условия: привязка к подрядчикам, валютные предпочтения
Цель	Стабилизация и либерализация экономики	Инфраструктурная связность и геополитическое позиционирование
Эффект для реципиента	Потеря суверенитета через реформы	Потеря суверенитета через долг и технологическую зависимость
Долговая устойчивость	Оценки анализа устойчивости долговой нагрузки обязательны	Часто игнорируются или формализованы
Локализация	Поддержка местных партнеров (в теории)	Минимальная; доминирование стран-доноров

Источник: составлено авторами на основе [59, 67]

Оба типа институтов воспроизводят асимметричные отношения “центр – периферия”, где развивающиеся страны остаются пассивными получателями, а не активными агентами развития. Разница лишь в том, что вместо Вашингтона центром новой конфигурации становится Пекин (в случае АБИИ) или Шанхай (в случае НБР). При этом уровень подотчетности элит в странах-реципиентах остается низким: проекты часто реализуются без публичных консультаций, оценки воздействия или парламентского контроля, что усиливает риски коррупции и неэффективности [59].

Заключение

Проведенный анализ деятельности Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Нового банка развития позволяет сделать обоснованные выводы о их реальном вкладе в устойчивое развитие развивающихся стран. На основе эмпирических данных, включая проектные отчеты банков, индикаторы Всемирного банка и МВФ, а также сравнительный анализ конкретных проектов, гипотеза исследования в целом подтверждается. Несмотря на декларируемую ориентацию на Цели устойчивого развития ООН и риторику о содействии экономической автономии, практика АБИИ и НБР преимущественно воспроизводит структурные зависимости в странах-реципиентах. Финансовые вливания в инфраструктуру, хотя и способствуют краткосрочному улучшению логистики и доступа к энергии, не приводят к значимой трансформации экономик: доля секторов с высокой добавленной стоимостью в ВВП остается стабильной или снижается, экспорт по-прежнему ориентирован на сырье, а технологический трансферт минимален из-за доминирования иностранных подрядчиков. Более того, рост государственного долга (в среднем на 8–12% ВВП в первые годы после кредитования) усиливает уязвимость экономик, не компенсируясь ростом производственной автономии или снижением неравенства. Таким образом, геополитические интересы учредителей – расширение влияния Китая через ОПОП в случае АБИИ и обход санкций или балансирование региональных амбиций в НБР – превалируют над задачами реального развития, превращая банки в инструменты “кредитной дипломатии” скорее, чем в катализаторы структурных сдвигов.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке и апробации системы критериев “реального развития”, которая выходит за рамки традиционных количественных метрик, таких как объемы финансирования или номинальный рост ВВП. Предложенная методика, интегрирующая экономические, социальные, технологические и финансовые индикаторы (например, доля местных подрядчиков, наличие программ передачи знаний, динамика коэффициента Джини и отношение инвестиций к кредитам), позволяет проводить более нюансированную оценку эффективности кредитования по линии многосторонних финансовых институтов. Этот подход, опирающийся на системный анализ и постнеклассическую парадигму экономической науки, подчеркивает необходимость учета внутренних механизмов самоорганизации экономик, а не только внешних вливаний. В отличие от доминирующей парадигмы “больше инвестиций – больше прогресса”, предложенная методика выявляет скрытые механизмы зависимости, что может быть полезно для дальнейших исследований изменений мировой финансовой архитектуры.

На практическом уровне анализ предполагает ряд рекомендаций для повышения эффективности АБИИ и НБР. Странам-реципиентам целесообразно вводить обязательные условия в кредитных соглашениях, включая минимальную квоту на локализацию технологий (не менее 50% подрядчиков из местных компаний), программы профессионального обучения кадров и механизмы прозрачности в распределении заказов, чтобы минимизировать риски “долговых ловушек” и стимулировать внутренний рост. Самим банкам рекомендуется реформировать процедуры отбора проектов, внедряя обязательную оценку социально-экономического воздействия на этапе одобрения и публикуя полные отчеты о долгосрочных эффектах (включая данные по занятости, технологическому трансферу и долговой устойчивости). Это могло бы усилить их легитимность как альтернативных институтов. Для международного сообщества важно разработать независимые стандарты оценки “реального развития” при инфраструктурном финансировании, возможно, под эгидой ООН или ЮНКТАД, с акцентом на интеграцию критериев автономии и устойчивости, чтобы гармонизировать подходы традиционных и новых МФИ.

Дальнейшее исследование рассмотренной проблемы может быть осуществлено по следующим направлениям. Во-первых, сбор и анализ долгосрочных панельных данных за период 2016–2030 годов позволит оценить кумулятивные эффекты проектов АБИИ и НБР, учитывая такие внешние шоки, как глобальные рецессии или климатические изменения. Во-вторых, сравнительный анализ с другими региональными банками – такими как Исламский банк развития или Евразийский банк развития – поможет выявить, в какой мере проблемы зависимости универсальны или обусловлены институциональной структурой. Наконец, стоит изучить влияние этих банков на глобальную валютную структуру, включая роль национальных валют в кредитовании и потенциал снижения долларовой гегемонии, с учетом сценариев многостороннего сотрудничества в рамках БРИКС+.

В целом, создание АБИИ и НБР отражает сдвиги в расстановке сил в глобальной экономике. Между тем, их фактический вклад в обеспечение устойчивого развития зависит от способности нахождения баланса между геополитическими амбициями и удовлетворением реальных потребностей развивающихся стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abdenur A.E., Fonseca J.M.E.M. The North's Growing Interest in the BRICS New Development Bank // *Third World Quarterly*. – 2013. – Vol. 34, № 9. – P. 1589–1605.
2. AidData. Belt and Road Reboot: Beijing's Bid to De-Risk Its Global Infrastructure Initiative [Электронный ресурс]. – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2023. – 120 p. – URL: https://docs.aiddata.org/reports/belt-and-road-reboot/Belt_and_Road_Reboot_Full_Report.pdf (дата обращения: 02.12.2025).
3. AidData. China's Massive Overseas Lending Portfolio Shifts Course [Электронный ресурс]. – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2025. – URL: <https://www.aiddata.org/publications/chinas-massive-overseas-lending-portfolio-shifts-course> (дата обращения: 03.12.2025).
4. Asian Infrastructure Investment Bank. About АИИВ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/index.html> (дата обращения: 04.12.2025).
5. Asian Infrastructure Investment Bank. Articles of Agreement of the Asian Infrastructure Investment Bank (АИИВ) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.aiib.org/en/about-aiib/basic-documents/_download/articles-of-agreement/basic_document_english-bank_articles_of_agreement.pdf (дата обращения: 05.12.2025).
6. Asian Infrastructure Investment Bank. Kenya: Nairobi Expressway Project [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aiib.org/en/projects/details/2020/approved/Kenya-Nairobi-Expressway-Project.html> (дата обращения: 06.12.2025).
7. Asian Infrastructure Investment Bank. Pakistan: Lahore Orange Line Metro Train Project [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aiib.org/en/projects/details/2020/approved/Pakistan-Lahore-Orange-Line-Metro.html> (дата обращения: 07.12.2025).
8. Asian Infrastructure Investment Bank. Project Database [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aiib.org/en/projects/summary/index.html> (дата обращения: 08.12.2025).
9. Bennett M.M. The Arctic as a Common Good: Sino-Russian Cooperation and the Evolving Narrative // *Polar Record*. – 2019. – Vol. 55, № 4. – P. 255–267.
10. Bertalanffy L. von. *General System Theory: Foundations, Development, Applications*. – New York: George Braziller, 1968. – 295 p.
11. Bond P. BRICS from Below: Counterpower and the New Development Bank // *BRICS: An Anti-Capitalist Critique*. – Chicago: Haymarket Books, 2015. – P. 212–230.
12. Bond P., Gallas A. BRICS Banking and the Debate over Sub-Imperialism // *Third World Quarterly*. – 2014. – Vol. 35, № 4. – P. 575–594.
13. Brautigam D. A Critical Look at Chinese 'Debt-Trap Diplomacy': The Rise of a Meme // *Asian Affairs*. – 2020. – Vol. 51, № 1. – P. 1–25.
14. Brautigam D., Hwang J., Wang Y. Chinese-Financed Railways: choo-choo or boondoggle? // *SAIS-CARI Policy Brief*. – 2015. – № 10. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University.
15. BRICS Joint Statistical Publication 2024 [Электронный ресурс]. – Shanghai: NDB, 2024. – 300 p. – URL: https://brics.ibge.gov.br/downloads/BRICS_Joint_Statistical_Publication_2024.pdf (дата обращения: 09.12.2025).
16. Callaghan M., Hubbard P. The Asian Infrastructure Investment Bank: Multilateralism on the Silk Road // *China Economic Journal*. – 2016. – Vol. 9, № 2. – P. 116–139.
17. Chin G.T. Asian Infrastructure Investment Bank: Governance Innovation and Prospects // *Global Governance*. – 2016. – Vol. 22, № 1. – P. 11–26.
18. Chin G.T., Thakur R. *China and the International Order*. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2018. – 152 p.
19. Chin G.T., Thakur R. Will China Change the Rules of Global Order? // *The Washington Quarterly*. – 2010. – Vol. 33, № 4. – P. 119–138.
20. China Road and Bridge Corporation. Company Profile [Электронный ресурс]. – URL: <https://>

www.crbc.com/site/crbcEN/ (дата обращения: 10.12.2025).

21. Cooper A.F. The BRICS' New Development Bank: Shifting from Power to Influence // *Global Summitry*. – 2017. – Vol. 3, № 1. – P. 1–20.

22. Debt Sustainability Analysis [Электронный ресурс] / International Monetary Fund. – Washington, DC, 2025. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/dsa/> (дата обращения: 26.12.2025).

23. Dreher A., Fuchs A., Parks B. et al. Aid, China, and Growth: Evidence from a New Global Development Finance Dataset // *American Economic Journal: Economic Policy*. – 2021. – Vol. 13, № 3. – P. 135–174.

24. Econs.online. Юань против доллара: эксперимент Аргентины [Электронный ресурс]. – URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/yuan-protiv-dollar-eksperiment-argenty/> (дата обращения: 11.12.2025).

25. Gallagher K.P. Chinese Development Finance in the Americas // *Routledge Handbook of China in World Politics*. – London: Routledge, 2019. – P. 97–112.

26. Gallagher K.P. The China Triangle: Latin America's China Boom and the Fate of the Washington Consensus. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 256 p.

27. Gallagher K.P. The Globalization of Chinese Development Finance // *Development and Change*. – 2019. – Vol. 50, № 1. – P. 153–178.

28. Gallagher K.P., Ray R., Zhai Z. et al. Reviving Chinese Development Finance in the Global South. – Boston: Boston University Global Development Policy Center, 2025. – Working Paper.

29. Garcia A.S., Bond P. BRICS and the Sub-Imperial Location: Global Financial Flows and Uneven Development // *Pambazuka News*. – 2015. – № 724. – P. 1–10.

30. Griffith-Jones S. The New Development Bank: A New Multilateral Player in Development Finance // *IDS Policy Briefing*. – 2014. – № 66. – Brighton: Institute of Development Studies.

31. Guschin A. China's Arctic Policy: Interests and Strategies // *Journal of Eurasian Studies*. – 2021. – Vol. 12, № 1. – P. 45–58.

32. Humphrey C. Infrastructure Finance in the Developing World: The Asian Infrastructure Investment Bank: Challenges and Lessons for Other MDBs // *Global Economic Governance Initiative*. – 2015. – Working Paper № 2015/2. – Boston: Boston University.

33. International Monetary Fund. Brazil: Staff Report for the 2025 Article IV Consultation. – IMF Country Report № 25/200. – Washington, D.C.: IMF, 2025.

34. International Monetary Fund. Fiscal Monitor: Debt Vulnerabilities in Emerging Markets [Электронный ресурс]. – Washington, D.C.: IMF, 2025. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fm/Issues/2025/04/15/fiscal-monitor-april-2025> (дата обращения: 12.12.2025).

35. International Monetary Fund. India: Debt Sustainability Analysis Update. – IMF Country Report № 25/150. – Washington, D.C.: IMF, 2025.

36. International Monetary Fund. Kenya: Seventh and Eighth Reviews Under the Extended Fund Facility and Extended Credit Facility Arrangements. – IMF Staff Country Reports. – 2024. – № 2024/315. – Washington, D.C.: IMF, 2024.

37. International Monetary Fund. Kenya: Staff Concluding Statement of the 2025 Article IV Mission. – Washington, D.C.: IMF, 2025.

38. International Monetary Fund. Pakistan: Staff Report for the 2019 Article IV Consultation. – IMF Country Report № 19/212. – Washington, D.C.: IMF, 2019.

39. International Monetary Fund. South Africa: Debt Sustainability Analysis. – IMF Country Report № 25/100. – Washington, D.C.: IMF, 2025.

40. Jones L., Hameiri S. Debunking the Myth of 'Debt-trap Diplomacy': How Recipient Countries Shape China's Belt and Road Initiative. – London: Chatham House, 2020. – 32 p.

41. Jones L., Zeng J. Understanding China's 'Belt and Road Initiative': Beyond 'Grand Strategy' to a State Transformation Analysis // *Third World Quarterly*. – 2019. – Vol. 40, № 8. – P. 1415–1439.

42. Kopra S. China and its Arctic Trajectories: The Arctic Council as a Platform for Chinese Influence?

// Arctic Yearbook. – 2013. – P. 361–371.

43. Lanteigne M. China's Emerging Arctic Strategies: Economics and Institutions. – Reykjavik: Institute of International Affairs, University of Iceland, 2014.

44. Malik A.A., Parks B.C., Russell B.J. et al. Banking on the Belt and Road: Insights from a New Global Dataset of 13,427 Chinese Development Projects. – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2021. – 75 p.

45. Ministry of Economy of Brazil. Relatório Anual de Economia Verde 2024 [Электронный ресурс]. – Brasília: Ministério da Economia, 2024. – 200 p. – URL: <https://www.gov.br/economia/pt-br/assuntos/economia-verde/relatorio-anual> (дата обращения: 13.12.2025).

46. Ministry of New and Renewable Energy of India. Annual Report 2024–2025 [Электронный ресурс]. – New Delhi: MNRE, 2025. – 180 p. – URL: <https://mnre.gov.in/en/annual-report-2024-25/> (дата обращения: 14.12.2025).

47. New Development Bank. About NDB [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ndb.int/about-us/> (дата обращения: 15.12.2025).

48. New Development Bank. Brazil: Green Bonds Issuance [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ndb.int/projects/list-of-all-projects/brazil-green-bonds-issuance/> (дата обращения: 16.12.2025).

49. New Development Bank. India: Renewable Energy Sector Development Project [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ndb.int/projects/list-of-all-projects/india-renewable-energy-sector-development-project/> (дата обращения: 17.12.2025).

50. New Development Bank. NDB's General Strategy: 2022–2026 [Электронный ресурс]. – Shanghai: NDB, 2022. – 45 p. – URL: <https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2022/06/NDB-General-Strategy-2022-2026.pdf> (дата обращения: 18.12.2025).

51. New Development Bank. South Africa: Transnet Sustainable Transport Project [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ndb.int/projects/list-of-all-projects/south-africa-transnet-sustainable-transport-project/> (дата обращения: 19.12.2025).

52. Panin V.I., Sobolev A.V. Sino-Russian Cooperation in the Arctic: Current State and Prospects // International Journal of Energy Economics and Policy. – 2020. – Vol. 10, № 5. – P. 234–240.

53. Parks B.C., Malik A.A., Russell B.J. et al. How Beijing is Adapting the Belt and Road Initiative to Manage ESG Risks [Электронный ресурс]. – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2025. – URL: <https://www.aiddata.org/publications/how-beijing-is-adapting-the-belt-and-road-initiative-to-manage-esg-risks> (дата обращения: 01.12.2025).

54. Prigogine I., Stengers I. Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature. – New York: Bantam Books, 1984. – 349 p.

55. Rana P.B., Wai-Poi M. The Impact of Infrastructure on Income and Poverty: Evidence from Pakistan // Journal of Infrastructure, Policy and Development. – 2020. – Vol. 4, № 1. – P. 1–15.

56. South African Government. Department of Public Enterprises Annual Report 2023 [Электронный ресурс]. – Pretoria: DPE, 2023. – 150 p. – URL: https://nationalgovernment.co.za/department_annual/514/2024-department-of-public-enterprises-%28dpe%29-annual-report.pdf (дата обращения: 02.12.2025).

57. Sun K. China and the Arctic: Objectives and Approaches // Marine Policy. – 2014. – Vol. 50. – P. 148–155.

58. Thakur R. The United Nations, Peace and Security: From Collective Security to the Responsibility to Protect. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 420 p.

59. The Worldwide Governance Indicators: Revised Methodology for Measuring Governance Using Perception Data [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – Washington, DC, 2025. – URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators> (дата обращения: 26.12.2025).

60. Twalo T. Are poverty, inequality and unemployment here to stay in South Africa? // International Journal of Development and Sustainability. – 2024. – Vol. 13, № 11. – P. 1043–1056. – URL: <https://isdnet>.

com/ijds-v13n11-05.pdf (дата обращения: 07.12.2025).

61. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). Trade and Development Report 2024: Rethinking Development in the Age of Discontent [Электронный ресурс]. – Geneva: UNCTAD, 2024. – 150 p. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2024_en.pdf (дата обращения: 03.12.2025).

62. United Nations Industrial Development Organization (UNIDO). Industrial Development Report 2024: Turning Challenges into Sustainable Prosperity through Industrial Policy [Электронный ресурс]. – Vienna: UNIDO, 2024. – 200 p. – URL: https://www.unido.org/sites/default/files/unido-publication/2024-05/IDR2024_FULLREPORT.pdf (дата обращения: 04.12.2025).

63. United Nations. Sustainable Development Goals [Электронный ресурс]. – URL: <https://sdgs.un.org/goals> (дата обращения: 05.12.2025).

64. UNCTAD. World Investment Report 2024: Investment, Trade and Development [Электронный ресурс]. – Geneva: UNCTAD, 2024. – 250 p. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf (дата обращения: 06.12.2025).

65. Viola E., Basso L. The BRICS New Development Bank: A New Model for Development Finance? // Journal of International Relations and Development. – 2024. – Vol. 27, № 2. – P. 250–275.

66. Viola E., Basso L. Wandering the Green Field: China's Strategic Partnership with Brazil // International Quarterly for Asian Studies. – 2016. – Vol. 47, № 1–2. – P. 33–58.

67. World Bank and International Monetary Fund. Kenya – Joint World Bank-IMF Debt Sustainability Analysis [Электронный ресурс]. – Washington, D.C.: World Bank, 2024. – 45 p. – URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099091725182560879> (дата обращения: 08.12.2025).

68. World Bank. India Development Update: Inequality Trends [Электронный ресурс]. – Washington, D.C.: World Bank, 2025. – URL: <https://www.worldbank.org/en/country/india/publication/india-development-update-inequality-trends> (дата обращения: 09.12.2025).

69. World Bank. South Africa Economic Update: Inequality and Growth [Электронный ресурс]. – Washington, D.C.: World Bank, 2025. – URL: <https://www.worldbank.org/en/country/southafrica/publication/south-africa-economic-update-inequality-and-growth> (дата обращения: 10.12.2025).

70. World Bank. World Development Indicators Database [Электронный ресурс]. – Washington, D.C.: World Bank, 2025. – URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 11.12.2025).

71. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Объявление о присуждении контракта на поставку товаров и выполнение работ по проекту «Длинный мост и подъездные пути на участке дороги Обигарм–Нурабад», Таджикистан [Электронный ресурс]. – URL: https://www.aiib.org/en/opportunities/business/project-procurement/_download/Tajikistan/Obigarm-Nurobod-Road-Project-Long-Bridge-and-Approaches_Contract_AwardGoods_Works_NCS.pdf (дата обращения: 27.01.2026).

72. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Проект строительства длинного моста и подъездных путей на участке дороги Обигарм–Нурабад [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aiib.org/en/projects/details/2024/approved/Obigarm-Nurobod-Road-Project-Long-Bridge-and-Approaches.html> (дата обращения: 27.01.2026).

73. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Список утверждённых проектов [Электронный ресурс]. – URL: https://www.aiib.org/en/projects/list/year/All/member/All/sector/All/financing_type/All/status/Approved (дата обращения: 27.01.2026).

74. «Банковское финансирование инициативы «Один пояс — один путь»: китайские инвестиции в глобальную инфраструктуру» [Электронный ресурс] / AidData при Университете Уильяма и Мэри. — URL: <https://www.aiddata.org/publications/banking-on-the-belt-and-road> (дата обращения: 02.12.2025).

75. Бизнес и права человека: информационный центр. Информационная страница о ПАО «Рогунская ГЭС» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.business-humanrights.org/en/companies/>

ojsc-rogun-hpp/?companies=927535 (дата обращения: 27.01.2026).

76. Далио Р. Принципы изменения мирового порядка: почему одни страны побеждают, а другие проигрывают / пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. – 608 с.

77. Забелла А.А. Цели и интересы Китая в Арктике // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. – 2019. – № 4. – С. 45–52. – URL: <https://vestnik.gor.edu.ru/jour/article/view/136> (дата обращения: 12.12.2025).

78. Клейнер Г.Б. (ред.). Системный анализ в экономике – 2016: Сборник трудов IV Международной научно-практической конференции. – М.: ЦЭМИ РАН, 2016. – Т. 1. – 500 с.

79. Клейнер Г.Б. Развитие теории экономических систем и ее применение в корпоративном и стратегическом управлении // Препринт WP/2010/269. – М.: ЦЭМИ РАН, 2010. – 45 с.

80. Клейнер Г.Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. – 2013. – № 6. – С. 4–28.

81. Клейнер Г.Б., Звягина М.А., Щербаков В.Н. Системный анализ и моделирование: Сборник ситуационных задач. – М.: Финансовый университет, 2018. – 150 с.

82. Котляков В.М., Степанов И.В. Китайская политика в Арктике: интересы и стратегии // Арктика и Север. – 2020. – № 39. – С. 5–22.

83. Памир: земля, где рождаются реки // Лента.Ру [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/articles/2013/05/14/pamir/> (дата обращения: 27.01.2026).

84. Таджикистан выплатит более 500 млн долларов иностранным кредиторам в 2026 году // TimesCA [Электронный ресурс]. – URL: <https://timesca.com/tajikistan-to-repay-over-500-million-to-foreign-creditors-in-2026/> (дата обращения: 27.01.2026).

85. Фонд Росконгресс. Ли Цзинь (Jin Liqun) [Электронный ресурс]. – URL: <https://roscongress.org/en/persons/li-tszin/> (дата обращения: 13.12.2025).

Features of the contribution of the Asian Infrastructure Investment Bank and the New Development Bank to the sustainable development

Kuznetsov Aleksei Vladimirovich

Doctor of Sciences (Economics), Senior Researcher, Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: kuznetsov0572@mail.ru

Arazgeldiov Guichgeldi Arazgeldi ogly

Student,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: 208877@edu.fa.ru

Sin Vladislav Dmitrievich

Student,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: 223087@edu.fa.ru

KEYWORDS.

AIIB, NDB, sustainable development, developing countries, structural dependence, geopolitical economics

ABSTRACT.

This article conducts a selective assessment of the impact of the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) and the New Development Bank (NDB) on the economic and social development of developing countries. Based on empirical data and an analysis of the banks' projects, the authors test the hypothesis that, despite their stated goals of advancing the UN Sustainable Development Goals, banks' activities primarily reproduce structural dependencies of the economies of recipient countries. Using the "real development" criterion (increased autonomy, reduced dependence, and the creation of high-tech industries), the article demonstrates the minimal contribution of the analyzed projects to structural change. The implementation of infrastructure projects increases the size of debt without the beneficial diversification of export structures or the localization of technology. The analysis identified a number of interrelated factors explaining the geopolitical underpinnings of the new development banks' interests and compared their activities with the policies of traditional multilateral financial institutions. The theoretical significance of this study lies in the development and testing of a system of "real development" criteria that goes beyond traditional quantitative metrics such as financing volumes or nominal GDP growth. The developed methodology, which integrates economic, social, technological, and financial indicators, enables a more nuanced assessment of the effectiveness of lending by multilateral financial institutions. Recommendations are offered for improving the effectiveness of the AIIB and the NDB in financing projects in developing countries, as well as areas for further research on this issue. It is concluded that real shifts in the balance of power in the global economy depend on the ability of new development banks to balance their geopolitical ambitions with the real needs of developing countries.

Совершенствование финансовой безопасности организации (на примере АО «Россельхозбанк»)

Павлова Ксения Алексеевна

Студент

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: senijia@mail.ru

Шехова Наталия Владимировна

доктор экономических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: nataly65vf@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

финансовая безопасность, банковский сектор, риски финансовой безопасности, финансовый анализ, угроза избыточной ликвидности, угроза роста просроченной задолженности, финансовая устойчивость коммерческого банка, внедрение автоматизированных систем, эффективность стратегических рекомендаций

АННОТАЦИЯ

Исследование посвящено актуальной проблеме, касающейся путей повышения финансовой безопасности организаций. От того, насколько грамотно каждая организация оценивает свои угрозы и риски, гибко реагирует на внешние и внутренние изменения, своевременно предотвращает и (или) минимизирует ущерб от реализации негативных событий зависит устойчивость ее развития, стабильность результатов и перспективы ее роста. Все это влияет на уровень финансовой безопасности любого хозяйствующего субъекта. Так или иначе, каждая организация привлекает средства для создания, существования, дальнейшего расширения масштабов деятельности. В связи с этим особую важность представляет необходимость всестороннего анализа и оценки финансовой устойчивости коммерческих банков, эффективное управление финансовыми ресурсами и денежными потоками, выявление уязвимых мест и путей повышения финансовой безопасности банков. Целью статьи является разработка стратегических рекомендаций по повышению уровня финансовой безопасности коммерческих банков (на примере АО «Россельхозбанк»). Для достижения цели были решены следующие задачи: оценка уровня финансовой безопасности АО «Россельхозбанк»; выявление вызовов, угроз и рисков финансовой безопасности АО «Россельхозбанк»; разработка и оценка эффективности стратегических мероприятий обеспечения финансовой безопасности АО «Россельхозбанк». Результаты исследования: внедрение системы автоматического принятия решений по заявкам клиентов на кредитные продукты в коммерческий банк, по предварительным оценкам и прогнозам, позволит снизить затраты на фонд оплаты труда, существенно сократить время принятия решения по заявке, увеличить конверсию в выдачу кредитного продукта, а также снизить долю просроченной задолженности. Вышеуказанные результаты, в отдельности и в совокупности, позволят повысить уровень финансовой устойчивости, а следовательно, уровень финансовой безопасности коммерческого банка. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы финансовыми аналитиками, банковскими агентами, представителями кредитных организаций, а также научными исследователями финансового сектора экономики.

JEL codes: G21; G32; M15; M29; O33; Y10

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-1-186-202>

Для цитирования: Павлова, К.А. Совершенствование финансовой безопасности организации (на примере АО «Россельхозбанк») / К.А. Павлова, Н.В. Шехова. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 1. – С. 186-202. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 31.01.2026)

Введение

Финансовая безопасность является одним из ключевых видов безопасности хозяйствующего субъекта. Финансовый анализ организации позволяет оценить текущее состояние организации, выявить и в дальнейшем нейтрализовать имеющиеся риски и угрозы финансовой безопасности, оценить перспективы развития организации и составить прогноз.

Банковский сектор оказывает существенное влияние на функционирование различных экономических субъектов и устойчивое развитие экономической сферы в целом. Изменения, происходящие в банковской системе, так или иначе, влияют не только на финансовые процессы, но и на экономику страны. Занимая центральное место в экономической сфере, связывая промышленность, сельское хозяйство, торговлю и население, банки функционируют в интересах многочисленных заинтересованных сторон (начиная с Банка России и заканчивая клиентами).

В соответствии с рекомендациями мегарегулятора финансового рынка страны, а именно Банка России, банковский сектор занимает позицию «защитника» экономической системы страны.

Так, в период пандемии COVID-19 по рекомендациям Банка России кредитные учреждения предоставляли новые условия в рамках кредитования реального сектора экономики (например, кредитные каникулы), внедряли программу поддержки малого бизнеса в рамках беспроцентного кредитования, проводили реструктуризацию долгов, в случае просроченной задолженности не начисляли пени и штрафы, в т.ч. с помощью поддержки государства [10, 11, с. 29].

В период принудительной самоизоляции многие внешние и внутренние мероприятия были переведены банками в цифровой формат. В частности, банками предлагались разнообразные онлайн-сервисы для обеспечения гарантированного доступа к основному пакету услуг. Это давало возможность клиентам дистанционно управлять своими счетами, осуществлять платежи и переводы и т.д.

Банки выдали более 50 млрд руб. по госпрограммам поддержки малого и среднего бизнеса. Благодаря кредитам на зарплаты под 0% более 37 тыс. предприятий из наиболее пострадавших от пандемии отраслей сохранили рабочие места и смогли восстановиться после снятия карантинных ограничений [21].

Кредитные учреждения продемонстрировали готовность идти навстречу своим клиентам, поддержали значительную часть заемщиков, не ухудшив при этом условия для вкладчиков. Кроме того, в кризисных обстоятельствах банки обеспечили бесперебойность работы, оперативно и качественно обслуживали клиентов, гибко реагируя на их нужды и ожидания.

Многие меры, предпринятые Банком России в период пандемии коронавирусной инфекции, помогли кредитным организациям компенсировать различного рода убытки. Например, за счет уменьшения дополнительных надбавок к коэффициентам риска по необеспеченным потребительским кредитам банки смогли компенсировать не только фактические убытки, связанные с ухудшением качества портфеля таких кредитов, но и потенциальные убытки от реструктурированных кредитов физических лиц [5, 26].

Важным аспектом является и то, что банки также являются плательщиками федеральных, региональных и местных налогов и сборов. В частности, банки уплачивают (удерживают) НДС – по ставке 20%, налог на прибыль – по ставке 25%, за исключением доходов в виде дивидендов и доходов иностранных организаций, НДФЛ – по ставке 13% и 30% по доходам налоговых резидентов и налоговых нерезидентов соответственно. Банки также платят налог на имущество, земельный и транспортный налоги.

По данным Банка России, чистая прибыль банковского сектора России по итогам 2024 г. составила 3,8 трлн рублей (без учета поступлений от дочерних банков) [17]. Следовательно, налог на прибыль, уплаченный банковским сектором в 2024 г., составил примерно 912 млрд руб. Кроме того, по данным отчета Федеральной налоговой службы России, по итогам 2024 г. в государственный бюджет поступило порядка 111 млрд руб. в качестве налога на доходы по банковским вкладам, который

заплатили вкладчики, получившие в качестве процентов за 2023 г. более 150 тыс. руб. [15, 25].

Банковский сектор сосредотачивает и перенаправляет огромный объем финансовых ресурсов экономики, обеспечивает переток капитала в реальный сектор экономики. Также банковский сектор обеспечивает функционирование механизма денежной эмиссии, бесперебойность внутренних и международных платежей, устойчивость национальной валюты, повышает общую эффективность производства и др.

Благодаря обеспечению банками доступности кредитов и финансовых услуг для частных лиц, предприятий и других экономических агентов осуществляется стимулирование инвестиций, потребления и экономической активности.

В связи с вышеизложенным, усиливается внимание к обеспечению и поддержанию финансовой устойчивости организаций банковской системы. Деятельность коммерческих банков сильно подвержена множеству как внешних, так и внутренних рисков и угроз [20, с. 21]. Они обусловлены кризисными ситуациями в банковском секторе, изменением внешних условий, ужесточением конкуренции и т.д. В таблице 1 приведены основные риски, повлиявшие на деятельность банковского сектора в 2024 г.

Таблица 1 – Основные риски, влияющие на финансовую безопасность организаций банковского сектора

Риск	Причины	Последствия
Валютный риск	Структурные дисбалансы на внутреннем валютном рынке; санкции США в отношении Московской Биржи	Переток ликвидности на внебиржевой рынок; повышение напряженности на рынке валютных свопов; сокращение выдачи кредитов в иностранной валюте; рост волатильности курса национальной валюты
Кредитный риск	Вызревание кредитов, выданных высокорискованным заемщикам по высоким ставкам; влияние высоких процентных ставок; концентрация долгов крупных заемщиков в корпоративном портфеле банков	Рост доли заемщиков, имеющих проблемы с обслуживанием долга по кредитам в сегменте микро- и малого бизнеса (во всех отраслях экономики); рост доли «плохих» корпоративных кредитов
Процентный риск	Жесткие денежно-кредитные условия; повышение процентных ставок; высокая доля и рост краткосрочных обязательств банков	Сокращение маржи банков по кредитам с плавающими ставками; увеличение отрицательной переоценки рублевого облигационного портфеля банковского сектора на 518,8 млрд руб.
Риск кражи чувствительной информации ввиду реализации кибератак	Уязвимости в программном обеспечении; слабая парольная политика; недостаточно углубленный сетевой мониторинг и др.	Утечка чувствительной информации; совершение несанкционированных финансовых операций; хищения денежных средств; подрыв доверия к финансовым и кредитным организациям и др.

Источник: составлено авторами на основе Обзора ЦБ РФ основных типов компьютерных атак в финансовой сфере в 2024 году [18], Обзора финансовой стабильности № 2 (25), II–III кварталы 2024 года [19]

Реализация различных рисков влечет за собой ухудшение или потерю ликвидности банка, внеплановые экономические и репутационные потери, убытки и другие негативные последствия [6, с. 136-137]. Поэтому актуальным вопросом остается всесторонний анализ и оценка финансовой устойчивости коммерческих банков, эффективное управление финансовыми ресурсами и денежными

потоками, выявление уязвимых мест и путей повышения финансовой безопасности банков [13, с. 1145-1146, 22, с. 17, 27, с. 102].

Финансовый анализ организации позволяет оценить текущее состояние организации, выявить и в дальнейшем нейтрализовать имеющиеся у организации риски и угрозы финансовой безопасности (или, по крайней мере, минимизировать ущерб от их реализации), оценить перспективы развития организации и составить прогноз.

Для учета постоянно меняющихся внешних условий при осуществлении организацией финансовой деятельности, а также для своевременного и адекватного реагирования на них разрабатывается стратегия обеспечения финансовой безопасности. Она охватывает финансовые отношения банка, основные направления его финансовой деятельности и перспективы развития путем выбора и принятия наиболее эффективных решений.

Цель исследования – совершенствование уровня финансовой безопасности коммерческого банка на примере акционерного общества «Российский Сельскохозяйственный банк» (далее АО «Россельхозбанк»). В соответствии с данной целью предполагается решение таких задач как проведение оценки уровня финансовой безопасности коммерческого банка, а также разработка и оценка эффективности стратегического мероприятия, направленного на повышение финансовой безопасности, в соответствии с выявленными угрозами и рисками банка.

Предметом исследования выступает разработка дополнительных направлений обеспечения финансовой безопасности коммерческого банка.

В свою очередь, объектом исследования является финансово-хозяйственная деятельность коммерческого банка. Ключевыми направлениями исследования выступают оценка уровня финансовой безопасности коммерческого банка на основании анализа его финансового состояния, выявления вызовов, угроз и рисков финансовой безопасности.

Методы

Для достижения поставленной цели в процессе проведения исследования были применены следующие методы: экономический анализ, метод пороговых значений индикаторов, сравнительный метод (в частности, метод сопоставления), аналитический метод (в частности, анализ, синтез, обобщение), статистический метод (в частности, сводка и группировка статистических данных, расчет абсолютных и относительных показателей). Для оценки уровня финансовой безопасности коммерческого банка, в соответствии с указаниями и инструкциями, использовалась преимущественно методика Банка России. Применение и комбинирование данных методов позволяет оценить исполнение банком обязательных нормативов, установленных мегарегулятором финансового рынка, а также провести многоаспектный анализ финансовой устойчивости коммерческого банка. Методологической базой для проведения исследования послужили данные Банка России, Федеральной налоговой службы России, аналитические материалы различных Интернет-ресурсов, бухгалтерская, финансовая и иная отчетность коммерческого банка, иные статистические, справочные и публицистические материалы.

Результаты исследования и обсуждение

Для оценки финансовой устойчивости конкретного коммерческого банка, а именно АО «Россельхозбанк», применялась методика Банка России, выделяющая 6 групп показателей финансовой устойчивости: показатели собственных средств (капитала), активов, доходности, ликвидности, качества управления банком, прозрачности структуры собственности [24].

Главным образом расчет значений нормативных показателей проводится организациями на основе Указания Банка России от 11.06.2014 N 3277-У «О методиках оценки финансовой устойчивости банка в целях признания ее достаточной для участия в системе страхования вкладов» [24].

Подробное описание правил расчета вышеуказанных показателей и сама методика оценки содержатся в Указании Банка России от 3 апреля 2017 г.

N 4336-У «Об оценке экономического положения банков» [23].

АО «Россельхозбанк» – один из крупнейших банков в России, основанный в целях развития национальной кредитно-финансовой системы агропромышленного сектора и сельских территорий Российской Федерации. Данный банк занимает позицию универсального коммерческого банка, предоставляет все виды банковских услуг, занимает лидирующие позиции в финансировании агропромышленного комплекса (АПК) России, 100% акций данного банка принадлежат Российской Федерации в лице Федерального агентства по управлению государственным имуществом (Росимущество) [16].

АО «Россельхозбанк» зарегистрировано 25 лет назад, следовательно, его деятельность стабильна. Непубличное акционерное общество несет повышенную ответственность и обязано раскрывать информацию в более широком формате. Уставный капитал составляет 522,6 млрд руб.

В состав руководства не входят дисквалифицированные лица, ни один из учредителей и руководителей не является массовым. Организация заключила 19625 контракта на общую сумму 112,7 млрд руб. в роли заказчика и 2584 контрактов на общую сумму 64,7 млрд руб. в роли поставщика. Организация опубликовала 2172 сообщения на Федресурсе, сообщений о банкротстве не обнаружено.

Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ, в результате 42% проверок были выявлены нарушения. В соответствии с данными Федеральной службы судебных приставов России, у банка имеются задолженности по исполнительным производствам на общую сумму 2,8 млн руб. [2]. Сведения о суммах недоимки и задолженности по пеням, штрафам, налоговым правонарушениям отсутствуют.

Динамика финансового результата АО «Россельхозбанк» за период 2019-2024 гг. представлена на рисунке 1.

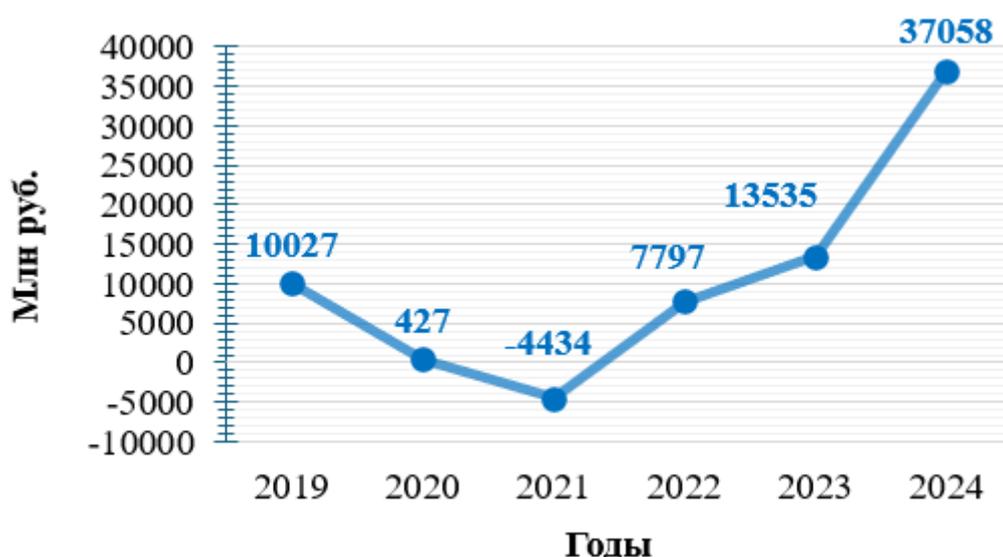

Рисунок 1 – Динамика финансового результата АО «Россельхозбанк» за 2019-2024 гг.

Источник: составлено авторами на основе Годовых бухгалтерских отчетов АО «Россельхозбанк» [7]

Таким образом, наиболее кризисным периодом для АО «Россельхозбанк» оказался период 2020-2021 гг., характеризующийся негативным влиянием пандемии COVID-19 в совокупности с ослаблением курса рубля, падением цен на нефть и другими факторами. Банк столкнулся с уменьшением прибыли до 427 млн руб. (в 23,4 раза) в 2020 г. и с получением убытка в 4,4 млрд руб. в 2021 г., увеличением просроченной кредиторской задолженности, слабой динамикой рынка депозитов и др. Однако реализация мер государственной поддержки, а также оперативно принятые АО «Россельхозбанк» меры, в частности организация дополнительных дистанционных рабочих мест, перевод сотрудников на удаленный режим работы, использование эффективных цифровых технологий, позволили банку сохранить устойчивость и обеспечить достижение ключевых показателей.

По результатам анализа исполнения АО «Россельхозбанк» обязательных нормативов уровень

его финансовой безопасности предварительно оценивается как достаточно высокий [9, с. 58]. Банк исполнял все обязательные нормативы, однако имеется стабильно излишняя ликвидность (в особенности мгновенная), поскольку фактические значения показателей за период 2019-2024 гг. значительно превышают нормативные значения (см. табл. 2).

Таблица 2 – Динамика значений обязательных нормативов АО «Россельхозбанк» за 2019-2024 гг.

Норматив (%)	Нормативное значение, %	Годы					
		2019	2020	2021	2022	2023	2024
достаточности собственных средств (капитала), Н1.0	> 4,5	15,2	15,1	14,4	14,8	15,7	15,2
достаточности базового капитала, Н1.1	> 6	9,5	9,9	9,8	9,9	8,7	8,4
достаточности основного капитала, Н1.2	> 8	10,7	11,4	11,2	11,4	10,1	9,8
финансового рычага, Н1.4	> 3	10,9	10,0	9,2	-	-	-
мгновенной ликвидности, Н2	≥ 15	191,0	133,9	90,4	239,1	167,9	194,3
текущей ликвидности, Н3	≥ 50	214,0	248,2	118,8	365,9	71,0	96,6
долгосрочной ликвидности, Н4	≤ 120	54,0	52,1	65,3	59,7	60,3	61,3
максимального размера крупных кредитных рисков, Н7	≤ 800	216,7	208,1	263,6	280,1	-	-
совокупной величины риска по инсайдерам банка, Н10.1	≤ 3	0,6	0,6	-	-	-	-
использования собственных средств (капитала) для приобретения акций (долей) других юридических лиц, Н12	≤ 25	7,0	6,7	7,9	8,0	-	-

Источник: составлено авторами на основе Годовых бухгалтерских отчетов АО «Россельхозбанк» [7], Портала банковского аналитика «Анализбанков.рф» [4]

Знак «-» в таблице 2 и в последующих таблицах характеризует отсутствие данных, предоставляемых АО «Россельхозбанк» в годовых бухгалтерских отчетах за соответствующие периоды.

Далее был проведен подробный анализ рассчитанных значений по основным группам показателей (в части доходности, капитала, ликвидности и активов) для уточненной оценки финансовой устойчивости банка с 2019 г. по 2024 г.

Таблица 3 отражает динамику показателей капитала и активов коммерческого банка за анализируемый период.

Таблица 3 – Динамика значений показателей капитала и активов АО «Россельхозбанк» в 2019-2024 гг.

Показатель (%)	Обозначение	Годы					
		2019	2020	2021	2022	2023	2024
Капитал							
достаточности собственных средств	ПК1 (Н1.0)	17,0	16,5	14,1	13,8	17,2	12,4
оценки качества капитала	ПК2	42,6	32,9	28,4	29,3	-	-
достаточности базового капитала	ПК3 (Н1.1)	9,5	9,9	9,8	9,9	8,7	6,7
достаточности основного капитала	ПК4 (Н1.2)	10,7	11,4	11,2	11,4	10,1	8,0
Активы							
качества ссуд	ПА1	9,5	7,3	5,2	4,7	4,0	-
доли просроченных ссуд	ПА3	9,7	7,3	5,4	5,0	3,7	2,7
размера резервов на потери по ссудам и иным активам	ПА4	8,5	14,4	11,7	10,4	5,8	5,0

Источник: составлено авторами на основе Годовых бухгалтерских отчетов АО «Россельхозбанк» [7], Портала банковского аналитика «Анализбанков.рф» [4]

Ввиду ограниченности информации, представляемой АО «Россельхозбанк» и аналитическими порталами, при оценке финансовой устойчивости коммерческого банка были рассчитаны и проанализированы лишь показатели качества ссуд, доли просроченных ссуд, размера резервов на потери по ссудам и иным активам.

Полученные результаты позволяют сделать вывод об имеющейся у показателя качества капитала тенденции к уменьшению за период 2019-2021 гг., что может быть обусловлено более быстрым темпом увеличения рискованных активов в сравнении с собственным капиталом. Однако к 2022 г. ситуация стабилизируется и наблюдается рост показателя на 3,2%.

Показатели достаточности базового и основного капитала в среднем превышают нормативные значения на 4,6% и 4,5% соответственно, что свидетельствует о некотором запасе банка, который не позволит ухудшить состояние достаточности капитала при снижении норматива.

Показатель качества ссуд имеет тенденцию к уменьшению, что может быть обусловлено сокращением количества безнадежных ссуд при одновременном увеличении ссудной задолженности в целом. Показатель доли просроченных ссуд также из года в год уменьшается, что, несомненно, является положительным фактом.

При оценке финансовой устойчивости коммерческого банка, кроме прочего, необходимо оценить ликвидность банка, которая отражает состояние активов, пассивов, а также операций, находящихся вне баланса, и качество менеджмента. Благодаря данной качественной характеристике возможно оценить качество собственных и привлеченных ресурсов и их размещения (см. табл. 4).

Таблица 4 – Динамика значений показателей доходности и ликвидности АО «Россельхозбанк» в 2019-2024 гг.

Показатель (%)	Обозначение	Годы					
		2019	2020	2021	2022	2023	2024
Доходность							
доходности активов (ROA)	ПД1	0,2	0,3	0,2	0,3	1,4	11,6
доходности капитала (ROE)	ПД2	1,5	1,9	1,3	2,4	7,7	15,7
структуры расходов	ПД4	36,4	61,1	67,2	64,6	-	-
чистой процентной маржи	ПД5	2,1	2,1	2,0	2,1	-	-
чистого спреда от кредитных операций	ПД6	4,3	4,2	3,6	3,7	-	-
Ликвидность							
общей краткосрочной ликвидности	ПЛ1	18,1	10,8	10,0	12,8	-	-
мгновенной ликвидности	ПЛ2 (Н2)	191,0	133,9	90,4	239,1	167,9	194,3
текущей ликвидности	ПЛ3 (Н3)	214,0	248,2	118,8	365,9	71,0	96,6
структуры привлеченных средств	ПЛ4	17,9	16,8	20,9	17,0	40,9	33,6
зависимости от межбанковского рынка	ПЛ5	-4,1	-7,9	-3,4	-7,2	-6,3	0,8
риска собственных вексельных обязательств	ПЛ6	9,2	9,3	12,8	14,9	4,3	7,0

Источник: составлено авторами на основе Портала банковского аналитика «Анализбанков.рф» [4]

Из таблицы 4 видно, что показатель мгновенной ликвидности, отражающий риск потери банком платежеспособности в течение одного дня, в целом имеет разнонаправленную динамику, однако его значения намного превышают нормативные значения. Это свидетельствует о достаточно большом или даже излишнем запасе ликвидности у кредитной организации. Однако это может объясняться масштабом деятельности АО «Россельхозбанк», особенно ввиду лидирующей позиции на рынке финансирования АПК.

Следующий показатель, а именно показатель текущей ликвидности, отражающий риск потери банком платежеспособности в течение ближайших 30 дней, также показывает разнонаправленную динамику и значительно превышает нормативные значения. Это может свидетельствовать о неэффективности деятельности банка, поскольку у него имеется избыток ликвидных активов по сравнению с обязательствами соответствующей срочности. Необходимо более сбалансированное управление, однако в целом у банка имеется ликвидность в срочных ресурсах, что позволяет ему выполнять свои обязательства.

Показатель структуры привлеченных средств, представляющий процентное отношение обязательств (пассивов) до востребования и привлеченных средств, не превышает пределы, установленные Банком России (не более 50%). Следовательно, АО «Россельхозбанк» поддерживает необходимое соответствие структуры баланса требованиям ликвидности.

В 2023 г. показатель небанковских ссуд увеличился до 145,56%, следовательно, ссудная задолженность увеличилась. Считается, что данный показатель не должен быть выше 85%. Превышение означает, что банку в перспективе необходимо увеличить объем привлекаемых средств. К 2024 г. значение данного показателя снизилось до 19,7%, следовательно, доля ссуд, которую клиенты банка могут погасить за счет остатков по счетам, сократилась.

Отрицательное значение показателя зависимости от межбанковского рынка указывает на отсутствие зависимости АО «Россельхозбанк» от межбанковского рынка кредитования, и, кроме того, о способности оперативно покрывать кассовые разрывы, если они возникают при осуществлении деятельности. Однако в 2024 г. зависимость АО «Россельхозбанк» на рынке межбанковских операций все же повысилась.

Показатель риска собственных вексельных обязательств сократился в 2023 г. до 4,33%, следовательно, доля векселей в собственных средствах сократилась, а надежность банка несколько повысилась. К 2024 г. наблюдается повышение данного показателя на 62,7%, что свидетельствует о повышении соответствующего риска, а значит, при реализации неблагоприятного сценария финансовое состояние банка может ухудшиться.

До 2023 г. доходность активов держалась примерно на одном уровне, однако, в 2023 г. рентабельность активов повысилась до 1,4%, что выше нижней границы нормативного значения (от 1% и более). Это свидетельствует о том, что активы банка способны генерировать прибыль. К 2024 г. доходность активов повысилась до 11,6% (на 10,2% или в 8,3 раза). Положительная тенденция в динамике рентабельности активов указывает на рост эффективности их использования.

Начиная с 2021 г. наблюдается умеренно положительная динамика доходности капитала. К 2024 г., в сравнении с 2023 г., значение показателя доходности капитала возросло на 8%, что, в свою очередь, свидетельствует об эффективности использования капитала и развитии кредитной организации.

На протяжении анализируемого периода в целом значения показателя чистой процентной маржи были чуть выше 2%. В 2021 г. можно отметить незначительное снижение показателя, однако уже в 2022 г. показатель увеличился до 2,05%, что говорит о росте эффективности осуществляемой банком деятельности.

К 2022 г. показатель чистого спреда от кредитных операций снизился до 3,67%, что может свидетельствовать об ужесточении конкурентной борьбы в банковском секторе и о том, что эффективность осуществления банком функции посредника между вкладчиками и заемщиками несколько снизилась.

Далее вышеуказанным показателям были присвоены баллы, исходя из балльной оценки, содержащейся в Указании Банка России от 03.04.2017 N 4336-У «Об оценке экономического положения банков». По группам показателей на основе формул, содержащихся в вышеуказанном нормативно-правовом акте Банка России, были определены обобщающие результаты (см. табл. 5).

Таблица 5 – Обобщающий результат по группам показателей

Итоговый результат по группе показателей	Обозначение	Баллы					
		2019	2020	2021	2022	2023	2024
оценки доходности	РГД	2	2	2	2	1	1
оценки капитала	РГК	1	1	1	1	1	1
оценки активов	РГА	2	2	2	2	1	1
оценки ликвидности	РГЛ	1	1	1	1	1	1

Источник: составлено авторами

Стоит отметить, что результаты оценки финансовой устойчивости коммерческого банка, полученные за 2023-2024 гг., могут иметь определенную степень погрешности, поскольку для расчета и анализа были доступны не все показатели.

Таким образом, в целом за анализируемый период АО «Россельхозбанк» имеет «удовлетворительное» состояние доходности и активов и «хорошее» состояние ликвидности и капитала. В 2023-2024 гг. состояние всех показателей АО «Россельхозбанк» оценивается как «хорошее», так как полученный обобщающий результат по всем показателям равен 1. Следовательно, согласно методике Банка России, АО «Россельхозбанк» относится к первой классификационной группе

банков по показателям устойчивости, т.к. у банка отсутствуют текущие трудности. Результаты, полученные при применении методики Банка России, были дополнены некоторыми показателями международной методики CAMELS (см. рис. 2).

Рисунок 2 – Компоненты (элементы) методики CAMELS

Источник: составлено авторами на основе Локтионова Ю. Н. Применение популярных методик CAMELS и В. С. Кромонава для оценки деятельности коммерческих банков [12]

Значения показателей качества управления АО «Россельхозбанк» представлены в таблице 6.

Таблица 6 – Показатели качества управления по методике CAMELS

Показатель (%)	Годы					
	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Деловая активность						
Общая кредитная активность	67,5	74,9	75,8	75,3	98,0	93,7
Инвестиционная активность	17,0	14,4	14,4	15,0	-	-
Коэффициент использования привлеченных средств	79,8	88,9	87,9	86,8	150,3	30,3
Коэффициент рефинансирования	38,1	16,0	52,6	14,4	36,2	47,1
Финансовая стабильность						
Коэффициент размещения средств	101,0	96,9	97,7	98,5	66,6	330,4
Коэффициент доступности банка к внешним источникам финансирования	2,6	1,5	3,9	1,2	3,6	3,7
Коэффициент дееспособности	99,8	99,5	99,9	99,5	97,7	96,1

Источник: составлено авторами на основе Портала банковского аналитика «Анализбанков.рф» [3]

За анализируемый период значения общей кредитной активности выше 55%, что подразумевает положительную оценку банка, однако в 2023-2024 гг. значение показателя превышает 80%, следовательно, перед банком стоит проблема ликвидности.

В целом значения коэффициента использования привлеченных средств превышает 80%, особенно в 2023 г. (на 70,27% больше, чем в 2022 г.), что свидетельствует о рискованной политике банка.

За анализируемый период значение коэффициента размещения средств к 2023 г. снизилось до 66,55%, что оценивается положительно, поскольку деятельность банка стала более стабильной по сравнению с прошлыми периодами. Однако в 2024 г. произошел резкий рост показателя в 5 раз, следовательно, банком размещено больше средств в активах. Это приведет к большей потенциальной прибыли, но одновременно повысит риск невозврата кредитов или снижения стоимости ценных бумаг.

Значения коэффициента доступности банка к внешним источникам финансирования меньше 40%, следовательно, деятельность банка стабильна, однако значения меньше 20%, что говорит о некотором недоверии к АО «Россельхозбанк» со стороны других банков.

Коэффициент дееспособности также является инструментом для оценки стабильной деятельности банка. Для обеспечения жизнеспособности необходимо, чтобы убытки от операций и инвестиций покрывались за счет доходов от операций. Рекомендуемое значение коэффициента не должно превышать 95%. Однако на протяжении всего рассматриваемого периода значения показателя выше рекомендуемого значения в среднем на 3,75%.

При более детальном анализе показателей доходности выяснилось, что показатель чистого спреда от кредитных операций находится в стабильно неудовлетворительном состоянии из-за существенной доли просроченной задолженности (82 млрд руб. [8]).

Таким образом, уровень финансовой безопасности АО «Россельхозбанк» можно признать удовлетворительным, поскольку значения всех показателей соответствуют обязательным нормативам Банка России. В 2023 г. у АО «Россельхозбанк», наблюдается «хорошее» состояние показателей доходности, капитала, ликвидности, активов и стабильность осуществляемой деятельности.

Однако при оценке финансовой устойчивости АО «Россельхозбанк» выявлены угроза стабильно избыточной ликвидности ввиду несбалансированности активов и пассивов банка, а также угроза возможного роста просроченной задолженности ввиду некачественного управления активами, нестабильным финансово-экономическим положением заемщиков и др.

Избыточная ликвидность рассматривается как угроза финансовой безопасности банка, поскольку может привести к снижению доходности активов из-за избытка высоколиквидных активов, сосредоточенных в низкодоходных инструментах и приносящих кредитной организации недостаточный по уровню доход (или недополучение дохода).

Рост просроченной задолженности, в свою очередь, может негативно повлиять на финансовый результат банка. Это связано с вынужденным для банка увеличением резервов на возможные потери по ссудам, что напрямую повлияет на снижение прибыли. Вследствие реализации данной угрозы неизбежно реализуется кредитный риск, заключающийся в получении банком убытков вследствие несвоевременного или неполного выполнения заемщиками своих финансовых обязательств перед банком в соответствии с условиями соответствующего договора.

В связи с вышеизложенным, в имеющейся стратегии развития АО «Россельхозбанк» необходимо разработать дополнительные положения стратегии обеспечения финансовой безопасности данного банка. В частности, в целях минимизации выявленных угроз предложено внедрить систему автоматического принятия решений по заявкам клиентов на кредитные продукты (на основе искусственного интеллекта). Данная система позволит уменьшить время принятия решения, повысить качество оценки заявок и, соответственно, снизить долю проблемных кредитов, а также гибко управлять портфелем кредитных продуктов в зависимости от риск-аппетита банка. Система рекомендует решение исходя из анкетных данных, информации о клиенте, кредитной истории, данных внешних источников. В зависимости от продукта и уровня риска, решение принимается автоматически или поступает на дополнительную верификацию андеррайтеру.

Система основана на технологии классификации данных по клиенту на основе модели градиентного бустинга CatBoost. Подобные технологии доказали свою эффективность после внедрения их в АО «Газпромбанк». Для обучения модели сгенерировано более 600 признаков по

заявкам клиентов [14].

Прогнозные результаты внедрения системы автоматического принятия решений по заявкам клиентов на кредитные продукты в АО «Россельхозбанк» представлены на рисунке 3.

Рисунок 3 – Снижение объема просроченной задолженности до и после внедрения системы в АО «Россельхозбанк»

Источник: составлено авторами

Объем просроченной задолженности в результате внедрения в АО «Россельхозбанк» системы автоматического принятия решений по заявкам клиентов на кредитные продукты предположительно сократится чуть больше чем в 3 раза (или на 54,7 млрд руб.).

На рисунке 4 отражено влияние внедрения данной системы на затраты, связанные с фондом оплаты труда.

Рисунок 4 – Снижение затрат на оплату труда до и после внедрения системы в АО «Россельхозбанк»

Источник: составлено авторами

Исходя из доступных для анализа данных в 2024 г. на оплату труда работников определенной категории приходилось около 1977 млрд руб. [7]. По предварительным оценкам внедрение данной системы может позволить банку снизить затраты на фонд оплаты труда примерно на 3,1% (или на 61,3 млрд руб.).

Кроме того, данная система позволит существенно сократить время принятия решения по заявке (с 48 часов до 1 минуты). Это связано с тем, что до внедрения системы рассмотрение всех заявок по выдаче кредита и принятие решений по ним относилось к компетенции сотрудников банка (андеррайтеров), и на проверку приходилось двое суток. Благодаря внедряемой системе прогноз выдачи или отказа по заявке клиента будет происходить автоматически.

Кроме того, прогнозируется увеличение конверсии в выдачу кредитного продукта в АО «Россельхозбанк» на 10% (с 90% до 100%). Конверсия в выдачу кредита представляет собой соотношение числа посетителей, выполнивших целевое действие, и общего числа посетителей. Конверсия может рассчитываться поэтапно. Например, на первом этапе важно, чтобы клиент перешел от изучения рекламного поста непосредственно на сайт организации. Таким образом, внимание потенциального клиента переходит в состояние интереса. Далее необходимо не просто заинтересовать клиента, но и пробудить в нем желание, например, добавить то или иное предложение банка в «корзину». Самый важный, заключительный этап проявляется в непосредственном действии клиента и заключается в покупке того или иного продукта банка или приобретении той или иной услуги. В частности, рассматривалось повышение конверсии, при которой клиент не просто ознакомился с условиями кредита, но и оставил свою заявку на приобретение кредита с дальнейшим решением о его действительном приобретении.

Показатели мгновенной ликвидности в результате внедрения системы автоматического принятия решений по заявкам клиентов на кредитные продукты изменятся, но не существенно. Прогнозируется уменьшение показателя мгновенной ликвидности всего на 0,0005% или на 0,001 (с 194,299% до 194,298%).

Примерная стоимость данной системы приблизительно оценивается в 2,5 млн руб. исходя из известных расценок на подобные системы [1]. За первый год внедрения банку необходимо затратить чуть больше 2,5 млн руб., далее – примерно 186 тыс. руб. ежегодно в качестве расходов на обслуживание и другие, связанные с использованием системы, расходы. Затраты полностью окупятся в первый же год.

Реализация предложенных стратегических рекомендаций позволит повысить финансовую устойчивость банка, что в целом повысит уровень его экономической безопасности.

Заключение

Итоги проведенного анализа финансового состояния, вытекающих из него угроз финансовой безопасности коммерческого банка АО «Россельхозбанк», а также разработанных стратегических рекомендаций позволяют сделать вывод о целесообразности и экономической эффективности внедрения в деятельность банка автоматизированных систем, в т.ч. основанных на искусственном интеллекте. Это особенно важно для снижения финансовых издержек и повышения стратегической гибкости в деятельности коммерческого банка.

Внедрение системы автоматического принятия решений по заявкам клиентов на кредитные продукты в АО «Россельхозбанк», по предварительным оценкам и прогнозам, позволит снизить затраты на фонд оплаты труда (на 3,1% или на 61,3 млн руб.), существенно сократить время принятия решения по заявке (с 48 часов до 1 минуты), увеличить конверсию в выдачу кредитного продукта (до 100%), а также снизить долю просроченной задолженности (более чем в 3 раза или на 54,7 млрд руб.).

Вышеуказанные результаты, в отдельности и в совокупности, позволят повысить уровень финансовой устойчивости коммерческого банка, а следовательно, и уровень его финансовой безопасности. Для внедрения данной системы необходимы определенные инвестиции (чуть больше 2,5 млн руб.), которые окупятся в ближайший год.

Кроме того, внедрение различных автоматизированных систем в деятельность коммерческого банка позволит снизить уровень «рутинной» нагрузки на сотрудников, вследствие чего возможно сфокусировать их внимание на стратегически более важных процессах для банка. В дополнение к этому, снизится доля ошибок, связанных с человеческим фактором. Автоматизированные системы

позволяют не только документировать, но и отслеживать каждый этап операции, что позволяет быстро реагировать на возникающие трудности в деятельности банка, что, в свою очередь, повышает прозрачность бизнес-процессов. Благодаря внедрению автоматизированных систем происходит ускорение обработки банковских операций и клиентских запросов, улучшается качество обслуживания, в т.ч. посредством персонализации услуг и предложений. Внутренние процессы выстраиваются в единую систему, что обеспечивает быстрое и надежное обслуживание клиентов, вне зависимости от региона.

Однако это не отменит возможные дополнительные расходы банка на привлечение специалистов, владеющих навыками работы с подобными системами и умением правильно интерпретировать полученные результаты, или расходы на обучение (повышение квалификации) имеющегося у банка персонала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1С: CRM для банков: официальный сайт компании ООО «ИнформСреда» // URL: <https://itsreda.ru/catalog/1c-crm-dlya-bankov/> (дата обращения 10.04.2025 г.).
2. Акционерное общество «Российский сельскохозяйственный банк»: сервис проверки контрагентов «Чекко» // URL: <https://checko.ru/company/rosselhozbank-1027700342890?ysclid=m2lkf9usqm106010605#legal-cases> (дата обращения 15.10.2024 г.).
3. Анализ АО «Россельхозбанк» в соответствии с международной методикой CAMELS: портал банковского аналитика «Анализбанков.рф» // URL: <https://analizbankov.ru/bank.php?BankId=rosselhozbank-3349&BankMenu=camels&fform=&months=1&change=absolute> (дата обращения 23.10.2024 г.).
4. Анализ АО «Россельхозбанк»: портал банковского аналитика «Анализбанков.рф» // URL: <https://analizbankov.ru/bank.php?BankId=rosselhozbank-3349&BankMenu=analyze> (дата обращения 23.10.2024 г.).
5. Банк России принял решение по регуляторным послаблениям и макропруденциальным мерам: официальный сайт Банка России // URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=10082020_163109pr_0.htm (дата обращения 08.04.2025 г.).
6. Васильева Ю. А. Финансовая безопасность коммерческого банка: факторы, угрозы, направления укрепления / Ю. А. Васильева // Форум молодых ученых. – 2023. – № 6(82). – С. 134-142.
7. Годовой бухгалтерский отчет: официальный сайт АО «Россельхозбанк» // URL: <https://www.rshb.ru/about/reports-conclusion/accounting?ysclid=mf81cmi85f555896161> (дата обращения 10.10.2024 г.).
8. Доля просроченных кредитов в сельском хозяйстве выросла на 30% в 2024 году – Россельхозбанк: профессиональная сеть фермеров и людей агробизнеса «Agrobook» // URL: <https://agrobook.ru/news/93967/dolya-prosrochennyh-kreditov-v-selskom-hozyaystve-vyros-la-na-30-v-2024-godu-rosselhozbank> (дата обращения 23.10.2024 г.).
9. Еремина, О. И. К вопросу об оценке финансовой устойчивости коммерческого банка / О. И. Еремина, С. В. Потапов, В. И. Чугунов // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 1. – С. 56-61.
10. Коронавирус: меры поддержки граждан и бизнеса: официальный сайт Банка России // URL: <https://cbr.ru/covid/> (дата обращения 08.04.2025 г.).
11. Леонов А. О. Банковский сектор как агент сохранения устойчивости субъектов экономики в условиях пандемии / А. О. Леонов, В. В. Рончинский // Система управления экологической безопасностью: сборник трудов XIV международной научно-практической конференции. – Екатеринбург: УрФУ, 2020. – С. 27-31. // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/82634/1/sueb_2020_005.pdf (дата обращения 08.04.2025 г.).
12. Локтионова Ю. Н. Применение популярных методик CAMELS и В. С. Кромонова для оценки деятельности коммерческих банков / Ю. Н. Локтионова, О. Н. Янина // Социальная политика и социология. – 2023. – Т. 22, № 3(148). – С. 93-99.
13. Меньшикова, Е. А. Комплексная оценка уровня финансово-экономической устойчивости коммерческого банка / Е. А. Меньшикова // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 1(174). – С. 1145-1149.
14. Моментальные решения по кредитным заявкам: официальный сайт Альянса в сфере искусственного интеллекта // URL: <https://ai-russia.ru/library/gpn-bank-credit> (дата обращения 10.04.2025 г.).
15. Налоги на доходы по вкладам за 2024 год составили 111 миллиардов рублей: информационное

агентство «РИА Новости» // URL: <https://ria.ru/20250408/nalog-2010010186.html> (дата обращения 09.04.2025 г.).

16. О Банке: официальный сайт АО «Россельхозбанк» // URL: <https://www.rshb.ru/about> (дата обращения 10.10.2024 г.).

17. О развитии банковского сектора Российской Федерации в декабре 2024: информационно-аналитический материал Банка России // URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55056/razv_bs_24_12.pdf (дата обращения 10.04.2025 г.).

18. Обзор основных типов компьютерных атак в финансовой сфере в 2024 году: отчет Центрального банка Российской Федерации // URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55129/Attack_2024.pdf (дата обращения 10.04.2025 г.).

19. Обзор финансовой стабильности за II–III кварталы 2024 года: отчет Центрального банка Российской Федерации // URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/54857/Q2-Q3_2024.pdf (дата обращения 09.04.2025 г.).

20. Пригодич И. А. Концептуальные аспекты финансовой безопасности банка / И. А. Пригодич // Экономика и банки. – 2023. – № 2. – С. 19-24.

21. Руководитель дирекции цифрового бизнеса ПСБ Александр Чернощекин о работе банковского сектора в пандемию: ежедневная общенациональная деловая газета «Коммерсантъ» // URL: <https://special.kommersant.ru/pandemic/psb.html> (дата обращения 08.04.2025 г.).

22. Синиченко, О. А. Оценка устойчивости банковской системы в контексте повышения финансовой безопасности страны / О. А. Синиченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 16-26.

23. Указание Банка России от 03.04.2017 N 4336-У «Об оценке экономического положения банков»: СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217168/?ysclid=m31xn9sdq0790595077 (дата обращения 21.10.2024 г.).

24. Указание Банка России от 11 июня 2014 г. N 3277-У «О методиках оценки финансовой устойчивости банка в целях признания ее достаточной для участия в системе страхования вкладов»: СПС «Гарант» // URL: <https://base.garant.ru/70710774/?ysclid=m2ixhglpbn493029973> (дата обращения 21.10.2024 г.).

25. ФНС оценила в 111 млрд рублей поступления от налога на доходы по вкладам: официальный печатный орган Правительства Российской Федерации «Российская газета» // URL: <https://rg.ru/2025/04/08/fns-ocenila-v-111-mlrd-rublej-postupleniia-ot-naloga-na-dohody-po-vkladam.html?ysclid=mf5dv5sj12797547379> (дата обращения 09.04.2025 г.).

26. Фоминых, С. А. Анализ влияния банковской системы на экономическое развитие государства на различных стадиях экономического цикла / С. А. Фоминых // Вектор экономики. – 2023. – № 10(88). // URL: <https://vectoreconomy.ru/images/publications/2023/10/financeandcredit/Fominykh.pdf> (дата обращения 08.04.2025 г.).

27. Черная, Е. Г. Финансовая безопасность коммерческого банка, как один из важнейших аспектов обеспечения стабильности банковской деятельности / Е. Г. Черная, Е. В. Абрамов // Вестник ВИАПП. – 2024. – № 3. – С. 98-105.

Strategic recommendations for ensuring the financial security of an organization (using the example of JSC “Rosselkhozbank”)

Pavlova Xenia Alexeevna

Student

Saint Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation

E-mail: senijia@mail.ru

Shekhova Nataliya Vladimirovna

Doctor of Economics, Professor

Saint Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation

E-mail: nataly65vf@gmail.com

KEYWORDS

financial security, banking sector, financial security risks, financial analysis, threat of excess liquidity, threat of growth of overdue debts, financial stability of a commercial bank, implementation of automated systems, effectiveness of strategic recommendations

ABSTRACT

The research is devoted to an urgent problem concerning ways to improve the financial security of organizations. The sustainability of its development, the stability of its results and the prospects for its growth depend on how competently each organization assesses its threats and risks, flexibly reacts to external and internal changes, timely prevents and (or) minimizes damage from the implementation of negative events. All this affects the level of financial security of any business entity. Anyway, each organization attracts funds to create, exist, and further expand its activities. In this regard, the need for a comprehensive analysis and assessment of the financial stability of commercial banks, effective management of financial resources and cash flows, identification of vulnerabilities and ways to improve the financial security of banks is of particular importance. The purpose of the article is to develop strategic recommendations for improving the financial security of commercial banks (using the example of JSC «Rosselkhozbank»). To achieve this goal, the following tasks were solved: assessment of the financial security level of JSC «Rosselkhozbank»; identification of challenges, threats and risks to the financial security of JSC «Rosselkhozbank»; development and evaluation of the effectiveness of strategic measures to ensure the financial security of JSC «Rosselkhozbank». The results of the research suggest that the introduction of an automatic decision-making system for customer requests for credit products in a commercial bank, according to preliminary estimates and forecasts, will reduce payroll costs, significantly reduce the time needed to make a decision on an application, increase the conversion rate to a loan product, and reduce the proportion of overdue debt. The above results, individually and collectively, will improve the level of financial stability and, consequently, the level of financial security of a commercial bank. The results obtained during the research can be used by financial analysts, banking agents, representatives of credit institutions, as well as scientific researchers in the financial sector of the economy.
